

№ 68.

ИСТОРИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАГО РАЗ- ВИТІЯ ВЪ РОССІИ.

(Статья вторая).

Между тѣмъ какъ рабочій народъ, отвѣченный и обремененный вѣковою страдомою работою, не имѣлъ возможности, досуга и средствъ быть умственно-развитымъ классомъ и, во имя насущныхъ работъ и промысловъ, частію самъ отчуждался, а частію, какъ увидимъ далѣе, и отдаляемъ былъ отъ интеллектуальнаго развитія, — наше высшее сословіе, какимъ было въ древней Россіи боярство, — сословіе, свободное отъ работы, обезпеченное вотчинами, помѣстьями и даровою работою народа, имѣвшее, слѣдовательно, досугъ и средства къ интеллектуальной дѣятельности, — это сословіе было также погружено въ глубокое невѣжество и равнодушіе къ образованію. Дворянство, особенно высшее, сослужило въ Россіи свою службу въ дѣлахъ государственнаго управленія: въ древней Россіи — въ приказахъ и воеводствахъ, со времени Петра великаго — въ сенатѣ, въ коллегіяхъ, въ министерствахъ, въ государственномъ совѣтѣ, въ должности начальниковъ губерній и попечителей учебныхъ округовъ, на поприщѣ военномъ и проч. Были между ними государственные люди замѣчательнаго ума и не безъ политическаго такта. Нѣкоторые вельможи Петровскаго времени, особенно такіе „мужи,“ какъ выражался Татищевъ, „изъ подлости происшедшіе“, какъ князь Меншиковъ, графъ Ягужинскій и т. п., многіе знаменитые вельможи екатерининскаго времени и, въ частности, такіа лица, какъ графъ Шуваловъ, кн. Щербатовъ, Бец-

кій, адм. Мордвиновъ, Сперанскій, графъ Румянцевъ и др., занимаютъ весьма почетное мѣсто въ умственной исторіи Россіи. Но при всемъ томъ, наше дворянство никогда не было представителемъ интеллектуальныхъ интересовъ своей страны, оно не разрабатывало наукъ и не распространяло въ народѣ научныхъ знаній, не составляло передовыхъ дѣятелей въ литературѣ и т. п. Тѣмъ болѣе до-петровское боярство не представляло передоваго, интеллектуальнаго класса. До Петра великаго, за небольшими и рѣдкими исключеніями, уровень умственнаго развитія во всемъ народѣ былъ ровный. Что знали и какого міросозерцанія держались бояре, то же знали и такъ же мыслили и рассуждали крестьяне. Изъ 142 болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей древней Россіи, съ XI до конца XVII вѣка, только 4 или 5 писателей были изъ бояръ или князей: прочіе всѣ были изъ духовнаго чина и вообще изъ низшихъ чиновъ людей. И писатели княжескаго рода въ умственномъ отношеніи не только ничѣмъ не отличались, не обоособлялись и не отдалялись отъ простыхъ рабочихъ людей, но еще иногда заимствовали отъ нихъ матеріалъ, пользовались ихъ знаніями для своихъ писаній. Такъ, наприм., сочинитель повѣсти о выдропускомъ образѣ Богородицы, принадлежавшій къ роду князей Звѣнигородскихъ, говоритъ: „азъ слышахъ сіе отъ нѣкоего богобоязливаго и благоговѣйнаго мужа, именемъ Феодора *Корчелника*, и писанію предахъ, да никако безъ памяти пребудеть“¹⁾. Притомъ, достаточно прочитавъ нѣсколько крестьянскихъ челобитныхъ и помѣщичьихъ писемъ XVII вѣка, чтобы видѣть, была ли какая разница въ умственномъ развитіи крестьянъ и бояръ-помѣщиковъ: почти ровно не было никакой, а напротивъ даже смыслъ крестьянъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, едва ли былъ не выше и не развитѣе смысла бояръ. Напримѣръ, напечатанный въ Чтен. Московск. Общ. Исторіи во второй книгѣ за 1859 годъ (отд. V, стр. 42—54) крестьянскія челобитныя къ помѣщикамъ отличаются рельефнымъ, яснымъ выраженіемъ здраваго смысла, практической логикой и разсудительностью, фактическою содержательностью, ясно, мѣтко

¹⁾ Лѣтоп. рус. литер. т. IV, отд. III, стр. 27.

и изобразительно рисуютъ экономическій бытъ тогдашнихъ помѣщичьихъ деревень, выражаютъ вѣрное пониманіе крестьянами причинъ своей бѣдности, указываютъ лучшее средство къ улучшенію своего экономического быта въ свободной работѣ на себя, безъ всякихъ помѣщичьихъ и приказно-чиновничьихъ притѣсненій, въ борьбѣ съ крайнею бѣдностью высказываютъ потребность грамотности, ученія, и все это высказываютъ такимъ чистымъ, выразительнымъ языкомъ, который представляетъ рѣдкій образецъ тогдашняго русскаго разговорнаго языка. Напротивъ, тутъ же помѣщенные письма боярскія скудны не только содержаніемъ, но и смысломъ, состоятъ только изъ патріархально-генеалогическихъ величаній родственниковъ, изъ церковно-славянскихъ благожеланій здравія, да изъ извѣстій, кто у кого „обѣдалъ трожды“, изъ выраженія особенной заботы „о собакахъ ловчихъ, борзыхъ, гончихъ и ищейныхъ, и т. п.;—и вообще бояре-помѣщики сами сознаются въ своихъ письмахъ такимъ, напр., образомъ: „въ грамотѣ ты, Петрунюшка, пишешь глухо, мы разсудѣу положить не умѣемъ.“ Помѣщенные даже челобитныя помѣщичьи ничѣмъ не отличаются отъ челобитныхъ крестьянскихъ—ни смысломъ, ни языкомъ. Вслѣдствіе умственной неразвитости, по отсутствію интеллектуальныхъ потребностей и интересовъ, бояре-помѣщики, пріобрѣтая крестьянскими руками богатства, расточали ихъ большею частію непроизводительно, не на развитіе интеллектуальныхъ способностей, не на умственные потребности и занятія, не на развитіе и распространеніе научныхъ знаній, а на удовлетвореніе или своей роскоши и нѣги, или своихъ религіозныхъ желаній. Училищъ въ древней Россіи бояре не думали основывать, а только усердно основывали монастыри и не жалѣли для нихъ вкладовъ ¹⁾. Часто одинъ бояринъ или князь въ монастыри жертвовалъ такія суммы, на которыя можно бы было основать университетъ. Наприм. въ 1660—1701 г. князь Борятинскій пожертвовалъ въ Даниловъ монастырь до 20,399 рублей ²⁾; а 20,000 такая сумма, какую послѣ ис-

¹⁾ См. напр. въ Чтен. Общ. Ист. 1863 г. кн. I: описи разныхъ монастырей, основанныхъ князьями и боярами.

²⁾ Чтен. Общ. Ист. 1859 кн. 2, отд. V, стр. 37.

кали, наприм., на основаніе университета въ Батуринѣ. Другіе бояре, насладившись въ мірской жизни плодами работъ крестьянскихъ, наприм. работами 57 помѣстныхъ дворовъ, приносившихъ доходу, при оброчныхъ деньгахъ, одного хлѣба до 2,500 четвертей въ годъ, кромѣ разныхъ другихъ произведеній и мѣстныхъ крестьянскихъ издѣлій—холста, сукна, овчинъ, хмѣлю, льна и проч., удовольствовавшись всеми этими заработками и приношеніями крестьянъ, — поступали подъ конецъ жизни въ монастыри, оставляя все имущество на такое же производительное пользованіе своимъ внукамъ ¹⁾. Вообще, боярство московское не представляло и не могло представлять собою высшую интеллигенцію народа. Во-первыхъ, самая умственная природа и организація большой части боярства неспособна была къ возрожденію въ европейскій интеллектуальный типъ, несклонна была къ могучей умственной работѣ за все классы народа. Умственный складъ большой части боярства былъ восточно-азиатскій. Изъ родословной книги русскаго боярства, составленной въ концѣ XVII вѣка, видимъ, что тогда въ составѣ великокняжескаго дворянства было 133 княжескихъ и боярскихъ рода, происшедшихъ отъ выходцевъ изъ разныхъ татарскихъ ордъ — изъ крымской, ногайской, синей, золотой, большой, касуйской и другихъ, которыя съ своей стороны также представляли самую сложную амальгаму азіатскихъ племенъ — монгольскихъ, тюркскихъ, финскихъ и др.; кромѣ того 78 родовъ княжескихъ и боярскихъ записаны происшедшими отъ Литвы — племени тоже недалекаго и вялаго въ интеллектуальномъ отношеніи; наконецъ, 24 рода показаны выѣхавшими изъ полу-отуречившейся Греціи, изъ самой Турціи, Персіи, Грузіи, съ Кавказа и др. восточно-турецкихъ владѣній ²⁾. А сколько, кромѣ того, поступило въ составъ боярства или дворянства и кровно смѣшалось съ нимъ родовъ половецкихъ и печенѣжскихъ, черкасовъ, мурзъ татарскихъ, князевъ мордовскихъ и т. п. Хотя много было въ составѣ бо-

¹⁾ Ibid. стр. 40.

²⁾ Извѣст. антропологическ. отдѣлен. Общ. Любител. естествознанія т. I, стр. 38.

арства и европейскихъ генерацій или родовъ, но они почти всё давно перемѣшались и пришли въ полное фізіологическое родство съ восточно-азіатскими родами. При такомъ фізіологическомъ составѣ большей части боярства, удивительно ли, что оно, и по самому восточно-азіатскому умственному складу, не только задолго до Петра великаго не оказало самостоятельной инициативы къ интеллектуальному возрожденію Россіи, не стало, безъ указовъ царскихъ, само собою во главѣ умственнаго движенія въ Россіи, не вводило и не разрабатывало наукъ, но и при Петрѣ великомъ „лѣнью и огуртвомъ“ уклонялось отъ европейскаго образованія, и отправку на Западъ, „за-море въ науку“ считало для себя „первымъ несчастіемъ“¹⁾. Вельможи восточно-азіатскаго происхожденія, кровь которыхъ еще не успѣла возродиться подъ вліяніемъ европейской крови, были наиболѣе враждебны европейскимъ понятіямъ, какія утверждалъ въ Россіи Петръ великій. Такъ, напримѣръ, князь Александръ Михайловичъ Черкасскій, внукъ азіатскаго князя Уруслана Мурзы (въ православ. Яв. Куденетовича), по свидѣтельству англійскаго резидента Рондо (1730 г.), былъ противъ западныхъ нововведеній: „всѣ его свѣденія,—замѣчаетъ Рондо,—ограничиваются Россією, иностранныя дѣла ему совершенно чужды, и онъ противникъ чужеземныхъ обычаевъ и послѣднихъ нововведеній въ Россіи“²⁾. Точно также кн. Мих. Алегуковичъ Черкасскій, такого же азіатскаго происхожденія, до такой степени извѣстенъ былъ даже простому народу своею преданностью восточно-азіатской старинѣ допетровской Руси, что извѣстный вождь раскола, Талицкій, совѣтывалъ раскольникамъ выбрать этого князя во главу стрѣлцко-раскольничьяго возстанія противъ преобразователя Россіи³⁾. И вообще, многіе бояре петровскаго времени съ азіатскою враждебностью смотрѣли на европейскій образъ мыслей, водворявшійся со времени

1) Напримѣръ, бояринъ Вас. Вас. Головинъ писалъ въ своей «запискѣ о бѣдной и суетной жизни человѣческой»: «въ маѣ (1712 г.) въ послѣднихъ числахъ и я грѣшникъ въ первое несчастіе опредѣленъ за-море для морской навигацкой науки: тогда же другіе и на смотру опредѣлены были. Пекарскаго 1, 141—142.

2) «Характеры нѣкоторыхъ русскихъ вельможъ» по запискамъ Рондо и Делири въ Чтен. Общ. исторіи.

3) Соловьева, истор. Россіи т. XV, стр. 133.

Петра великаго. Испанскій посолъ, герцогъ де-Лирія говорилъ, напр., о князѣ Д. М. Голицынѣ (1665—1738): „онъ былъ одинъ изъ тѣхъ стариковъ, которые, вмѣсто всякой системы, твердятъ одно: для чего намъ всѣ новые обычаи? развѣ не можемъ мы жить, какъ жилали наши отцы, такъ, чтобы иностранцы не предписывали намъ новыхъ законовъ?“ О графѣ Г. И. Головкинѣ (1660—1734) де-Лирія замѣчаетъ: „имѣлъ наклонность къ стариннымъ нравамъ“; о князѣ М. М. Голицынѣ: „не терпѣлъ иностранцевъ;“ о князѣ И. Ю. Трубецкомъ (1667—1750), замѣчательномъ, какъ послѣднемъ русскомъ бояринѣ, пережившемъ боярство цѣлымъ полу-столѣтіемъ: „невѣжда, какихъ можно встрѣчать не много“¹⁾. Вслѣдствіе преобладанія въ большой части дворянства восточно-азиатскаго унастроенія надъ европейской интеллигенціей,—оно большею частію въ восточной роскоши и нѣгѣ расточало и изживало не только умственные силы, но и самыя матеріальныя средства. „На мирномъ полуазіатскомъ быту предковъ нашихъ — дворянъ отразились преобразованія Петра великаго, — писалъ дворянинъ А. А. Кононовъ въ 1849 г. — и внѣшность взяла верхъ надъ сущностью преобразованій. Многоэтажные напудренные парики замѣнили скромную прическу въ скобку нашихъ предковъ; бархатные кафтаны, богатые кушаки, переходящіе отъ отца къ сыну, замѣнились французскими одеждами и наконецъ смѣшными фраками. Явились мода и роскошь. И гдѣ теперь эти славные, блистательные вельможи екатерининскаго времени, съ ихъ блескомъ и великолѣпіемъ? Ужели они не оставили потомства? Я встрѣчаю тѣ же имена на визитныхъ карточкахъ, но тщетно ищу этого, почти баснословнаго великолѣпія предковъ. Зданія, принадлежавшія цѣлые вѣка родамъ извѣстнымъ, принадлежатъ теперь или казнѣ, или богатымъ купцамъ, или счастливымъ спекуляторамъ. Ужели нѣтъ тому причины? Есть, и она одна—одна, губительница всѣхъ государствъ—*роскошь*. Большія милости, изліяныя правительствомъ, разнаго рода льготы послужили еще болѣе къ усиленію роскоши. Вслѣдствіе роскоши, большая часть имѣній дворянъ нашихъ зало-

¹⁾ Характ. нѣкот. русск. вельможъ въ Чтен, Общ.

жена, доходы не только не увеличиваются въ общности, но скудѣють непрерывно; между тѣмъ требованія условій общественныхъ непрерывно возрастають; воспитаніе дѣтей становится день ото дня затруднительнѣе и вмѣстѣ необходимѣе; словомъ, тотъ помѣщикъ, который повѣряя свои счета въ концѣ года, не только не сдѣлалъ приобрѣтенія, но избѣжалъ новыхъ долговъ, можетъ почитать себя счастливымъ. Но большая часть изъ нихъ въ итогѣ долговъ своихъ видитъ прибавленіе, также какъ уменьшеніе доходовъ противъ годовъ минувшихъ. Чѣмъ все это должно кончиться? Отвѣтъ ясенъ: раззореніемъ дворянства¹⁾. Расточая и изживая такимъ образомъ въ роскоши и нѣгѣ свои умственные силы и матеріальныя средства даже до раззоренія, дворянство, очевидно, не имѣло ни времени, ни интереса заниматься развитіемъ просвѣщенія, разработкой наукъ, хотя бы практическихъ или соціально-экономическихъ. Во времена роскоши, парики и т. п. замѣняли для большей части дворянъ книги, и вся образованность ихъ была чисто-салонная, модная, форменная, и ограничивалась только французскимъ разговоромъ. Новиковъ въ предисловіи къ „Живописцу“ 1775 г. говоритъ: „люди, разумъ свои знаніемъ французскаго языка просвѣтившіе, полагая книги въ число головныхъ украшеній, довольствуются всѣми головными уборами, привозимыми изъ Франціи, какъ-то: пудрою, помадою проч.²⁾. Далѣе, вслѣдствіе вѣковой отрѣшенности отъ народной школы промышленной работы, и самая интеллектуальная восприимчивость большей части бояръ къ европейскимъ наукамъ была нисколько не болѣе развита, чѣмъ развита она была въ людяхъ рабочаго класса. Въ неразвитости своей и сами бояре сознавались, когда Петръ великій заставилъ изучать науки за-моремъ. Напримѣръ, князь Мих. Голицынъ, посланный изъ навигацкой школы учиться за-море, въ 1711 году писалъ въ своемъ письмѣ изъ-за границы: „о житіи моемъ извѣщаю; житіе мнѣ пришло самое бѣдственное, наука опредѣлена самая премудрая, хотя мнѣ всѣ дни

1) Записка о ходѣ дѣла въ Смоленской губ. по вопросу объ обязанныхъ крестьянахъ А. А. Кононова. Чтен. Общ. 1862 г. кн. 3, отд. V, стр. 217—258.

2) Живописецъ 1772—1773 изд. 7, стр. XII.

живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того не знамо учиться языка, не знамо науки. Видимъ то, которые наша братья пріѣхали для обученія къ той наукѣ, и тѣ въ три года ни одинъ человекъ ни половины окончать не можетъ. А про меня вы сами можете знать, что кромѣ природнаго никакого языка не могу знать, да и лѣта уже мои ушли отъ науки. И я въ себѣ весьма вижу, что сего положеннаго дѣла (науки) не управить, и отъ того пришло въ великую печаль и сомнѣніе и не знаю, какъ и быть“¹⁾. На пониманіе солдатскаго артикула и объясненія танцевъ у обучавшихся за-границей дворянскихъ дѣтей хватало знанія языковъ, а на математику не хватало. И. Неплюевъ писалъ о своемъ собственномъ ученіи и объ ученіи своихъ товарищей въ Венеціи и въ Испаніи въ морской академіи: „учились солдатскому артикулу, на шпагахъ биться, танцовать, а къ математикѣ приходили, только безъ дѣла сидѣли, понеже учиться невозможно, для того что языку мы не знали“²⁾. И удивительно ли, что бояре эти возвращались изъ-за границы безъ всякой привычки къ умственному труду, не развивали въ себѣ даже привызанности къ научнымъ занятіямъ. „Посланные за-границу дворяне,—писалъ Бецкій,—по возвращеніи имѣя путь и право къ большимъ чинамъ и заслугамъ, не могли въ наукахъ упражняться“. Въмѣсто того, чтобы по возвращеніи изъ-за границы заняться дальнейшимъ научнымъ самообразованиемъ и образованіемъ своихъ крестьянъ, дворяне-навигаторы, выучившіеся за-границей, поддерживали всѣ старые, до-петровскіе обряды. Довольно вспомнить, напр., любопытное сказаніе, какъ жилъ въ деревнѣ бывший за моремъ навигаторъ—Головинъ³⁾. Мало того: при неразвитости интеллекту-

¹⁾ Пекарскаго, Наука и литер. при Петрѣ великомъ I, 143.

²⁾ Пекарскаго I, 444.

³⁾ У Головина было заведено, чтобы ежедневно являлись къ нему съ докладомъ всѣ деревенскія власти, которыхъ, по особой командѣ, выпускала и выпроваживала горничная. Каждый разъ этотъ импровизированный церемонистеръ произносилъ въ дверяхъ комнаты господина такую рѣчь довереннымъ вассаламъ: «Входите, смотрите тихо, смиренно, бережно и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и за приказами къ барину нашему, къ государю, кланяйтесь низко его боярской милости и помните жъ—смотрите наврѣпко!»

альной, весьма многіе бояре русскіе и суевѣріями своими долго ничѣмъ не отличались отъ простаго рабочаго народа. Если даже дворъ царицы Параскевы, по словамъ Татищева, „отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, юродовъ и ханжей, которыхъ почитали за святыхъ и пророковъ“, — то что сказать о боярахъ и боярскихъ дворахъ. Тотъ же Татищевъ говоритъ: „я не весьма давно отъ одного знатнаго, но неразумнаго дворянина слышалъ, яко бы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышавши довольно вѣрили“ ¹⁾. Изъ памятныхъ записокъ Храповицкаго видимъ, что и во времена Екатерины II были между знатыми лицами такія, которыя вѣрили въ вѣтры, въ узелки или древніе народные „наузы“ и т. п. По поводу этого императрица Екатерина, узнавъ о подобномъ суевѣріи адмирала Чичагова, замѣтила: „есть люди, которые колдовство съ набожностью мѣшаютъ: *mais il faut profiter des opinions populaires*. По свѣдѣтельству Лопухина, нѣкоторыя знатныя дамы въ его время спрашивали, рыба ли визига и можно ли ее ѣсть въ постъ? ²⁾ Не мало было дворянъ, которые отрицали медицину и вѣрили въ простонародные суевѣрные лечебники и травники. Лепехинъ въ 1768

Затѣмъ начинались донесенія дворецкаго, ключника, выборнаго и старосты. Невозможно, — замѣчаетъ г. Пекарскій, — читать все это серьезно, особенно если вспомнить, что рапорты произносились съ величайшею важною, чинно и невозмутимо. Для образца, вотъ докладъ выборнаго: «во всю ночь, государь нашъ, вокругъ вашего боярскаго дому ходили, въ колотушки стучали, въ трещотки трещали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремѣли. Ношныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали и барской замазки не клевали, на крышѣ не садились и на чердакѣ не возились». Староста свой рапортъ оканчивалъ такъ: «во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію Божіею, все состоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши господскіе богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ, четвероногія животныя пасутся, домашнія птицы несутся, на землѣ трясенія не слышали и небеснаго явленія не видали. Котъ Ванька и баба Зажигалка въ Ртищевѣ проживаютъ и, о приказу вашему боярскому, невѣйку ежемѣсячно получаютъ, о преступленіи своемъ ежедневно воздыхаютъ и проч.». Авторъ родословной Головкиныхъ объясняетъ, что Котъ Ванька сосланъ былъ въ дер. Ртищеву за то, что съѣлъ однажды рыбу, приготовленную для господскаго стола, а баба Зажигалка — за то, что по неосгорожности ея произошелъ пожаръ. Пекарскаго, I, 142—143.

¹⁾ Сводъ лѣтописей т. I, къ XII гл. примѣч. 50.

²⁾ Записки Лопухина въ Чтен. Общ. Истор.

году встрѣтилъ одного такого чиновнаго дворянина въ г. Арзамасѣ, гдѣ былъ въ то время и ученый врачъ и вотъ что объ немъ говорилъ: „по утру 4 августа весьма рано посѣтилъ насъ одинъ изъ чиновныхъ отставныхъ офицеровъ, о котораго чинѣ и имени благопристойность упомянуть не дозволяетъ. Онъ былъ человѣкъ пожилой и словоохотливъ. Разсказывая многія свои странныя похождения, которыя намъ, какъ всякій легко понять можетъ, не весьма были пріятны, довелъ рѣчь до нашихъ врачей, при которой, если бы кто имѣлъ охоту, совершенно бы могъ научиться злословію. Сколько онъ унижалъ наше, трудами и порядочнымъ ученіемъ приобрѣтенное искусство врачеванія, столь много хвалилъ покойной бабушки своей лечебникъ и неудобопонятную его пользу. Оказывая желаніе быть соучастникомъ его премудрости, безъ дальняго прошенія Брамарбазъ обѣщалъ намъ открыть сокровенная своего наслѣдственнаго лечебника: и такъ пошли мы съ нимъ за-городъ по алаторской дорогѣ. Первою встрѣчею намъ была плакунъ-трава (*Lythrum salicaria*), которую нашъ Ишпократь, пошептавъ не знаю что, сорвалъ и остановясь говорилъ: „плакуномъ ее называютъ для того, что она заставляетъ плакать нечистыхъ духовъ. Она одна въ состояніи выгнать домовыхъ дѣдушекъ, кикиморъ и проч., и открыть приступъ къ заклѣтому кладу, который нечистые стерегутъ духи, что послѣднее собственнымъ своимъ утверждалъ примѣромъ. Отъ чертей дошло до ворожей. Колюка (*Carlino vulgaris*), въ великомъ множествѣ по пригоркамъ растущая, подала къ тому поводъ. „Траву сію,—продолжалъ онъ,—должно знать всякому военному и проѣзжающему человѣку: дымомъ ея, когда окуришь ружье, то никакой колдунъ его заговорить не можетъ“ и т. д. Подобнымъ образомъ „арзамасскій архіатеръ-дворянинъ“ объяснялъ Лепехину до 30 растений, и многое въ его ученіи о травахъ было не только суевѣрно, но и вредно для здоровья и жизни тѣхъ людей, которые руководились его знахарскими совѣтами¹⁾. Далѣе, вѣковая исключительно военная служба дворянъ, за которую имъ и жало-

¹⁾ Дневныя записки 1795 г. стр. 72—78.

вались деревни и земли, „чтобы земля изъ службы не выходила“, также испоконъ вѣка воспитывала въ боярствѣ и дворянствѣ не интеллектуальныя силы и стремленія, а главнымъ образомъ физическія военныя силы и наклонности. Слѣдовательно, эта вѣковалъ военно-служилая школа образовывала изъ дворянства не умственно-развитое, а физически-выправленное сословіе. Дальше мы увидимъ, что и дворянскій кадетскій корпусъ въ XVIII в. воспитывалъ вовсе не передовой интеллектуальный классъ, а специально военный, что признавали Бецкій и сама императрица Екатерина II. Оттого, и военныя наклонности, въ XVIII вѣкѣ и послѣ, въ дворянствѣ преобладали надъ умственными наклонностями. Множество было дворянъ, которые даже, во имя военной силы, отрицали науки. Напримѣръ въ „Живописцѣ“ Новикова „худовоспитанникъ“ говоритъ: „науки никакой не могутъ мнѣ принести пользы: я опредѣлилъ себя къ военной службѣ, и я имѣю уже офицерскій чинъ. Науки сдѣлаютъ ли меня смѣлѣе? прибавятъ ли мнѣ храбрости? сдѣлаютъ ли исправнѣйшимъ въ моей должности? Нѣтъ: такъ онѣ для меня и негодятся. Моя наука вся въ томъ состоитъ, чтобъ умѣть кричать: пали! коли! руби! и быть строго до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ. Науки да книги умяччаютъ сердце; а отъ мягкосердечія до трусости одинъ только шагъ. И такъ пусть учатся и читаютъ книги люди праздные; а я храбростью одною найду себѣ счастье... Худовоспитанникъ прѣзжаетъ потомъ въ другую непріятельскую землю, а именно въ свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь съ крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. Тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ. Тамъ не имѣлъ онъ никакой жалости; нѣтъ у него и здѣсь никому и никакой пощады; и если бы можно ему было съ крестьянами своими поступать въ силу военного устава, то не отказался бы онъ ихъ *аркибузировать*. Тамъ отнятіемъ непріятельскихъ земель служилъ онъ отечеству, а здѣсь отнятіемъ оныхъ у маломощныхъ своихъ сосѣдей — дѣлается преступникомъ законовъ отечества. Правильно говорилъ худовоспитанникъ, что науки для него бесполезны; не нужны онѣ ему были въ военной службѣ, а въ отставкѣ и совсѣмъ

не годятся „¹⁾. И когда учреждались университеты казанскій и харьковскій, — дворяне требовали, чтобы въ нихъ преимущественно преподавались военныя науки. Образованнѣйшіе изъ дворянъ казанскаго учебнаго округа заявляли: „учрежденіе университетовъ должно наиболѣе клониться къ просвѣщенію юношей дворянскаго сословія, занимающаго важнѣйшія должности въ государствѣ; въ университетѣ необходимо преподаваніе наукъ воинскихъ“. Харьковскіе дворяне тоже желали, чтобы въ университетахъ преподавались военныя науки и дѣти ихъ выходили бы съ званіемъ офицера. „Сообразуясь съ настроеніемъ мѣстнаго дворянства, одинъ изъ профессоровъ, при открытіи харьковскаго университета, говоритъ рѣчь, начинающуюся словами: *честь и слава благороднымъ военнымъ занятіямъ*, и доказывающую, что изученіе *военныхъ наукъ* въ высшей степени полезно для общества, подаетъ войнѣ новую цѣну, возвышая и облагораживая какъ цѣль веденія войны, такъ и слѣдствія одержанныхъ побѣдъ“²⁾. Въ проектѣ университета, представленномъ въ Харьковѣ полному дворянскому собранію 29 августа 1802 г., предполагался особый факультетъ подъ названіемъ „*отдѣленія военныхъ познаній*“³⁾. Но самое главное то, что московское боярство, испоконъ вѣка обезпечиваемое и обогащаемое крестьянскими работами, привыкши къ восточно-азіатской лѣни, нѣгѣ и бездѣятельности, не привыкло ни къ какому труду, а тѣмъ болѣе къ умственному. Поэтому оно неспособно было сдѣлаться дѣятельнымъ, научно-рабочимъ, труженическимъ интеллектуальнымъ классомъ. Привыкши къ лѣни и нѣгѣ, дворяне, по выраженію указовъ Петра великаго, „лѣнны и огуретвомъ“ уклонялись не только отъ ученія, но даже и отъ службы, за которую они пользовались помѣстьями и рабочими силами народа. „Колико послано указовъ, — говоритъ крестьянинъ Посошковъ, — во всѣ города о недоросляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ, но дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, а на

¹⁾ Живописецъ 1772—1773 г стр. 16—17.

²⁾ Это въ 1805 г. Que l'on doit se preparer par l'etude des sciences au maniement des armes et allier la philosophie à l'art des combats. I. N. Berlin de Ballu. Жур., Мин Н. Пр. 1863 г. N. X. стр. 63, 161.

³⁾ Ibid.

службѣ одною ногою не бывали... Въ Устрицкомъ стану есть дворянинъ Федоръ Мокѣевъ сынъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ ни на какой не бывалъ: и какія посылки жестокія по немъ не бывали, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угробить, а кого дарами угробить не можетъ, то притворить себѣ тяжкую болѣзнь, или возложить на себя юродство и въ озерѣ по бородѣ поступить. И за такимъ его пронырствомъ иные и съ дороги отпускали; а егда изъ глазъ у посыльщиковъ выѣдетъ, то юродство свое отложить, и домой пріѣхавъ яко левъ рыкаеть. И еще никакой службы государю не оказалъ, а сосѣди всѣ его боятся. Дѣтей у него 4 сына выращены, а меньшему есть лѣтъ 17, а по 719 годъ никто и въ службу выслать не могъ. И не сей токмо Пустошкинъ, но и многое множество дворянъ такъ вѣки свои проживаютъ: дома сосѣдямъ своимъ страшны яко львы, а на службѣ хуже козы, на службу не ѣдутъ, а сами дома по деревнямъ шестерикомъ разѣѣжаютъ и сосѣдей раззоряютъ“¹⁾. Способны ли были такіе дворяне къ серьезному умственному труду, когда они уклонялись даже отъ своей вѣковой обязанности — отъ службы, за которую и получали земли и деревни? Могли ли эти дворяне считаться передовымъ интеллектуальнымъ классомъ? Они даже презирали умственный трудъ, считая его дѣломъ холопскимъ, дѣломъ „подлаго народа“. Не даромъ К. Н. Зотовъ въ 1715 г. писалъ изъ-за границы Петру великому: „не худо бы было выбрать лучшихъ латинщиковъ, но не изъ породныхъ, для того что вездѣ породные презираютъ труды, хотя по препорціи ихъ породъ и имѣній должны бы быть и въ наукѣ отмѣнны передъ другими“²⁾. „Въ навигацкую школу, — пишетъ г. Веселаго, — велѣно было принимать дѣтей дворянскихъ, дѣлчихъ и подѣлчихъ, изъ домовъ боярскихъ и другихъ чиновъ, отъ 12 до 17 лѣтъ; но какъ въ эти лѣта изъ домовъ боярскихъ являлось малое число, то стали принимать и 20-лѣтнихъ. Но изъ многихъ званныхъ было мало избранныхъ. Не говоря уже о грубости прочихъ сословій, русскій ба-

¹⁾ Посошковъ, стр. 89—90.

²⁾ Пекарскій 1, 137.

ричь петровскаго времени, 17 или 18 лѣтъ, считался неразумнымъ младенцемъ, и жить въ своемъ помѣстьѣ въ самомъ безсознательномъ невѣжествѣ. Капризамъ балованнаго дитяти нерѣдко повиновалось все окружающее, и ему, съ самыхъ пеленокъ, подобострастныя нянюшки и дядьки вбивали въ голову барскую снѣсь и презрѣніе къ труду и работѣ, какъ дѣлу холопскому... Нѣкоторые изъ этихъ юношей, еще бывши у себя въ деревнѣ, хаживали на медвѣдя, и естественно кулачный бой считали однимъ изъ пріятнѣйшихъ препровожденій времени; другіе серьезно придерживались чарочки; и только сосѣди академіи знали, что заборы и замки мало охраняютъ ихъ съѣстные припасы, дрова и проч. ¹⁾ Не приобрѣтая такимъ образомъ навыка къ умственному труду ни въ жизни, ни въ школѣ, — бояре, очевидно, несклонны или вовсе непривычны были къ усидчивой, труженической интеллектуальной работѣ, къ разработкѣ научныхъ знаній, и потому не могли считаться передовымъ образованнымъ классомъ. Въ „Трутнѣ“ (1769 — 1770), въ „рецептѣ для его превосходительства Недоума“ сказано: „вельможа нашъ ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, почитая оныя безчестными для своей благородной головы; по его мнѣнію, всякій шляхтичъ можетъ все знать, ничему не учась; философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, нестоющія вниманія дворянскаго; гербовники и патенты, едва, едва отъ пыли и моли спасшіся, суть единственные книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ“. И не только въ прошломъ столѣтіи, но и въ началѣ нынѣшняго вѣка, — большинство дворянъ, по выраженію попечителя харьковскаго университета графа Северина-Потоцкаго, „недолюбливало наукъ“, и нерадѣло не только о собственной умственной дѣятельности, но и объ интеллектуальномъ развитіи своихъ дѣтей. „Стараясь узнать образъ мыслей здѣшнихъ дворянъ о воспитаніи своихъ дѣтей, — писалъ попечитель харьковскаго университета въ 1806 г., — я нахожу, что общее ихъ мнѣніе по этому предмету далеко отстоитъ отъ истинной цѣли. Не чувствуя благотворнаго вліянія наукъ, или имѣя о нихъ

¹⁾ Очеркъ Ист. Морск. Корпус. стр. 8, 10—55. Пекарскаго I, 123, 142—143.

весьма темное понятіе, они и не думаютъ о воспитаніи дѣтей своихъ, будучи лишены всѣхъ нужныхъ къ тому средствъ; они лучше соглашаются записать ихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели продолжать науки и усовершенать ихъ знанія; они не могутъ рѣшиться дозволить дѣтямъ своимъ выше четырнадцатилѣтняго возраста посѣщать гимназіи... Поэтому, если бы университетъ сохранилъ въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, которыми долженъ руководствоваться въ приѣмѣ студентовъ, то онъ не имѣлъ бы нынѣ ни одного студента, и дѣлому поколѣнію пришлось бы заградить путь къ образованію⁽¹⁾. Тотъ же Потоцкій въ рѣчи, при открытіи харьковскаго университета, долженъ былъ доказывать передъ дворянствомъ, что отсутствіе или остановка умственной дѣятельности невозможны въ разсужденіи наукъ, искусствъ, мореходства, ремеслъ, торговой промышленности, земледѣлія, однимъ словомъ — всего того, что обезпечиваетъ за народомъ если не превосходство, то, по крайней мѣрѣ, равенство его со всѣми просвѣщенными народами. Посылая эту рѣчь свою министру, Потоцкій пишетъ, что говорилъ ее по просьбѣ профессоровъ и сообразуясь съ настроеніемъ мѣстныхъ дворянъ: “а съ ними, — замѣчаетъ онъ, — нужно быть крайне осторожными, чтобы не отвратить ихъ отъ наукъ, которыхъ они и безъ того *недолюбливаютъ*”⁽²⁾). При такомъ “недолюбливаньи наукъ” и умственного труда, дворяне-помѣщики, привыкшіе не къ самостоятельной работѣ, а только къ опеке надъ трудомъ народнымъ и къ пользованію народными работами, очевидно, не могли быть работниками въ сферѣ научной интеллектуальной дѣятельности, и, слѣдовательно, не представляли научно-дѣловаго, труженическаго интеллектуальнаго класса. Къ интеллектуальному труженичеству, къ разработкѣ и распространенію научныхъ знаній должны были оказаться болѣе способными люди, закаленные въ трудовой, рабочей жизни, вполне привыкшіе къ умственной работѣ, всецѣло преданные ей, — неизбалованные безза-

⁽¹⁾ Матер. для истор. образ. въ Россіи. Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. 1065 г. окт. стр. 67.

⁽²⁾ G. S. Pototsky: de nova per imperium Rossicum constitutione scholarum, undeque oriundo fructu. Ж. М. Н. Пр. 1865 г. X, 114—169.

вслѣдствіе торгово-промышленныхъ отношеній, онъ устремленъ былъ больше на востокъ, чѣмъ на западъ, и потому не имѣлъ возможности постепенно сблизиться съ передовыми націями западными, и заимствовать отъ нихъ средства интеллектуальнаго саморазвитія. Напротивъ, московское правительство, не отвлеченное, не занятое мускульною работою народа, съ XVI вѣка историческими обстоятельствами и дипломатическими сношеніями вынуждено было сблизаться съ Европой и узнавать ея интеллектуальныя средства и силы, дававшія уметвенное превосходство западнымъ націямъ. Европейцы и, въ частности, нѣмцы и поляки возбудили въ правительствѣ потребность уметвенной дѣятельности, уметвеннаго образованія, потребность наукъ, училищъ и книгъ. Около правительства, около двора московскихъ царей XVII в., расширялся первоначально уметвенный кругозоръ и всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которые имѣли случай сблизаться съ иностранцами. “Съ тѣхъ поръ, какъ царь московскій былъ въ Польшѣ, — говоритъ Коллинсъ, — видѣлъ тамошній образъ жизни и сталъ подражать польскому королю, кругъ его понятій расширился... И тѣ, которые расширили понятія свои разговорами съ иностранцами, были образованнѣе, а также и тѣ, которые видѣли польскій бытъ, потому что поляки образованнѣе русскихъ, такъ какъ у нихъ есть средства просвѣщать умы свои науками,,¹⁾”. Вслѣдствіе этого, московскіе цари мало по малу стали заботиться о возбужденіи уметвенной дѣятельности и въ Россіи, стали приказывать переводить иностранныя книги. Посламъ русскимъ при европейскихъ дворахъ они заказывали пріобрѣтать такія книги. Такъ наприм., въ 1653 г. князь Репнинъ-Оболенскій, будучи посломъ въ Польшѣ, по государеву указу, купилъ тамъ 7 книгъ свѣтскаго содержанія, всего на 25 злотыхъ,,²⁾”. Вслѣдствіе учрежденія посольскаго приказа и выписки европейскихъ книгъ царями, народнымъ грамотникамъ, хотя весьма немногимъ, мало по малу представлялась возможность и давались правительствомъ средства заниматься такими европейскими книга-

¹⁾ Коллинсъ 20, 28.

²⁾ Лѣтоп. рус. литер. III, кн. 5, отд. III, стр. 34.

ми, какія народу были недоступны. Такимъ образомъ, въ XVII в. стали зарождаться умственно-рабочій классъ, хотя самый неразвитый и несовершенный, состоявшій первоначально изъ труженниковъ — переводчиковъ европейскихъ книгъ — космографій, географій, арифметикъ и геометрій, астрономій, лечебниковъ, исторій и т. п. Кошихинъ говоритъ, что въ его время при посольскомъ приказѣ, гдѣ нужно было знаніе европейскихъ языковъ, для переводовъ было около 50 переводчиковъ и 70 толмачей. Большая часть изъ этихъ переводчиковъ были обрусѣвшіе иностранцы, и преимущественно обрусѣвшіе нѣмцы, какъ видно изъ именъ ихъ, каковы наприм. Касперъ Ивановъ, Юшка Вичентовъ, Лукашъ сынъ Магнусовъ, Анца Андреевъ, Вестерманъ, Романъ Болдвинъ, Романъ Бекманъ, Иванъ Гельмъ и мн. др. ¹⁾ Такимъ образомъ, въ зародышѣ рабочаго интеллектуальнаго класса въ Россіи былъ западно-европейскій элементъ, и преимущественно нѣмецкій. Но были между ними и русскіе переводчики. Къ числу ихъ принадлежалъ и Кошихинъ. Начали появляться между русскими и другіе любители знанія и умственнаго труда. Олеарій, въ своемъ описаніи Россіи, сохранилъ извѣстіе объ одномъ русскомъ замѣчательномъ по тому времени математикѣ Романчиковѣ, который, отличаясь хорошими дарованіями, наперекоръ обычаямъ своихъ соотечественниковъ, чувствовалъ особую склонность къ умственнымъ занятіямъ, особенно любилъ математику и, чтобы приобрѣсти познаніе въ ней, искалъ случая познакомиться съ голштинскими послами; во время путешествія съ ними изъ Москвы въ Персію, онъ въ 5 мѣсяцевъ научился отъ нихъ говорить по-латыни, и узнавъ отъ нихъ употребленіе астролябіи тотчасъ же заказалъ часовщику голштинскаго посольства сдѣлать ему подобный инструментъ, и когда заказъ былъ исполненъ, Романчиковъ, въ каждомъ попадавшемся на дорогѣ городѣ или селеніи, снималъ высоту домовъ и занимался математическими выкладками. Къ сожалѣнію, не вытерпѣвъ царскаго недовольства его дѣйствіями въ Персіи, Романчиковъ отравился ²⁾. Появленіе та-

¹⁾ Пекарскаго 1, 267.

²⁾ Пекар. 267.

кихъ любителей и труженниковъ знанія тотчасъ обнаружилось въ довольно обширной, по тогдашнему времени, переводческой дѣятельности, какой до XVII в. въ Россіи вовсе не было. Но и эти первые шаги къ просвѣщенію были робки и невѣрны, потому что недремлющая старая рутина, вооруженная подозрительнымъ суевѣріемъ и ревнивой ненавистью ко всему новому и свободному, всеми своими темными силами противодѣйствовала всходу этихъ слабыхъ весеннихъ ростковъ нашего образованія. Только немногіе народные грамотники, удостоенные быть переводчиками въ Посольскомъ приказѣ, или получившіе отъ царя подлинники европейскихъ книгъ и средства для ихъ переводовъ, или врацавшіеся около царскаго двора и переводчиковъ посольскаго приказа и т. п., — только такіе грамотники и могли изучать элементарныя начала европейской образованности. А масса народныхъ грамотниковъ по прежнему коснѣла въ непроглядномъ невѣжествѣ; потому что переведенныя книги, въ родѣ космографій, астрономій и энциклопедическихъ лечебниковъ, не распространялись между народомъ, а печатались большею частію только для царя и царевичей. Какъ только переведены были какія либо новыя книги, такъ, по словамъ актовъ, „внесены были въ Верхъ, а другія указалъ царь держать въ посольскомъ приказѣ“. Такъ въ дѣлѣ 1672—1675 г. о разныхъ книгахъ, именно: о „государственной большой книгѣ всѣхъ окрестныхъ государствъ“, о „Хрисмологіонѣ“, „о книгѣ описанія російскаго государства и всѣхъ окрестныхъ государствъ“, „о седми свободныхъ ученіяхъ“ и другихъ, сказано: „книги тѣ внесены къ великому государю въ Верхъ, а прочимъ книгамъ указалъ великій государь быть въ посольскомъ приказѣ“. А „о книгѣ описанія всѣхъ російскихъ князей и царей и всѣхъ иностранныхъ государей — французскаго, англійскаго, гишпанскаго, датскаго, свѣйскаго, флоренскаго, венеційскаго и проч., съ которыми російское государство было въ ссылкѣ“, замѣчено: „и какъ та книга внесена была къ великому государю въ Верхъ, и онъ указалъ той книгѣ быть въ посольскомъ приказѣ, а себѣ великому государю и сыну своему Θεодору Алексѣевичу указалъ сдѣлать двѣ книги таковыя жѣ“. Такимъ образомъ, и тѣ новыя, умственно-

преобразовательныя идеи, какія начинали зарождаться въ XVII в. подъ вліяніемъ политическихъ географій, космографій, астрономій и другихъ подобныхъ европейскихъ книгъ, — и эти зачаточныя идеи зарождались и скрывались только „въ Верху“, да въ посольскомъ приказѣ. Подъ вліяніемъ ихъ развивался только, къ концу XVII столѣтія, умъ царевичей, въ родѣ Петра, да немногихъ переводчиковъ посольскаго приказа, а масса нисколько не подготавливалась къ приему и усвоенію этихъ идей; масса пробавлялась своимъ изстариннымъ доморощеннымъ міросозерцаніемъ. Подъ вліяніемъ новыхъ идей, занесенныхъ къ намъ съ запада этими переводными книгами, подготавливался и воспитывался въ юномъ Петрѣ тотъ преобразовательный умъ, который объявилъ открытую и неутомимую войну старой и упорной рутинѣ. И вотъ, когда вдругъ занавѣсъ отъ древней къ новой Россіи открылся „съ Верху“, — народъ не могъ опознаться въ свѣтѣ новыхъ понятій и реформъ, не понять ихъ, ошеломленъ былъ ими, — и отпалъ, отшатнулся отъ новыхъ книгъ и идей — къ старымъ книгамъ и понятіямъ, или, если не отшатнулся отъ нихъ въ расколъ, то рѣзко отдѣлился, обособился отъ этого зародившагося „на Верху“ и въ посольскомъ приказѣ новаго, уметвенно-рабочаго меньшинства, какое тогда совершеннымъ особнякомъ представляли люди, подобные Ордыну-Нащокину, Матвѣеву, Кошихину, Юрію Крыжаничу, Романчикову, царевичу Петру и лучшимъ переводчикамъ посольскаго приказа. Съ тѣхъ поръ рабочій народъ пошелъ путемъ своей уметвенной жизни, а интеллектуальный классъ сталъ развиваться своимъ путемъ. При Петрѣ великомъ народъ уже не могъ понимать тогдашняго книжнаго языка, который онъ съ трудомъ понималъ уже и въ XVII вѣкѣ: „иностраннымъ языкомъ нарицаху тогдашнія писанія“¹⁾. Между тѣмъ и интеллектуальный классъ, даже при Петрѣ великомъ, не смотря на двойной уметвенно-возбудительный импульсъ — и со стороны генія Петра I и со стороны интеллектуальнаго вліянія запада, — тоже, обособленный, вдали отъ народа, развивался туго и медленно. И въ это время дѣ-

¹⁾ Опис. рукоп. Румянц. Муз. стр. 632.

ителями умственного нашего развитія были главнымъ образомъ переводчики европейскихъ книгъ, переводчики „государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ“ ¹⁾. Переводчики эти частью были русскіе, обучавшіеся уже большею частью за-границей, частью иноземцы, кои, однакожь, по словамъ Петра, или здѣсь родились, „или зѣло малы пріѣхали и нашъ языкъ какъ природный знали“ ²⁾. Чтобы образоватъ способныхъ переводчиковъ, Петръ десятками посылалъ молодыхъ русскихъ людей за-границу учиться языкамъ и наукамъ. Всѣхъ извѣстныхъ русскихъ переводчиковъ, учившихся за-границей, при Петрѣ вел. было не менѣе 60, кромѣ того до 5 переводчиковъ были изъ шведовъ ³⁾. А всѣхъ, учившихся за-границей по волѣ Петра, извѣстно болѣе 150 лицъ. За-границей, кромѣ языковъ и другихъ наукъ, они изучали, по словамъ Петра, необходимыя для правильныхъ переводовъ художества — математическое, хотя нѣкоторые только до сферическихъ триангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ-цивилисъ, анатомическое, ботаническое, милитарисъ и прочія тому подобныя“ ⁴⁾. И, не вдаваясь здѣсь въ библиографическія подробности, замѣтимъ, что переводческая дѣятельность петровскаго времени была уже настолько выше переводческой дѣятельности XVII в., насколько эта послѣдняя была выше книжной дѣятельности XVI вѣка. Въ началѣ XVIII в., сверхъ многихъ сочиненій по части механики, архитектуры, артиллеріи, исторіи и проч., переведено было до одиннадцати книгъ по отдѣлу одной математики, астрономіи и географіи ⁵⁾, тогда какъ въ XVII

¹⁾ Пекарскаго, наука и литер. при Петрѣ вел. I, 225.

²⁾ П. С. З. VII, № 4438.

³⁾ Пекарскаго, наука при Петрѣ I, 220 — 242.

⁴⁾ П. С. З. XII, № 4438.

⁵⁾ Пекарскаго, „Наука и литер. при Петрѣ“, т. II. Таковы наприм. слѣд. книги, изданныя при Петрѣ, по описанію г. Пекарскаго: № 14 уготованіе и толкованіе ясное образнаго поверстанія круговъ небесныхъ — астрономія, съ картой или глобусомъ небеснымъ; №№ 63 и 328 таблицы логариановъ, и синусовъ, и тангенсовъ и секансовъ — въ употребленіе и знаніе математико-навигационнымъ ученикамъ (1703 и 1716 г.); № 132 — геометрія 1708 г.; № 153 — избранныѣе начало въ математическихъ искусствахъ 1709 г.; №№ 182, 317 и 324 — географія или земнаго круга описаніе 1710 и 1716 г.; №№ 342 и 572 — книги мірозрѣнія или мнѣніе о небесно-земныхъ глобусахъ 1717 и 1724 г.; № 390 —

вѣкъ, кромѣ арифметикъ, космографій и т. п., специальныхъ сочиненій по математическимъ и естественнымъ наукамъ еще не было переводимо. Притомъ, при разсмотрѣніи рукописей петровской литературы не безъ удивленія замѣчаешь внезапное появленіе переводовъ такихъ произведеній, которыя въ Европѣ XVIII столѣтія были предвозвѣстниками послѣдовавшихъ потомъ преобразованій и въ наукѣ, и въ жизни. Если разсматривать въ совокупности рукописные переводы подобныхъ сочиненій, то нетрудно убѣдиться, что они дѣлались съ цѣлю познакомиться съ тѣми результатами, которыхъ достигли науки на западѣ. Такъ, сверхъ извлеченій изъ 12 Ньютоновыхъ книгъ, космотеороса (*Kosmotheoros*) Гюйгенса и другихъ сочиненій по части астрономіи, механики, географіи, архитектуры, сельскаго хозяйства и проч., — переведены были между прочимъ: философія естественнаго права — Пуффендорфа, *de jure belli ac pacis libri III* — Гуго Гроція, геологическое сочиненіе Бурнета — „теорія земли“ (*Telluris theoria*) и проч. ¹⁾. Но несмотря на всю эту дѣйствительно-труженическую дѣятельность умственно-рабочаго меньшинства при Петрѣ великомъ, — интеллигенція его все-таки далеко была не развита до самостоятельной научной работы, и численность его была еще крайне-ограниченная. Всѣхъ лучшихъ, передовыхъ и дѣятельныхъ труженниковъ знанія при Петрѣ было не болѣе 30 — 40 человекъ. „Знакомство русскихъ съ европейскими науками изъ первыхъ рукъ, — говоритъ г. Пекарскій, — началось при Петрѣ и чрезъ посредство русскихъ, учившихся за-границей; но краткость времени, новостъ дѣла и сила прежнихъ обычаевъ и мнѣній сдѣлали то, что плоды личныхъ заботъ и усилій царя стали обнаруживаться только въ позднѣйшія времена. Въ началѣ XVIII в. лица, успѣвшія побывать за-границей и узнать на-скоро кое-что, употреблялись по

географія генеральная — небесный и земноводный круги купно — Бернгарда Варенія 1718 г.; № 410 — земноводнаго круга краткое описаніе — Гибнера, 1719 г.; № 543 — таблицы склоненія солнца по амстердам. меридіану 1723; тригонометрія плоская и сферическая Фарварсона, 1730 г.; наука статическая или механика 1722 г.

¹⁾ Пекарскаго I, 255.

большой части для переводовъ разныхъ сочиненій, преимущественно касавшихся математики, мореходства, языкознанія. Но ни одинъ изъ этихъ переводчиковъ неизвѣстенъ самостоятельнымъ какимъ-нибудь трудомъ и не оставилъ по себѣ памяти въ исторіи ни одной науки“. ¹⁾ До какой степени еще слаба, незрѣла была интеллигенція и рабочая сила юной русской мысли, въ лицѣ петровскихъ переводчиковъ, можно отчасти судить и по тому факту, что, наприм., одинъ добросовѣстный переводчикъ, Волковъ, человекъ очень способный, не могъ одолѣть и перевести порученнаго ему для перевода сочиненія *Le jardinage de Quintiny* — о садоводствѣ и вообще о сельскомъ хозяйствѣ, не могъ понять многихъ техническихъ выраженій, вовсе неизвѣстныхъ на русскомъ языкѣ: отчаяніе овладѣло имъ и онъ, перерѣзавъ себѣ артерію, прекратилъ такимъ образомъ жизнь. ²⁾ Вообще, до основанія университетовъ, несмотря на энергическія мѣры Петра великаго, самыя учебныя заведенія были крайне недостаточны для развитія дѣловаго, серьезнаго и интеллектуальнаго класса въ Россіи. Дѣльных, мыслящихъ людей изъ нихъ выходило мало, а больше выходили полуученые невѣжды, верхогляды и т. п. Манштейнъ, въ запискахъ своихъ, такимъ образомъ описывалъ состояніе и вліяніе нашихъ учебныхъ заведеній въ періодъ времени съ 1727 по 1744 годъ: „Когда Петръ I вступилъ на престолъ, нашелъ весь свой народъ непроевѣщеннымъ, и только священники и лучшіе изъ дворянъ съ трудомъ писать умѣли. Чтобы просвѣтить своихъ подданныхъ, Петръ поручилъ рязанскому архіепископу Стефану Яворскому учредить училища въ московскихъ монастыряхъ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ. Вызваны были изъ Кіева и Чернигова преподаватели ученія, и начали обучать юношество; но, какъ можно себѣ представить, не съ большими плодами. Потомъ Петръ I

¹⁾ Ibid. I, 5.

²⁾ По этому случаю Веберъ, — замѣчаетъ г. Пекарскій, — глубокомысленно разсуждаетъ, что Волковъ отъ того посягнулъ на жизнь, что не владѣлъ въ достаточной степени стоическимъ хладнокровіемъ. Само собою разумѣется, что легко такъ разсуждать посланнику, занятому пирами и визитами, а бѣдный русскій переводчикъ рѣшился лучше умереть, нежели не исполнить приказанія. Пекар. I, 226.

поручилъ Теофану Прокоповичу учредить въ Россіи хорошія училища и академіи. Прокоповичъ началъ обучать многихъ молодыхъ людей въ заведенномъ при собственномъ своемъ домѣ училищѣ, и когда они оказали нѣкоторые успѣхи, послалъ ихъ въ чужестранныя университеты для пріобрѣтенія новыхъ познаній, и чтобы сдѣлать ихъ способными, по возвращеніи, быть преподавателями наукъ или учителями въ училищахъ и академіяхъ, учреждаемыхъ уже въ Россіи. Но и Прокоповичъ посредственно только успѣлъ въ этомъ дѣлѣ; ибо большая часть отправленныхъ въ иностранныя государства образованныхъ учениковъ тамъ остались, а возвратившіеся въ Россію не пріобрѣли нужныхъ талантовъ для употребленія къ назначенію другихъ; такимъ образомъ дѣло осталось по прежнему. Петръ I, для образованія русскаго дворянства, сначала считалъ достаточнымъ посылать его въ путешествіе, а по возвращеніи своемъ изъ великаго своего путешествія послалъ всѣхъ молодыхъ людей изъ первыхъ домовъ своего государства во Францію, въ Англію, въ Италію и въ Германію, для наученія тамошнимъ обращеніямъ и познаніямъ; однако какъ большая часть изъ нихъ были весьма худо воспитаны, то и возвратились не только необразованными въ обращеніи и безъ знанія наукъ, но еще больше смѣшными и порочными, нежели туда поѣхали. Это подало государю мысль, что надобно начать съ хорошаго воспитанія прежде посылки въ путешествіе. Поэтому онъ поручилъ ливонскому пастору Глюку устроить воспитательное училище. Но все это учрежденіе было столь смѣшно, и успѣхъ отъ ученія столь худъ, что Петръ I скоро уничтожилъ и это училище, и предоставилъ новое воспитаніе дѣтей самимъ родителямъ. Въ то время въ Россіи находилось множество шведскихъ военныхъ чиновниковъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Полтавою; эти военнослужители, будучи весьма хорошо воспитаны, и не имѣя пропитанія, обязывались у знатныхъ господъ и богатыхъ людей обучать ихъ дѣтей; и отъ этого произошли гораздо лучшіе успѣхи, нежели отъ всѣхъ училищъ, заведенныхъ учеными невѣждами. Наконецъ, по идеѣ Петра великаго, въ Россіи учреждена была академія наукъ. Но и донинѣ Россія не можетъ еще хвалиться ни малѣйшею существенною пользою и отъ этого великаго учрежденія.

Весь плодъ, какой эта Академія принесла въ 28 лѣтъ, состоитъ только въ томъ, что русскіе имѣютъ календарь, или мѣсяцесловъ по петербургскому полуденнику, что могутъ читать на своемъ языкѣ вѣдомости, и что нѣсколько нѣмецкихъ пріобщниковъ Академіи сдѣлались нарочито искусными въ математикѣ и философіи, чтобы заслужить жалованье отъ 600 до 800 рублей. Что касается до русскихъ, то между ними еще очень мало находится такихъ ученыхъ, которые бы могли занимать профессорскія званія. Наконецъ, эта академія советѣмъ еще не на такой ногѣ, чтобы російская имперія когда либо могла ласкаться великою отъ нея пользою. Ибо преподаваемая въ ней науки нимало не касаются русскаго языка, нравственнаго ученія, гражданскаго права, народной исторіи и практической математики — единственныхъ наукъ полезныхъ для Россіи, или особенно нужныхъ ей. Но самое главное упражненіе состоитъ въ алгебрѣ, въ трудныхъ математическихъ задачахъ, въ критикѣ древностей и языковъ нѣкоторыхъ древнихъ народовъ, или въ анатомическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ человѣка и животныхъ, въ чемъ наиболѣе трудятся. А какъ русскіе всѣ эти науки считаютъ пустыми и весьма бесполезными, то и неудивительно, что они не имѣютъ никакого желанія обучать имъ своихъ дѣтей, — хотя и всѣ уроки преподаются безмездно. И это до того доходитъ, что Академія весьма часто больше имѣетъ учителей, нежели учениковъ и принуждена бываетъ брать молодыхъ людей изъ Москвы, и, опредѣляя жалованье или содержаніе, побуждать ихъ къ ученю, чтобы преподавателямъ наукъ имѣть наличныхъ слушателей — въ преподаваніи уроковъ. Изъ всѣхъ этихъ примѣчаній можно вывести заключеніе, что многія хорошія училища, заведенныя въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ другихъ русскихъ городахъ, въ коихъ обучаютъ обыкновеннымъ наукамъ, для Россіи были бы гораздо лучше и полезнѣе, нежели Академія наукъ, которая ежегодно стоитъ ей большихъ суммъ денегъ, и не производитъ никакого плода¹⁾. Прибавимъ къ этому, что и въ высшемъ дворянскомъ училищѣ — въ с.-петербургскомъ кадетскомъ

1) Mannstein, Nachrichten von Russland 1727—1744. s. 544—551.

корпусъ, — изъ передоваго сословія — дворянства тоже не развивался и не выходилъ вполне развитой, просвѣщенно-мыслящій и научно-рабочій интеллектуальный классъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Бецкаго, и вся цѣль учрежденія этого училища состояла въ томъ, чтобы только готовить для арміи исправныхъ офицеровъ. Поэтому и въ дворянскомъ кадетскомъ корпусѣ воспитанники не получали высшаго научнаго развитія, а учились больше военной дисциплинѣ, теологіи, танцамъ и т. п., и притомъ число ихъ было небольшое, всего только 247 учениковъ. Эта капля въ морѣ незамѣтно исчезала въ общей массѣ невѣжества, которое еще до сихъ поръ считалось спасительнымъ средствомъ противъ „злоплодящихъ“ нововведеній.

Наконецъ, и въ университетскій періодъ, какъ степень развитія, такъ и численность воспитанниковъ возростала далеко непропорціонально съ умноженіемъ народонаселенія и съ общою суммою умственныхъ силъ народныхъ. Въ слѣдующей статьѣ мы займемся подробно характеристикою интеллектуальнаго класса въ этотъ университетскій періодъ: а здѣсь укажемъ только на непропорціональность численнато возрастанія его съ числомъ народонаселенія, или на численную незначительность его въ сравненіи съ численностью рабочаго народа. Для этого достаточно будетъ и немногихъ цифръ. Въ 1762 г. графъ Шуваловъ давалъ такой отчетъ о числѣ и степени умственнаго развитія поколѣнія, образовавшагося въ московскомъ университетѣ съ 1755 года: „всего полезнѣйше университету, — писалъ онъ, — что съ начала онаго вышло учениковъ 1800, изъ которыхъ токмо 300 разночинцевъ, прочіе же всѣ дворяне, и великая часть съ хорошими о успѣхахъ въ ученіи аттестатами, въ томъ числѣ довольно студентовъ было, изъ которыхъ и нынѣ 9 человекъ въ кадетскомъ корпусѣ достойными учителями въ математикѣ, въ латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, также и обрѣтающіеся въ чужихъ краяхъ студенты обнадеживаютъ своимъ знаніемъ и прилежностію быть полезными своему отечеству, къ тому же еще недавно заведенная въ Казани гимназія довольно плодъ начинаетъ оказывать, и въ университетѣ довольно своихъ учи-

телей“¹⁾. Но вспомнимъ при этомъ и слѣдующій отзывъ фонъ-Визина — ученика московскаго университета: „Остается мнѣ теперь сказать, — говоритъ онъ въ своемъ „Чистосердечномъ признаніи,“ объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ признаться, что нынѣшній университетъ не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учителя и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Арифметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу. Латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ, но голову имѣлъ преострую, и какъ латинскій, такъ и русскій языкъ зналъ очень хорошо. Учитель латинскаго языка пятью пуговицами кафтана обозначалъ условно съ учениками пять латинскихъ склоненій, а четырьмя пуговицами на камзолѣ 4 спряженія. Ученики должны были отвѣчать на его вопросы: какого склоненія имя? Какого спряженія глаголъ? смотря потому, за какую пуговицу онъ хваталъ пальцами. Ученики не знали еще самыхъ простыхъ истинъ науки. Напримѣръ, на вопросъ: куда Волга впадаетъ? одинъ ученикъ отвѣчалъ: въ Черное море, другой: въ Бѣлое, фонъ-Визинъ простодушно отвѣчалъ: не знаю“²⁾. Изъ этого, быть можетъ, отчасти комически-преувеличеннаго отзыва, видно однакожъ, какъ еще не развитъ былъ тотъ классъ ученыхъ, который представлялъ тогда высшую интеллигенцію общества, и какъ въ студентахъ московскаго университета умственная потребность вещественной, чувственно-образной наглядности еще преобладала надъ силою логической сообразительности. Вообще, какъ видно изъ исторіи московскаго университета, написанной г. Шевыревымъ, и университетскій персоналъ въ XVIII столѣтіи еще далеко не представлялъ серьезнаго интеллектуальнаго класса; какъ ученики, такъ и учителя еще большею частію характеризовались слабою ум-

¹⁾ Оправд. Шувалова на обвиненіе Адагурова: Чт. Общ. 1859, кн. I, отд. V, стр. 75.

²⁾ Сочин. фонъ-Визина, изд. 1852 г. «Чистосердечное признаніе», стр. 511—527.

ственной дѣятельностью и неутѣшительными умственными чертами ¹⁾. Но все-таки, къ концу XVIII в. московскій университетъ видимо измѣнялся къ лучшему и былъ первымъ. Въ то же время, и внѣ университетскаго интеллектуальнаго класса, являются замѣчательными представителями юной русской мысли такіе дѣятели знанія, какъ Ломоносовъ, Крашенинниковъ, Лепехинъ, Рычковъ, Озерецковский, Полѣновъ, Румовскій, Осиповскій и другіе. Но, къ сожалѣнію, и число такихъ мыслящихъ людей и труженниковъ науки умножалось не слишкомъ большими прогрессивными числами. Такъ на-примѣръ, съ 1762 по 1771 годъ изъ московскаго университета вышло только 24 полезныхъ дѣятеля на поприщѣ науки и гражданскаго просвѣщенія, и изъ нихъ только 3 человѣка извѣстны ученою дѣятельностью. Съ 1771 по 1778 годъ университетъ образовалъ только 11 человѣкъ, въ послѣдствіи болѣе или менѣе извѣстныхъ своею умственною дѣятельностію. Съ 1779 по 1797 годъ изъ всѣхъ воспитанниковъ московскаго университета, оправдали свое университетское ученіе полезною умственною дѣятельностью только до 45 человѣкъ, а съ 1797 по 1812 годъ до 50. Съ 1813 по 1826 годъ въ московскомъ университетѣ получили образованіе 4625 человѣкъ, но въ различной степени интеллектуальнаго развитія; да въ гимназіяхъ при университетѣ въ 1787 г. было 1010 воспитанниковъ, а въ началѣ XIX столѣтія до 3300. Съ 1836 по 1854 годъ московскій университетъ произвелъ докторовъ 114, магистровъ 58, кандидатовъ 881, дѣйствительныхъ студентовъ 1670, врачей 1442; число всѣхъ, получившихъ ученое образованіе въ университетѣ, за 29 лѣтъ, простиралось за 4000 ²⁾. Въ кievскомъ университетѣ, умственная дѣятельность и численность молодыхъ людей, добросовѣстно занимавшихся науками, въ первый періодъ существованія университета (1834—1839), возрастала въ такой послѣдовательности:

¹⁾ Истор. Московскаго университета, стр. 60—65 и др.

²⁾ Шевырева, истор. моск. универс. стр. 169, 208, 575.

Въ высшій курсъ				Въ тѣхъ же курсахъ			
Въ 18 ³⁵ / ₃₆	переведено	45 студент.	Съ отличіемъ	9	Осталось	5	
— 18 ³⁶ / ₃₇	—	93	—	—	23	—	20
— 18 ³⁷ / ₃₈	—	171	—	—	51	—	52
— 18 ³⁸ / ₃₉	—	184	—	—	60	—	32
— 18 ³⁹ / ₄₀	—	102	—	—	22	—	8 ¹⁾ .

Въ первый выпускъ 1837—1838 г. кіевскій университетъ выпустилъ 16 студентовъ со степенью кандидата, въ томъ числѣ: въ первомъ, историко-филологическомъ отдѣленіи философскаго факультета 4 кандидата, во второмъ—естественно-математическомъ отдѣленіи филос. факульт. 2 кандидата, въ юридическ. факультетѣ 10; съ званіемъ дѣйствительныхъ студентовъ 12, въ томъ числѣ: по историко-филологическому отдѣленію 2, по физико-математическому 1, по юридическому факультету 9. Второй выпускъ состоялъ изъ 19 кандидатовъ, въ томъ числѣ изъ историко-филологич. отдѣленія вышло 5 кандидатомъ, изъ физико-математическаго 9. Ненаучныя, постороннія стремленія студентовъ, сопровождавшіяся въ 1839 году закрытіемъ университета, помѣшали возрастанію числа молодыхъ людей, добросовѣстно изучавшихъ науки. Что касается до представителей высшей интеллигенціи, занимавшихся разработкой науки, то въ Россіи еще такъ мало было людей основательно-ученыхъ, что въ кіевскомъ университетѣ, въ первый періодъ его существованія (1834—1839), трудно было набрать профессоровъ съ высшими учеными степенями, и они набирались отовсюду и изъ людей безъ всякой ученой степени. При томъ, не мало было профессоровъ, получившихъ ограниченное научное образованіе, и не въ университетахъ, а въ другихъ, низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и, наконецъ, старое, даже дряхлое поколѣніе сначала преобладало надъ поколѣніемъ молодымъ, полнымъ свѣжихъ интеллектуальныхъ силъ и наиболѣе способнымъ къ научнымъ работамъ.

„Застой въ учебной и ученой дѣятельности университета,—замѣчаетъ г. Шульгинъ,—выразился апатіей и упадкомъ научныхъ

¹⁾ Шульгина, Истор. Университ. св. Владиміра стр. 194.

стремленій. Въ университетѣ учили и учились не науки, а службы ради. Къ концу этого періода „Wissenschaftliche Tendenz“ дѣлается нерѣдко предметомъ насмѣшки въ устахъ слушателей, а иногда преподавателей“ ¹⁾. Въ частности, многіе профессора, представители высшей интеллигенціи общества, были оригинальными типами умственной недоразвитости и чужачества, почти нисколько не знали преподаваемыхъ ими наукъ и отличались странными умственными и нравственными чертами. Таковы, наприм., были: профессоръ физики и физической географіи Абламовичъ, по словамъ г. Шульгина, болтунъ съ извощиками, невѣжда въ своей наукѣ, сильный тѣломъ и слабый умомъ; профессоръ химіи Зѣновичъ — „средневѣковой алхимикъ-чародѣй, извѣстный своей странной химической теоріей, въ которой, между прочимъ, *душу* признавалъ шестымъ химическимъ началомъ и проч.; профессоръ зоологіи Андржіевскій, почти нисколько незнавшій зоологіи и вообще не получившій правильного ученаго образованія въ естественныхъ наукахъ; професс. сельскаго хозяйства Мерцъ, диктовавшій лекціи по какой либо русской книгѣ, по складамъ и съ удивительными, равномерными и монотонными удареніями и прерывавшій лекціи, послѣ класснаго звонка, на половинѣ слова, наприм. лекцію „о горохѣ“ оканчивавшій звукомъ *гор*, а слѣдующую начинавшій глубокимъ вздохомъ *охъ!*; или профессоръ классич. филологіи Якубовичъ, полагавшій верхомъ умственного развитія 12-лѣтнихъ дѣтей знаніе наизусть двухъ книгъ Энеиды; професс. русской исторіи Домбровскій, памятный только перечисленіемъ днѣпровскихъ пороговъ и громкимъ, торжественнымъ и размѣреннымъ произношеніемъ фразъ изъ книги Устрялова и т. п. ²⁾.

¹⁾ Ibid. стр. 62.

²⁾ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1863 г. ч. CXVIII, отд. II, стр. 174—177. Вообще, и по всѣмъ приблизительнымъ къ истинѣ соображеніямъ, не великою оказывается и въ настоящее время численность нашего интеллектуальнаго класса, наприм. въ 1858 году, изъ 65,500,000 жителей, и изъ 528,494 всѣхъ учащихся въ высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, — только около 5,630 человекъ получили образованіе въ университетахъ и другихъ высшихъ неспеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Если даже отнести къ интеллектуальному классу всѣхъ, получающихъ образованіе не только въ университетахъ, въ медико-хи-

Въ послѣднее время, когда потребность основательнаго научнаго образованія и въ обществѣ стала чувствоваться живѣе, и притомъ отмѣнено прежнее ограниченіе числа студентовъ въ университетахъ, — и численность университетски-образованнаго поколѣнія стала увеличиваться быстрѣе. Въ теченіе 10 лѣтъ съ 1853 по 1862 годъ получили высшее научное образованіе во всѣхъ университетахъ:

	В С Е Г О.			Процентное отношеніе.	
	всего окон- чивш. курсъ.	кандидатовъ.	дѣйствитель- ныхъ студен.	кандидатовъ.	студентовъ.
1853	220	112	108	51	49
1854	274	175	99	64	36
1855	328	191	137	58	42
1856	357	201	156	56	44
1857	318	174	144	55	45
1858	336	204	132	61	39
1859	307	182	125	59	41
1860	411	305	106	74	26
1861	508	313	195	62	38
1862	621	424	197	68	32
И того.	3,680	2,281	1,399	62	38

ругической Академіи, въ корпусахъ, но и въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ фельдшерскія школы, школа топографовъ, аудиторіатское училище артиллерійскія школы, — то и тогда будетъ общее число интеллектуальнаго класса всего только до 15,428 человекъ. Что значить въ массѣ 65,500,000 народа не только эта горсть университетски-развитыхъ людей 5,286 человекъ, и притомъ стоящихъ на различномъ, нерѣдко весьма сомнительномъ уровнѣ интеллектуальнаго развитія, но и всѣ эти 15,428 образованныхъ и полубразованныхъ человекъ. (Кольбъ, 258 — 259). Множество у насъ такихъ городовъ, гдѣ при 15 или 20,000 жителей, людей съ высшимъ образованіемъ не болѣе 400 человекъ, а во многихъ городахъ, какъ наприм. во всѣхъ 6 городахъ вологодской губерніи, даже не болѣе 170 человекъ. Что значать 170 человекъ, принадлежащихъ къ интеллектуальному классу, въ массѣ 951,593 жителей, какъ наприм. въ вологодской губерніи. Наконецъ, что значать даже въ средѣ самого такъ называемаго образованнаго городского общества, имѣющаго претензію считаться интеллигенціей общества, что значать и тутъ эти найденные г. Шелгуновымъ 14% научно-мыслящаго интеллектуальнаго класса, характеризующагося высшимъ образованіемъ, при 86% класса вовсе не интеллектуальнаго, даже болѣею частію совершенно негѣстивеннаго, хоть и считающагося въ провинціальныхъ городахъ образованнымъ классомъ, или провинціальнымъ умственнымъ представительствомъ.

Но и въ этомъ, университетски-образованномъ классѣ съ большимъ ли успѣхомъ развилась та могучая рабочая сила критической и, въ частности, естествоиспытательной мысли, которая съ неистощимой энергіей и съ быстрыми успѣхами самостоятельно разрабатываетъ и разрѣшаетъ самые трудные научные вопросы, вырабатываетъ могучую литературу, характеризуется неистощимымъ творчествомъ и великими міровыми открытіями въ области науки и жизни, и создаетъ даже новыя вещи и новыя науки? Къ сожалѣнію, въ нашей умственной исторіи давно слышится жалоба на крайній недостатокъ такой творческой, могучей силы мышленія въ нашемъ интеллектуальномъ классѣ. Давно слышится жалоба, что въ Россіи вообще мало было научныхъ и литературныхъ талантовъ. Еще Карамзинъ задавался вопросомъ: „отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ!“ И при всей ограниченности своихъ требованій отъ таланта, Карамзинъ не удовлетворялся скуднымъ числомъ русскихъ талантовъ въ свое время и дивился ихъ рѣдкости. Онъ требовалъ отъ писателя только дарованія, логическаго ума, историческихъ свѣдѣній, тонкаго вкуса и знанія свѣта. Но и такихъ писателей насчитывалъ мало въ русской литературѣ. „Хорошихъ писателей у насъ такъ мало,—писалъ онъ,—что въ ихъ произведеніяхъ нечего искать даже образцовъ языка. Ученые большею частію изъ средняго состоянія и не имѣютъ случая узнать даже свѣтъ“.. Въ Россіи,—прибавляетъ Карамзинъ,—тогда будетъ больше хорошихъ писателей, когда между свѣтскими людьми будетъ больше ученыхъ“¹⁾. Извѣстный профессоръ математики Осиповскій тоже жаловался на малочисленность и рѣдкость развитыхъ талантовъ даже въ университетскомъ молодомъ поколѣніи: „отличные таланты,—замѣчалъ онъ,—рѣдки, а пролазовъ было множество“²⁾.

(Продолженіе будетъ).

А. Щаповъ.

¹⁾ Вѣстникъ Европы 1802 г. ч. 4, № 14.

²⁾ Матер. для истор. образов. въ Россіи: жур. м. н. пр. 1862 окт. стр. 153.

ГРѢШНИЦА

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

Старикъ Свержинскій лѣтомъ былъ непрочь погулять въ деревнѣ, пожить, какъ говорится, на распаху «середъ полей и лѣсовъ дремучихъ», а зиму проводилъ, обыкновенно, въ губернскомъ городѣ за карточнымъ столомъ.

Въ эту картежную пору, благодаря постояннымъ проигрышамъ, финансы быстро истощались. Съ крестьянъ, между тѣмъ, нужно было получить деньги, слѣдуемые за землею, собрать долги, распродать хлѣбъ. Дѣло бы, кажется, немудреное, а Свержинскій все-таки ломалъ надъ нимъ голову: черезъ переписку со старостой это немудреное дѣло должно было протянуться (по барскому разсчету) не менѣе, какъ мѣсяца три или четыре, и то при благопріятныхъ обстоятельствахъ; оставлять же самому семейство, знакомыхъ, клубъ — главное клубъ — ему не представлялось достаточнаго резона. Господѣ Свержинской въ деньгахъ тоже была крайняя необходимость: пріемы гостей и выѣзды немало также участвовали въ произведеніи финансоваго кризиса, а бальный сезонъ только-что еще начиналъ разгараться... Ъхать самой въ Волчково — все равно что ѡхать въ какія нибудь Приуральскія степи — вещь немыслимая! Къ тому же хозяйство оставалось для нея вѣчно чуждою, невѣдомою сферой. Отпустить — или вѣрнѣе сказать — прогнать мужа въ деревню тоже дѣло не совсѣмъ подходящее: тамъ есть Аксинья, одна востроглазая, молодая бабенка, а за мужемъ давно уже води-

1868

ИСТОРИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАГО РАЗВИТІЯ ВЪ РОССІИ.

(Статья третья.)

Изъ того, что сказано нами въ предъидущихъ статьяхъ, мы видѣли, что интеллектуальный классъ, высшій по умственному развитію п научно-рабочій, развивался съ крайнимъ трудомъ и медленно. „Ученое состояніе, — говорилъ Карамзинъ въ 1803 году, — донинѣ имѣло малыя выгоды и весьма ограниченный кругъ дѣйствій“ ¹⁾. Вотъ въ этомъ ограниченіи сферы умственной дѣятельности, въ стѣсненіи юной русской мысли, и потомъ въ крайней матеріальной необезпеченности умственного труда заключалась первая причина медленнаго и слабаго развитія въ Россіи высшего интеллектуальнаго класса. Дальше мы подробно раскроемъ какъ эту, такъ и другія причины, задержавшія у насъ развитіе научно-мыслящаго и научно-рабочаго класса. Здѣсь же обратимъ вниманіе на одну изъ самыхъ важныхъ, по нашему мнѣнію, причинъ. Именно, вслѣдствіе численнаго преобладанія рабочаго народа, — устраненіе его отъ европейскаго просвѣщенія, во время реформы Петра I, затрудненіе для крѣпостнаго и податнаго класса доступа къ высшему, университетскому образованію было не мало-

¹⁾ Истор. москов. университ. стр. 326.
«Дѣло», № 4.

важною причиною слишкомъ медленнаго и малочисленнаго нарастанія умственно—дѣятельнаго класса въ Россіи. Вслѣдствіе этого затрудненъ былъ приливъ въ составъ интеллектуальнаго меньшинства свѣжихъ народныхъ умственныхъ силъ, и масса рабочаго народа не столько сообщала ему новыя интеллектуальныя силы и численное приращеніе, сколько стала представлять даже, во многихъ отношеніяхъ, тормазъ для его развитія. Надобно напередъ замѣтить здѣсь, что, съ введеніемъ табели о рангахъ, съ развитіемъ крѣпостнаго права и съ возвышеніемъ и рѣзкимъ обособленіемъ отъ народа высшаго сословія—дворянства и вельможества, говоря вообще; для людей—нисшихъ, не знатныхъ состояній слишкомъ труденъ былъ доступъ къ высшему интеллектуальному развитію. Самая униженность и угнетенность нисшихъ классовъ, особенно рѣзко проявившаяся въ XVIII вѣкѣ, съ развитіемъ помѣщичьяго барства, сильно подавляла и забивала многія интеллектуальныя силы и дарованія, не давая имъ никакого свободнаго хода и проявленія. Уже при Петрѣ великомъ, ставившемъ въ дѣлѣ науки на одну доску и бояръ, и простолюдиновъ, или, какъ тогда выражались, и “породныхъ и подлыхъ людей”, — знатные, въ родѣ барона Шафирова, непріязненно смотрѣли на темныхъ тружениковъ знанія — “ярославцевъ, синбиряниновъ”, и т. п., укоряли ихъ, наприм., тѣмъ, что они происходили отъ площадныхъ писарей или скорняковъ, что отцы ихъ были крестьяне и приучали дѣтей пахать пашню и т. п. ¹⁾ Въ московскомъ университетѣ ученики-дворяне издѣвались надъ профессорами, происходившими изъ простаго званія, наприм. подставляли имъ ноги ²⁾. Безъ протекціи вельможей, и дарованіямъ не было ходу: для Ломоносовыхъ нужны были Шуваловы. Даже корифеи русской литературы XVIII вѣка, Третьяковскіе, Сумароковы и т. д. должны были рабѣдствовать передъ вельможами, быть ихъ покорными слугами и холопами. Имъ, какъ наприм., Сумарокову, вельможи, въ родѣ графа Салтыкова, приказывали потѣшать себя своими литературными трудами и талантами. Такъ, наприм.,

¹⁾ Пекарскаго 1, 210.

²⁾ Истор. москов. университет. стр. 62.

въ 1770 г. 15 февр. сама императрица Екатерина II съ упрѣкомъ писала Сумарокову, нехотѣвшему холопствовать своимъ талантомъ передъ фельдмаршаломъ графомъ П. С. Салтыковымъ: “фельдмаршалъ желалъ видѣть трагедію вашу. Пристойно было въ томъ удовольствоваться первому въ Москвѣ начальнику. Если же графъ Салтыковъ заблагоразсудилъ приказать играть, то уже надлежало безъ отговорокъ исполнить его волю. Вы болѣе другихъ, чаю, знаете, сколь много почтенія достойны заслуженные, славою и сѣдиной покрытые мужи, и для того совѣтую вамъ впередъ не входить въ подобные споры, чрезъ что сохраните спокойство духа для сочиненія, и мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленія страстей въ вашихъ драмахъ, нежели читать ихъ въ письмахъ”¹⁾. Сумароковъ, надобно сказать, былъ еще самъ своего рода аристократъ, вельможа тогдашней литературы, удостоившійся чести переписываться съ Екатериной II. А что сказать о самыхъ неизвѣстныхъ, по происхожденію, молодыхъ людяхъ, жаждавшихъ умственного труда, мучившихся, такъ сказать, отъ гнета или отъ избытка таланта, неимѣвшаго исхода и простора. Тѣмъ болѣе—что сказать о ничтожныхъ муравьяхъ тогдашняго литературнаго муравейника. Это были буквально несчастные паріи, зависѣвшіе не только отъ какого нибудь мецената, но и отъ всякаго чиновнаго невѣжды, стоявшаго неизмѣримо выше писателя. Тотъ же Сумароковъ въ письмѣ своемъ къ императрицѣ Екатеринѣ II, 24 янв. 1773 г. писалъ: “нынѣ изъ учениковъ въ Спасской академіи имущій склонность къ стихотворству болѣе 4 мѣсяцевъ неотступно проситъ меня, дабы взять онъ былъ ко мнѣ ради переписки, чтобъ ему чрезъ то научиться, а онъ къ тому и способности много имѣетъ. А потому что онъ изъ поповичей и человѣкъ свободный, могу я его взять и безъ указа, да и начальники ево за него стоять не могутъ и не хотятъ, а сверхъ того мнѣ и они какъ и всѣ знатнѣйшія духовныя (персоны) крайніе пріятели; но потребно сему человѣку жалованье, ибо бѣдность рождаетъ подлость, а поэзія подлости и край-

¹⁾ Чтен. Общ. Истор. 1860 кн. 2, отд. V, стр. 238.

нихъ недостатковъ не терпѣть, „¹⁾. Если даже людямъ, желавшимъ учиться посредствомъ переписки сочиненій тогдашнихъ извѣстныхъ писателей, трудно было безъ протекціи найти даже и такую умственную работу, то что сказать о трудности доступа къ высшему образованію. Съ XVIII столѣтія, т. е. съ той самой поры, какъ только введены были въ Россію европейскія науки, вслѣдствіе ревизскаго росписанія и раздѣленія сословій, въ силу табели о рангахъ, вслѣдствіе усиленія рабовладѣльческаго и землевладѣльческаго дворянства, простой, рабочій народъ, заваленный одной черной работой, да налогами и повинностями на потребности государственныхъ реформъ, замкнутый въ темную и безвыходную сферу труда, почти вовсе не участвовалъ въ высшемъ интеллектуальномъ развитіи. Вслѣдствіе этого, естественно закрытъ былъ неизсякаемый источникъ, откуда интеллектуальный классъ могъ бы получать, путемъ университетскаго образованія, постоянный притокъ новыхъ, свѣжихъ и здоровыхъ силъ, и такимъ образомъ быстро расти, крѣпнуть, постоянно обновляться и совершенствоваться. Уже при Петрѣ великомъ, какъ мы видѣли, масса населенія обречена была на одну черновую, строительную работу государственной реформы, а къ высшему, европейскому образованію призваны были, большею частію, только вельможи, да дьяки и подьячіе. А потомъ, когда основался московскій университетъ и за нимъ—другіе,—рабочій, податной и особенно крѣпостной людъ почти положительно устранился отъ университетскаго образованія. Въ утвержденномъ проэктѣ объ учрежденіи московскаго университета было положительно постановлено, „что крѣпостныхъ людей нельзя принимать ни въ университетъ, ни въ гимназію, потому что науки почитаются благородными занятіями и не терпятъ принужденія; для различія дворянъ отъ разночинцевъ предписано учиться имъ въ разныхъ гимназіяхъ“²⁾. Въ проэктѣ къ учрежденію Батуринаго университета въ 1760 г. высказанъ былъ такой же господствовавшій въ то время дворянскій взглядъ: “Понеже науки

¹⁾ Лѣтоп. русск. Литерат. кн. 6, отд. III, стр. 70.

²⁾ Матер. для истор. народн. образов. Ж. М. Н. Просвѣщ. 1865 г. Окт. стр. 57.

по справедливости между благороднѣйшими упражненіями считаются и не терпятъ никакого принужденія, того ради какъ въ семинарію при университетѣ, такъ и въ университетѣ, не принимать никакихъ крѣпостныхъ людей, развѣ онъ вольнымъ отъ своего владѣльца учиненъ будетъ и снабденъ письмомъ, за помѣщиковою рукою и свидѣтелей, при печатѣхъ, отпускнымъ вѣчно, ¹⁾. Въ докладѣ объ учрежденіи казанской гимназіи, представленномъ мѣстными властями (1797 г.) также положено было: “дѣти дворянъ и разночинцевъ должны различаться по форменной одеждѣ; у дворянъ воротникъ и обшлага бѣлые, у разночинцевъ — темнозеленые, въ классахъ сидѣть дворянамъ за особливымъ отъ разночинцевъ столомъ; обѣдъ и ужинъ, а также и постели, имѣть въ особливыхъ комнатахъ, наблюдая, сколько возможно, пристойности, въ отличіе ихъ благороднаго происхожденія, ²⁾. Въ казанской губерніи дворяне и чиновники даже не хотѣли отдавать своихъ дѣтей въ народныя училища, не желая, чтобы дѣти ихъ въ училищахъ смѣшивались съ дѣтьми разночинцевъ и крѣпостныхъ людей ³⁾. Такой умственный антагонизмъ дворянства къ простому народу, неизбѣжно сопровождавшійся умственной эксплуатаціей нисшихъ, рабочихъ классовъ, господствовалъ и до позднѣйшаго времени. Еще въ 1839 году князь Н. А. Долгоруковъ, проецируя въ своемъ всеподданѣйшемъ отчетѣ объ учрежденіи въ Вильнѣ кадетскаго корпуса или лица и въ Гроднѣ и Вѣлостокѣ — также лица или благородныхъ пансіоновъ, — писалъ: „знатнѣйшее и богатѣйшее дворянство никогда не рѣшится, по общему предразсудку дворянъ въ Россіи, отдавать дѣтей своихъ въ нисшія школы, гимназіи или уѣздныя училища, куда стекаются ученики всякаго происхожденія ⁴⁾“. Точно также трудно было и людямъ податнаго состоянія поступать въ университеты, потому что они, во все время своего ученія, должны были платить подати, отрываясь въ то же вре-

¹⁾ Проектъ къ учрежд. университета въ Батуриинѣ въ Чтен. Общ. Ист. 1863, стр. 75.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1863, Окт. стр. 57.

³⁾ *ibid.* Стр. 127.

⁴⁾ Чтен. моск. общ. истор. 1863 кн. 2, стр. 181.

мя отъ работъ, какъ единственнаго источника ихъ существованія. Въ студенческомъ уставѣ московскаго университета 1779—1796 г., въ числѣ трехъ главныхъ, непремѣнныхъ условій для доступа къ слушанію университетскихъ лекцій, требовалось представленіе достовѣрнаго свидѣтельства въ правѣ на законную свободу и исключеніе изъ подушнаго оклада ¹⁾. Указомъ 10 ноября 1811 года, студентовъ, поступающихъ изъ податнаго состоянія, повелѣно было исключать изъ оклада не прежде, какъ по окончаніи ими полного курса ученія въ университетѣ. Причина постановленія выражена первыми словами указа: “учрежденіемъ въ имперіи нашей университетовъ желали мы доставить способы подданнымъ всѣхъ состояній почерпнуть въ нихъ познанія въ высшей степени. Симъ открыли мы поприще для усовершенія талантовъ отличныхъ: но однимъ вступленіемъ въ университеты мы не имѣли въ намѣреніи освободить состоянія, въ окладъ положенныя, отъ общей имъ повинности; ибо сіе вступленіе не представляетъ еще отечеству члена, образованнаго по намѣренію нашему.” ²⁾. Наконецъ, нѣкоторые и вообще требовали ограниченія самой сферы умственнаго образованія простаго народа. Такъ наприм. нѣкто В. М. въ своемъ проэктѣ объ уменьшеніи нищихъ въ Россіи, писанномъ въ 1844 году, говоря объ образованіи нисшихъ слоевъ народа, замѣчаетъ: “главное, чтобы образованіе ихъ не превышало ихъ состоянія, иначе произойдетъ не польза, а вредъ; для распространенія свѣдѣній, которыя ни въ какомъ случаѣ не должны превышать состоянія простаго народа, можно издавать какое-либо чтеніе: оно при содѣйствіи правительства и дворянства русскаго проникнетъ и напитаетъ и весь нисшій слой народа” ³⁾. Вслѣдствіе такого отчужденія крѣпостнаго и податнаго молодого поколѣнія отъ высшаго уни-

¹⁾ Истор. моск. универс. 268.

²⁾ Истор. моск. универс. 401.

³⁾ Чтен общ истор. 1860 кн. 3, отд. V, стр. 208. Подъ чертой къ выписаннымъ словамъ проэкта о нищихъ сдѣлано такое примѣчаніе В. Д.: «можно (распространить народное чтеніе), но не отъ правительства. Это у насъ не поведетъ ни къ чему. Это можно сдѣлать только чрезъ Вас. Вас. Лонгина, въ Москвѣ, у котораго народныя книжки отпускаются пудами, или мѣряются узлами и кушаками, а пототъ мѣняются на свиные пузыри и щетину».

верситетскаго образованія, — дворяне въ университетахъ преобладали надъ всѣми другими сословіями, и особенно надъ крѣпостнымъ и податнымъ. Такъ наприм., въ кievскомъ университетѣ, по происхожденію, студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Годы.	Дворянъ.	Оберъ-офицерскихъ дѣтей.	Духовнаго званія.	Гражданъ.	Купцовъ.	Мѣщанъ	Казаковъ
1834	51	6	3	1	—	1	—
1835	95	8	7	1	4	2	—
1836	173	6	8	2	4	6	1
1837	235	—	7	3	6	5	2
1838	235	—	7	3	8	5	2
1839	94	—	15	3	5	4	1

Таблица эта показываетъ, что почти все населеніе университета состояло изъ дворянъ (потомственныхъ и личныхъ); всѣ прочія состоянія, кромѣ духовнаго, почти незамѣтны въ составѣ студентовъ. Среднее отношеніе между студентами изъ податныхъ и студентами не платящихъ податей состояній, равняется за всѣ шесть лѣтъ $1 : 13\frac{1}{3}$; самое неблагопріятное въ первый годъ — $1 : 30$, слушателей изъ крѣпостнаго состоянія вовсе не было ¹⁾. Точно также преподаватели наукъ въ университетахъ, по происхожденію, болѣе всего принадлежали къ дворянамъ и духовному званію; изъ податнаго и особенно крѣпостнаго состоянія профессоровъ почти вовсе не было. Только въ кievскомъ университетѣ въ 1838 и 1839 г. были два профессора изъ податнаго состоянія. Это видно изъ слѣдующей таблицы преподавателей кievскаго университета:

По происхожденію.	1834.	1835.	1836.	1837.	1838.	1839.
Дворянъ	16	18	19	19	19	12
Духовнаго званія	2	5	8	10	10	12
Гражданъ	—	—	—	1	1	1
Мѣщанъ	—	—	—	—	1	1 ²⁾

Изъ этого видно, что средніе и нисшіе классы населенія принимали самое ничтожное участіе въ интеллектуальномъ развитіи въ Россіи; и это вѣковое отчужденіе главныхъ коренныхъ силъ народа отъ образованія сопровождалось неизбѣжнымъ застоємъ умствен-

¹⁾ Истор. университ. св. Владиміра стр. 180.

²⁾ Истор. универс. св. Влад. 205.

наго движенія во всемъ организмѣ страны. А потому, и классъ интеллектуальный — не могъ быстро наростать, и въ немъ всегда было недостаточное число наличныхъ умственно-дѣятельныхъ силъ. Никто не можетъ отрицать той истины, что молодое рабочее поколѣніе — податное и крѣпостное, воспитанное и закаленное въ трудѣ, привычное и склонное къ устойчивой, напряженной работѣ, способно вносить и въ среду умственной дѣятельности энергію рабочей силы и труда, способно ломоносовски работать для науки. Эта истина доказывается даже тѣмъ фактомъ народной исторіи, что, несмотря на всѣ гнетущія обстоятельства историческія, социально-юридическія, экономическія и т. п., — изъ массы молодыхъ поколѣній податного и крѣпостного народа всегда являлись такъ называемые *самородки* или самоучки — механики, химики, физики, техники, астрономы — безпомощные труженики знанія и своеобразныхъ самостоятельныхъ изобрѣтеній — Кулибины, Власовы, Соболевы, Сухановы, Чистяковы, Гребенщиковы и мн. др., о которыхъ мы подробнѣе скажемъ дальше. Только безъ помощи университетовъ и академій, эти люди терялись въ массѣ народа и гибли непроизводительно въ нуждѣ и горѣ и въ борьбѣ съ тяжелой долей крѣпостного и податного состоянія. За нихъ на обществѣ лежитъ грѣхъ убійства полезнѣйшихъ, талантовъ. Если бы подобные самородки или самоучки изъ молодаго поколѣнія податнаго и крѣпостнаго класса получали высшее университетское или академическое образованіе, — изъ нихъ, безъ сомнѣнія, выходили бы замѣчательные дѣятели науки, замѣчательные изобрѣтатели, — и наше интеллектуальное развитіе шло бы нѣсколькими вѣками вперед. Появленіе народныхъ самоучекъ-механиковъ, химиковъ, физиковъ, техниковъ и т. п. служить въ то же время живымъ доказательствомъ, что и въ молодыхъ поколѣніяхъ рабочаго, податного и крѣпостного народа проявляется природный запросъ на высшее, научное развитіе. Хотя и невольная, неизбѣжная, но важная, радикальная ошибка или односторонность умственно-преобразовательной реформы Петра великаго состояла въ томъ, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на интеллектуальное возрожденіе и развитіе массы, не заставилъ все молодое поколѣніе во всѣхъ сословіяхъ

одинаково учиться западнымъ наукамъ, не ввелъ и не узаконилъ въ Россіи однажды навсегда систему всенароднаго, всеобщаго высшаго научнаго образованія; ломка понятій и борьба была бы уже за одно, и въ дворянствѣ Петръ не меньше встрѣтилъ оппозиціи. А между тѣмъ, результаты были бы другіе, громадно-благотворные. Къ сожалѣнію, громадныя потребности государственныхъ работъ заставили Петра отвлечь народъ отъ европейскаго ученія. Но если Петръ великій упустилъ изъ виду великую идею народнаго высшаго развитія, то этой идеѣ не давали заглухнуть въ нашей умственной исторіи прямые послѣдователи и продолжатели развитія основной умственно-преобразовательной идеи Петра великаго. Безпристрастные здравомыслящіе люди давно стали сознавать недостатокъ въ суммѣ интеллектуальныхъ силъ и умственного прогресса Россіи, проистекающій отъ того предразсудочнаго и несправедливаго обособленія рабочаго и интеллектуальнаго класса въ Россіи, какое громко заявлено было дворянствомъ во время учрежденія университетовъ и гимназій. Они требовали равноправнаго участія въ высшемъ научномъ образованіи какъ податнаго, такъ и крѣпостнаго молодого поколѣнія. Ломоносовъ — первый, происшедшій изъ крестьянства, замѣчательный русскій естествоиспытатель, первый, послѣ Петра великаго, проповѣдникъ естествознанія, реформаторъ народнаго міросозерцанія, Ломоносовъ, своимъ примѣромъ доказавшій способность и необходимость допущенія къ высшему научному образованію молодого, рабочаго, податнаго и крѣпостнаго поколѣнія, — первый защищалъ права русскаго крестьянства и мѣщанства на высшее образованіе: «во всѣхъ европейскихъ государствахъ, — писалъ онъ, — дозволено въ академіяхъ обучаться всякаго званія людямъ, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ людей, хотя тамъ и великое множество ученыхъ людей. А у насъ, въ Россіи, при самомъ наукъ начинаніи сей источникъ просвѣщенія и знаній запертъ: положенныхъ въ подушный окладъ въ университетъ (академическій) принимать запрещается. Будто бы сорокъ алтынъ толь великая и казнѣ тяжелая сумма, которой жаль потерять на приобрѣтеніе ученаго природнаго россиянина, а лучше выписывать» ¹⁾. И самъ Ло-

¹⁾ Сочин. Ломоносова 1847 г., т. I, стр. 775.

моносовъ, открывая въ академіи наукъ свои лекціи по физикѣ, съ производствомъ опытовъ, призывалъ всѣхъ равно слушать свои лекціи и смотрѣть на физическіе опыты. Онъ ревностно заботился о распространеніи физическихъ, химическихъ и астрономическихъ знаній во всѣхъ сословіяхъ народа, и въ словѣ о явленіи Венеры на солнцѣ въ началѣ 1744 года положительно требовалъ, чтобы физическія и астрономическія явленія объясняемы были, во-первыхъ, простому народу, и во-вторыхъ—образованнымъ классамъ, людямъ, читающимъ книги ¹⁾. Мысли Ломоносова раздѣляли потомъ и многіе другіе мыслящіе люди. По плану университета, выработанному училищною комиссіею въ прошломъ столѣтіи, въ университетъ допускались люди всѣхъ званій и состояній: „несвободные люди, — сказано тамъ, —также должны имѣть право быть въ университетѣ; симъ науки и ученіе нисколько не будутъ унижены, такъ какъ цари и князья не унижаются тѣмъ, что несвободные люди бываютъ вмѣстѣ съ ними въ храмахъ и слушаютъ слово божіе. Науки называются свободными для того, что всякому предоставлена свобода пріобрѣтать ихъ, а не для того, чтобы сіе право предоставлено было только людямъ свободнымъ. Исторія, какъ древняя, такъ и новая, доказываетъ, что люди самаго низшаго состоянія пріобрѣтали себѣ науками безсмертную славу. Въ отечествѣ нашемъ стяжавшій оную Ломоносовъ служить неоспоримымъ истины сей доказательствомъ“ ²⁾. Были и благомыслящіе помѣщики, которые желали просвѣщенія простого народа. Наприм., въ „последнемъ распоряженіи одного помѣщика своимъ имѣніемъ“ (въ 1810 г.) находимъ такую задачу: „тому, кто удаляясь отъ образцовъ иноземныхъ, а постигнувъ истинный характеръ нужды и пользы нашего простого народа, учредить заведеніе „Институтъ“, которое бы по опыту десяти лѣтъ, по крайней мѣрѣ, хотя бы то въ самомъ маломъ кругѣ, сдѣлало наиболѣе вліянія на образованіе простого народа, образованіе притомъ наиболѣе соотвѣтствующее пользамъ нашего отечества, а сіе заведеніе сдѣлалось бы образцомъ подражанія для другихъ, въ дру-

¹⁾ Сочин. Ломоносова 1803 г., ч. III, стр. 342—244.

²⁾ Матер. для ист. народ. образов. Ж. М. Н. Просвѣщ. 1865 г. октябрь, стр. 58.

гихъ мѣстахъ имперіи — тому назначаю 15,000 рублей“ ¹⁾. Адм. Мордвиновъ также желалъ и правительству внушалъ идею, „чтобы въ разныхъ мѣстахъ завести общества, могущія споспѣшествовать распространенію въ народѣ знаній по части сельскаго хозяйства, съ обращеніемъ вниманія на сельскія орудія, зерна и домашнихъ животныхъ, по каждому роду оныхъ; чтобы усилить повсемѣстное распространеніе просвѣщенія размноженіемъ числа училищъ, заведеніемъ народныхъ книгохранилищъ, преподаваніемъ публичныхъ лекцій земледѣлія, механики, физики, химіи, минералогіи и металлургіи, яко наукъ, способствующихъ существенному просвѣщенію“ ²⁾. Въ наше время вопросъ о серьезномъ научномъ просвѣщеніи всѣхъ сословій, день ото дня становится капитальнымъ, краеугольнымъ вопросомъ времени. Люди интеллектуальнаго класса, которымъ предстоитъ необходимость тѣснаго сближенія съ рабочимъ и производительнымъ народомъ, которые, съ уничтоженіемъ крѣпостного права, неизбѣжно должны опереться не на сословныя привилегіи, а на общее равноправное участіе въ образованіи всѣхъ классовъ, какъ только спустятся въ среду рабочаго народа, сейчасъ видятъ передъ собой первый вопросъ о необходимости основательнаго, серьезнаго научно-интеллектуальнаго развитія молодыхъ рабочихъ поколѣній, или, какъ выражается самъ народъ, рабочаго молодяжника народнаго. И первый, насущный интересъ и вопросъ самаго интеллектуальнаго класса состоитъ въ томъ, чтобы увеличить, усилить притокъ къ себѣ новыхъ, свѣжихъ, рабочихъ интеллектуальныхъ силъ изъ молодыхъ поколѣній массы, чтобы имѣть въ составѣ своемъ больше новыхъ Ломоносовыхъ. Земскія собранія не могутъ прочно существовать и развиваться безъ рѣшенія этого животрепещущаго вопроса о научно-интеллектуальномъ развитіи и образованіи молодыхъ поколѣній земства. И не даромъ, они почти въ каждую сессію, при каждомъ земскомъ вопросѣ, всякій разъ невольно и неизбѣжно наталкиваются на этотъ первый, существенный вопросъ нашего времени. Не да-

¹⁾ Чтен. общ. истор. 175.

²⁾ Мнѣніе адм. Мордвинова объ управл. государств. казначейств. въ Чтен. общ. истор., 84.

ромъ въ наше время уже составлено было и нѣсколько проектовъ и уставовъ Обществъ распространенія образованія въ простомъ народѣ. Таковъ наприм. находящійся у насъ подъ руками «проектъ устава Пермскаго Общества распространенія грамотности и реальныхъ знаній», въ которомъ предполагалось преимущественное распространеніе реальныхъ знаній въ простомъ народѣ, учрежденіе для народа реальныхъ школъ, устройство учебныхъ фермъ, составленіе при школахъ библіотекъ для народнаго чтенія и содѣйствія устройству такихъ же частныхъ библіотекъ, учрежденіе особаго депо для продажи дѣльныхъ учебниковъ и руководствъ, для приобрѣтенія и склада усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и разныхъ снарядовъ, полезныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и ремеслахъ и проч. Таковъ же проектъ устава Рязанскаго Общества распространія грамотности и образованія въ народѣ, напечатанный въ журн. Мин. Народ. просвѣщ. за 1862 годъ. Въ этомъ проектѣ, въ программѣ для сельскихъ училищъ, „объ умственномъ образованіи крестьянскихъ дѣтей“, между прочимъ, сказано: „до изданія манифеста 19 февраля 1861 года, говоря о народныхъ школахъ, слишкомъ рѣдко считали нужнымъ сказать что-либо о необходимости развитія умственныхъ способностей въ крестьянскихъ дѣтяхъ. На основаніи тогдашнихъ отношеній помѣщичьихъ крестьянъ къ своимъ владѣльцамъ, къ чиновникамъ, многіе, не шутя, полагали, что низшему классу нужно только безмолвное повиновеніе, безпрекословное исполненіе приказаній лицъ, надъ нимъ поставленныхъ; а думать, разсуждать, соображать за него обязаны были помѣщики, управляющіе, чиновники и проч. Но послѣ 19 февраля 1861 г. держатся этихъ мыслей даже смѣшно. Каждый изъ крестьянъ можетъ быть волостнымъ, старшиною, добросовѣтнымъ, писаремъ своей волости и проч. А для того, чтобы управлять цѣлою волостью, которая часто заключаетъ въ себѣ до 4,000 лицъ обоюго пола, быть судьей ихъ, вести правильный порядокъ въ дѣлахъ, касающихся всей волости, для всего этого, право, не менѣе нужно ума, какъ и для управленія городомъ съ 3,000 — 5,000 жителей. Скажутъ: „для занятія сельскихъ должностей нужно не много людей; за чѣмъ же и теперь всѣмъ крестьянамъ быть умными?“

За тѣмъ, чтобы умѣть выбрать изъ среды своей умныхъ для себя начальниковъ. Извѣстно, что избиратели всѣхъ сословій большею частию избираютъ тѣхъ, которые, по русской пословицѣ, приходится имъ по плечу; глупымъ, необразованнымъ, тупоумнымъ рѣдко понравится умный начальникъ. Кромѣ того, независимо отъ этихъ, такъ сказать, сословныхъ обстоятельствъ, крестьяне, получивши гражданскія права, должны вмѣстѣ съ тѣмъ получать и образование, необходимое для всякаго человѣка. Наконецъ, такъ какъ матери на домашнее воспитаніе дѣтей имѣютъ больше вліянія, нежели отцы, особенно въ крестьянскомъ быту, гдѣ глава семейства въ цѣлый годъ часто проводитъ въ своемъ дому только нѣсколько недѣль; то необходимо обратить особенное вниманіе на умственное образованіе женскаго пола въ сельскомъ народонаселеніи. Такимъ образомъ развитіе умственныхъ способностей сдѣлалось необходимымъ для всѣхъ вообще крестьянъ и крестьянокъ; отъ этого зависитъ будущее государства, благосостояніе всѣхъ сословій, *все — все зависитъ*. Чему же должно учить деревенскихъ жителей? Тому же, въ чемъ полагаютъ общечеловѣческую образованность. Именно надобно стараться, чтобы и деревенскіе жители, своимъ собственнымъ умомъ здраво размышляли о тѣхъ предметахъ, которые входятъ въ кругъ ихъ дѣятельности, чтобы умѣли правильно говорить и писать на отечественномъ языкѣ, чтобы имѣли тѣ даже научныя свѣденія, которыя должны быть болѣе или менѣе извѣстны всякому — и наконецъ, чтобы и въ нихъ была пробуждена и развита любознательность, которая заставляетъ человѣка „расширять свои познанія и по выходѣ изъ школы“ и проч. Дальше въ проектѣ этомъ предлагаются весьма разумные способы развитія въ простонародныхъ дѣтяхъ умственныхъ способностей и весьма раціональный обзоръ тѣхъ знаній, которыя слѣдуетъ сообщать въ народныхъ училищахъ, какъ наприм.: 1) познанія о животныхъ и растеніяхъ, преимущественно въ приложеніи къ сельскому быту; 2) познанія о нѣкоторыхъ явленіяхъ природы, съ опроверженіемъ народныхъ предрассудковъ; 3) познанія о земномъ шарѣ вообще, а также о русскомъ царствѣ; 4) ариметика, преимущественно съ упражненіемъ

въ умственномъ вычисленіи и т. д. ¹⁾. Да, пора понять, что оставленіе огромной массы молодыхъ поколѣній рабочаго народа безъ науки, безъ силы и жизни, безъ которой иногда не только умственно и нравственно, но и физически вымирають цѣлыя общества и государства, — лишеніе дѣтей, лишеніе цѣлыхъ поколѣній рабочаго народа науки — это варварство, умственное челоуѣкоубійство, общественная аномалія, историческій анахронизмъ. Надобно даже, и пора желать, пора видѣть, чтобы, наконецъ, и учеными, писателями и литераторами были не одни нынѣшніе, такъ сказать, цеховые или записные ученые, литераторы и сочинители, а и всѣ научно-развитые рабочіе люди — крестьяне, фабриканты, заводчики, ремесленники, купцы и проч. ²⁾. Надобно, чтобы наука и литература были дѣломъ всенародной мысли, общею всенародною умственною жизнью и дѣятельностью, вырабатывались общею мыслью всего рабочаго народа, почерпали матеріаль, силы и выводы изъ лабораторіи народнаго рабочаго опыта и труда. Надобно, чтобы фабрики и заводы были въ тоже время мастерскими теоретическаго образованія; поля, пашни, огороды, сады, скотные дворы и проч. были училищами раціональной агрономіи, земледѣльческой химіи и механики, ботаники, зоологіи, раціональнаго скотоводства и проч. Надобно, чтобы и крестьяне, фабричные и заводскіе рабочіе, каждый въ сферѣ своихъ работъ, были физиками, математиками, химиками, технологами, механиками и проч., разрабатывали и научные вопросы, открывали и новыя теоріи и изобрѣтенія, и писали научныя статьи и изслѣдованія и т. п. Тогда только наука и жизнь, знаніе и трудъ, практика и теорія пойдутъ рука объ руку. И наука не будетъ тогда отвлеченностью отъ жизни, а будетъ живою, руководящею силою, разумомъ всенародной мысли и работы; совокупными интеллектуальными силами научно-рабочихъ поколѣній наука станетъ быстро обогащаться новыми истинами, новыми открытіями и изобрѣтеніями. И научно-рабочій, интеллектуальный

¹⁾ Журн. М. Н. Просвѣщ., ч. CXVIII, отд. VI, стр. 9—10.

²⁾ Эти и дальнѣйшія мысли не будутъ казаться странными, если читатель прочтетъ слѣдующія страницы нашего историческаго изложенія.

классъ не будетъ кастовымъ, цеховымъ, отрѣшеннымъ отъ народа меньшинствомъ, а будетъ всенародной интеллигенціей, всестороннимъ, цѣльнымъ интеллектуальнымъ классомъ, думающей и работающей головой общественнаго организма. И, наконецъ, литература тоже не будетъ отрѣшеннымъ отъ народа писательствомъ, а будетъ дѣломъ всенародной мысли, органомъ народнаго мышленія, знанія, опыта и труда, будетъ живымъ ключомъ народной мысли и жизни. Но все это теперь еще *ria desideria*. Да и всѣ проекты о народномъ образованіи безъ осуществленія не значатъ ничего. Поэтому, теперь надобно трубить и трубить, твердить и твердить въ литературѣ о возбужденіи инициативы и дѣятельной энергіи общества къ осуществленію этихъ проектовъ. Улыбку и сомнѣніе встрѣтимъ мы во многихъ, но все-таки не можемъ не высказать снова высказанной уже нами отчасти мысли. Намъ кажется, представителямъ рабочаго народа и народной промышленной работы—богатымъ фабрикантамъ, заводчикамъ, купцамъ, землевладѣльцамъ и вообще промышленникамъ-капиталистамъ, въ соединеніи съ людьми научно-рабочаго, интеллектуальнаго класса, предстоитъ высокое призваніе и даже обязанность взять на себя инициативу или матеріальное обезпеченіе и устройство научнаго, умственнаго развитія и просвѣщенія молодыхъ поколѣній рабочаго народа, составить, напримѣръ, общество матеріальнаго содѣйствія народному ученью и, въ частности, высшему научному образованію народныхъ талантовъ — такъ называемыхъ самородковъ. Пора нашимъ богачамъ, капиталистамъ-фабрикантамъ, землевладѣльцамъ, купцамъ и вообще промышленникамъ,—пора имъ понять, что высшая разумно-человѣчная цѣль промышленной работы, послѣ удовлетворенія необходимыхъ и благоразумныхъ потребностей матеріальнаго благосостоянія, есть интеллектуальное совершенствованіе рабочаго, промышленнаго народа, осмысленная и поставленная въ лучшія условія его жизнь. Пора имъ понять это, и искать своихъ прямыхъ выгодъ не въ эксплуатаціи и невѣжествѣ нисшихъ классовъ, а въ умственномъ всестороннемъ ихъ развитіи. Пора имъ сознать, что и самыя операціи ихъ промышленныхъ работъ требуютъ научныхъ знаній, открытій, изобрѣтеній; а возможность всѣхъ этихъ могучихъ средствъ и условій индуст-

стріального прогресса заключается въ развитіи творческихъ силъ народныхъ талантовъ, въ научномъ развитіи и просвѣщеніи народнаго ума. Наконецъ, всёмъ надобно сознать, что скорѣйшее увеличеніе въ составѣ университетски-образующагося класса поколѣнія рабочаго, молодяжника народнаго, дѣтей рабочаго народа необходимо и въ интересахъ самаго дѣла всенароднаго, земскаго просвѣщенія. Доселѣ въ университетскомъ образованномъ нашемъ классѣ, какъ мы видѣли, преобладало дворянское поколѣніе, такъ что, напри- мѣръ, изъ 1,800 воспитанниковъ, вышедшихъ изъ московскаго университета въ 1755—1762 г. было 1,500 дворянъ и только 300 разночинцевъ, въ кіевскомъ университетѣ процентное отноше- ніе между студентами изъ податныхъ и студентами не платящихъ податей состояній было самое неблагопріятное какъ 1 : 30, или въ 1837 и 1838 г. дворянъ было 235, тогда какъ дѣтей подат- ного, рабочаго класса было только 7, а крѣпостныхъ и вовсе не было. Домашнее дворянское воспитаніе до того вкореняло въ дѣтяхъ дворянъ чувство своего сословнаго достоинства, происхожденія и привилегированнаго положенія, что во всѣхъ университетахъ между студентами до позднѣйшаго времени господствовало почти враждеб- ное, взаимно-непріязненное, смѣшное и вредное дѣленіе на студен- товъ-*аристократовъ* и студентовъ-*демократовъ*, изъ которыхъ первые поставляли существенное отличіе своей породы въ покрое платя, головной прическѣ и ломаныхъ французскихъ фразахъ и всегда относились свысока къ товарищамъ изъ ниснихъ рядовъ, а вторые, нарочно изъ противодѣйствія, старались отличаться гру- бостью и цинизмомъ въ обращеніи ¹⁾. Слѣдовательно, и по выходѣ изъ университета, въ наибольшей части интеллектуальнаго класса, состоявшаго изъ дворянства, такой дворянскій взглядъ и даже вну- тренній, кровный антагонизмъ къ нисшимъ, рабочимъ классамъ пре- обладалъ, да и до нынѣ еще очень и очень проглядываетъ. И, быть можетъ, въ этомъ-то и заключается одна изъ причинъ, по- чему интеллектуальный классъ нашъ всегда былъ какъ-то почти равнодушенъ къ вопросу объ образованіи простого, рабочаго народа,

¹⁾ Истор. универс. св. Владим., стр. 201.

мало и рѣдко задавался этимъ вопросомъ, а прежде, во время учрежденія университетовъ и гимназій, образованный дворянскій классъ настаивалъ даже, какъ мы видѣли, на устраненіи отъ университетскаго образованія людей податного и особенно крѣпостного состояній. Не сынъ дворянскій, а сынъ крестьянскій — Ломоносовъ первый сталъ защищать право крестьянства и мѣщанства на высшее университетское образованіе, а мѣщанинъ Кольцовъ первый въ пѣсняхъ своихъ внесъ въ литературу нашу грустное, элегическое напоминанье о грусти-тоскѣ молодежи крестьянскихъ, мучившихся отъ избытка и безпросторья, отъ сдержанности кипучей энергіи и на волю порывавшихся силъ. Слѣдовательно, въ настоящее или въ будущее время, вопросъ о высшемъ научномъ образованіи, о высшемъ интеллектуальномъ развитіи всѣхъ молодыхъ поколѣній, всего молодяжника простого, рабочаго народа тогда только получить полнѣйшее право гражданства въ общественномъ сознаніи и въ литературѣ, тогда только будетъ живо и горячо разрѣшаться, когда въ интеллектуальномъ классѣ будетъ больше умственно-рабочихъ и научно-мыслящихъ людей изъ простого, рабочаго народа. Въ дворянскомъ сословіи, хотя бы то и въ людяхъ съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, далеко не бьется такъ живо пульсъ крови народной, далеко не горяча такъ симпатія къ простому, рабочему народу, далеко не сродно такъ чутъе и пониманіе интересовъ и потребностей рабочаго народа, — какъ все это присуще, кровно и сродно сердцу Ломоносовыхъ и вообще научно-рабочихъ выходцевъ изъ простого народа, научно-рабочихъ представителей нисшаго, рабочаго класса. Кто изъ воспитанниковъ университетовъ или академій произошелъ изъ нисшихъ, рабочихъ классовъ народа, — тотъ чувствуетъ это въ себѣ.

Обратимся опять къ самому рабочему народу, и посмотримъ, развивались ли въ немъ умственные способности во время вѣковаго исключительнаго занятія промышленной работой, и потомъ — какія способности въ немъ развивались по преимуществу. Какъ ни отдаляемъ былъ рабочій народъ, отъ высшаго интеллектуальнаго саморазвитія, во имя своихъ насущныхъ интересовъ и потребностей, все-таки эта вѣковая работа не убивала въ немъ природныхъ спо-

способностей къ высшему научно-интеллектуальному развитію. Если же онъ отказывался отъ труда умственного самообразованія, во имя своихъ промышленныхъ работъ, то надо и ту правду сказать, что и самая система образованія, какая предлагалась рабочему народу, не сообразовалась ни съ его матеріальными средствами, ни съ его умонастроеніемъ, и не соотвѣтствовала его дѣйствительнымъ умственнымъ потребностямъ. Послѣ вѣковой борьбы русскаго народа за право существованія, за насущный кусокъ хлѣба, въ рабочемъ классѣ было убито всякое стремленіе къ умственному развитію, къ интеллектуальной работѣ, и потому необходимо было возбудить въ немъ эти заглохшія умственные силы и направить ихъ къ дѣятельности. А этого ничего не дѣлалось для народа. Напротивъ, въ самую эпоху умственно-образовательной реформы Петра I, онъ еще болѣе обремененъ былъ работой, а во-вторыхъ, и въ самыхъ народныхъ школахъ, которыя потомъ кое-гдѣ и кое-какъ устраивались, въ школахъ казенныхъ и барщинныхъ, большею частію приказно-схланическихъ, отвлеченныхъ отъ живыхъ вопросовъ жизни, деспотически-регламентарныхъ, много было отталкивающаго отъ умственного труда, который притомъ оказывался, по выходѣ изъ школы, безплоднымъ и бесполезнымъ. Между тѣмъ, въ силу самой исторической логики, влѣдствіе вѣкового преобладающаго развитія и умноженія въ Россіи рабочаго народа, и возложенной на него всей тяжести экономическаго труда, отъ котораго зависѣла матеріальная жизнь, сила и судьба всей Россіи, — необходимо слѣдовало, чтобы признанная со времени Петра великаго необходимой для истиннаго прогресса Россіи интеллектуальная дѣятельность принадлежала всему народу. Это тѣмъ болѣе необходимо было, что народъ русскій и въ умственномъ отношеніи не даромъ былъ по преимуществу народъ рабочій, не даромъ онъ цѣлые вѣка занимался исключительно промысломъ и развѣдываніемъ своей обширной земли. Эта неустанная и напряженная работа развивала въ немъ энергію и умъ. Несмотря на большую примѣсь многихъ невыгодныхъ восточно-азіатскихъ умственныхъ качествъ въ интеллектуальномъ складѣ русскаго народа, — вѣковая работа — эта практическая школа ученія и знанія, по сознанію даже западно-европейскихъ писателей, вырабатывала въ

нашемъ простомъ, рабочемъ народѣ весьма счастливый складъ умственныхъ способностей. Во-первыхъ, вѣковое упражненіе народа въ промышленной работѣ развивало въ немъ практическій, дѣловой умъ. Какъ ни бѣденъ былъ вообще русскій народъ, при отсутствіи научнаго, физико-экономическаго образованія, но все-таки нисшій классъ въ Россіи, благодаря постоянной борьбѣ съ дикой и неподатливой природой, — борьбѣ, которая не дала совершенно заглухнуть его умственнымъ способностямъ, сумѣлъ поставить себя въ матеріальномъ положеніи, по крайней мѣрѣ, въ XVII вѣкѣ, нисколько не ниже, а даже выше многихъ европейскихъ нисшихъ классовъ. Юрій Крыжаничъ, какъ видно, весьма хорошо знавшій тогдашнее экономическое состояніе нисшихъ классовъ западной Европы, и нисколько не любившій лстить русскому народу, напротивъ, рѣзко порицавшій его умственную отсталость отъ европейскихъ народовъ, — Юрій Крыжаничъ такъ писалъ объ экономическомъ превосходствѣ нисшихъ классовъ въ Россіи по сравненію съ нисшими классами въ Европѣ: „и то на память возьмемъ: хотя въ богатыхъ земляхъ достаточные люди угоднѣе и обильнѣе живутъ, нежели на Руси; при всемъ томъ, однакожь, крестьяне и бѣдные граждане, которые кормятся ремесломъ и рукодѣльемъ, на Руси гораздо лучше и угоднѣе живутъ, нежели въ другихъ пребогатыхъ земляхъ. Ибо тамъ земля во многихъ мѣстахъ занята виноградными, разными овощами, красивыми веществами, рудами и другими подобными вещами. А земледѣльцы тамошніе и рабочіе люди, которые занимаются около тѣхъ вещей, а хлѣба не сѣютъ, вообще круто бѣдно, нужно живутъ. Во весь годъ ничего другого, кромѣ чистой воды, не пьютъ; вино, какое работою добудутъ изъ виноградныхъ, все продадутъ, а хлѣба ѣдятъ весьма скудно, а объ квасѣ и слуху не знаютъ. А нѣкоторые ѣдятъ хлѣбъ изъ костаньевъ, изъ сырца и турецкой пшеницы и изъ иныхъ подобныхъ произведеній, каковой хлѣбъ сподобнѣе къ землѣ, нежели къ настоящему хлѣбу. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большія державы состоятъ изъ однихъ горъ и камня, и хлѣба не производятъ, и люди ѣдятъ прехудой хлѣбъ и то по малу, какъ у нѣмцевъ швейцарская, тирольская, зальцбургская и иныя земли. А на Руси, по Божіей ми-

лости, всё люди, какъ самые богатые, такъ и самые бѣдные, ѣдятъ хлѣбъ ржаной, и рыбу, и мясо, и тѣ, кто не имѣетъ пива, пьютъ, по крайней мѣрѣ, квасъ. Поэтому, житье крестьянъ и бѣдныхъ рабочихъ людей на Руси гораздо лучше, чѣмъ во многихъ мѣстахъ греческой, испанской и другихъ подобныхъ земель, въ которыхъ въ иныхъ мѣстахъ мясо, а въ другихъ рыба чрезмѣрно дорога, а дрова на всё покупаются, и люди, живучи въ тѣхъ теплыхъ земляхъ, въ зимнее время больше терпятъ морозу, нежели терпятъ его русскіе жители. Ибо тамъ безъ печей и безъ огня спать въ студеныхъ домахъ, а здѣсь живутъ въ топленыхъ избахъ¹⁾. И дѣйствительно, вѣковое практическое упражненіе и преобладаніе въ народѣ промысловыхъ инстинктовъ развило въ немъ особенный практическій умъ, умѣнье наживаться, среди не совсѣмъ благоприятной физической и политической среды, даже при отсутствіи рациональныхъ экономическихъ началъ. Какъ быстро умѣлъ нашъ народъ наживаться или достаточно обезпечивать себя посредствомъ работы, можно судить по тому, на примѣръ, факту, что въ началѣ XVII вѣка, въ смутное время, послѣ бывшаго неурожая и голода, послѣ опустошительной моровой язвы, междоусобій и грабежей польскихъ и литовскихъ людей, онъ пришелъ въ крайнее разореніе и обѣднѣніе²⁾, а въ 30-хъ годахъ XVII вѣка, лѣтъ въ 20 послѣ смутнаго времени, онъ уже снова поправился, или, по выраженію актовъ, „во всѣхъ своихъ животахъ наполнился гораздо“. Такъ въ статейномъ спискѣ земскаго собора 1634 года сказано объ экономическомъ состояніи русскаго народа вскорѣ послѣ смутнаго времени: „Коли было въ прошлыхъ годахъ Московское государство отъ польскихъ людей въ великомъ разореніи, а послѣ того разоренья денегъ въ казнѣ нисколько не было, и ратнымъ людямъ для избавы христіанской со всей земли Московскаго государства были денежные поборы—съ пожитковъ и промысловъ пятая деньга, и въ то время денежной казны передъ нынѣшнимъ собрано было многимъ

1) Раздѣлъ 10—объ народномъ счастьи нашемъ, стр. 86—87.

2) См. окружн. грам. 1619 г. А. А. Э. III, № 105. Множество челобитныхъ о тогдашн. разореніи. Наприм. А. А. Э. III, № 14, 22 и 75. IV, № 69.

больше, а люди были передъ нынѣшнимъ во всѣхъ своихъ животахъ и промыслахъ нынѣшняго гораздо труднѣе; а нынѣ, по милости Божіей, Московское государство въ тишинѣ и въ покоѣ было многое время, и *передъ прежнимъ во всѣхъ своихъ животахъ люди пополнилися гораздо*¹⁾. Что мѣшало русскому народу быть всегда богатымъ или вполне зажиточнымъ во всѣхъ своихъ животахъ и промыслахъ,—это мы дальше увидимъ, когда будемъ говорить объ экономическихъ условіяхъ его интеллектуальнаго развитія. Здѣсь же хотимъ сказать только то, что вслѣдствіе вѣкового исключительнаго упражненія въ промышленной работѣ, народъ нашъ не лишень былъ природныхъ приобрѣтательныхъ умственныхъ способностей, непосредственно натуральнаго, практическаго ума. Олеарій, сказавши о научной образованности русскаго народа, дальше замѣчаетъ объ его умственныхъ способностяхъ: „что касается до умственнаго развитія русскихъ и его направленія, то они съ удивительною смѣтливостью соединяють необыкновенную хитрость... Смѣтливость и хитрость русскихъ особенно проявляется въ торговлѣ, въ которой они очень хорошо понимаютъ, какъ что повыгоднѣе купить и продать. Потому для веденія торговыхъ дѣлъ требуется у нихъ большого ума и благоразумія; безъ этихъ способностей лучше не приниматься за нихъ... Купцы и ремесленники наживаютъ деньги для пропитанія единственно своими работами. Ремесленники обыкновенно добываютъ себѣ пропитаніе и чарку водки трудами рукъ своихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кормятъ свои семейства. Всѣ они вообще прилежны, вѣрны и скоро перенимають все, что ни увидятъ у нѣмецкихъ ремесленниковъ: въ нѣсколько лѣтъ они переняли отъ нихъ много такого, чего раньше совсѣмъ не знали и не слыхали“²⁾. Въ первой половинѣ XVIII вѣка, Манштейнъ утверждалъ даже, что въ простомъ русскомъ народѣ онъ всегда находилъ болѣе разума и разсудка, нежели въ прочихъ европейскихъ низшихъ классахъ, и вообще лестно отзывался о природныхъ дарованіяхъ русскаго народа: „Въ заключеніе своихъ за-

1) А. А. Э. III, № 242, стр. 368—369.

2) Олеарій, Арх. 1859. Кн. III, стр. 27—28, 53.

писокъ, — говорить онъ, — присовокуплю я нѣсколько мыслей о природныхъ дарованіяхъ русскаго народа вообще. Многіе писатели прежде говорили, будто русскіе до царствованія Петра I погружены были въ крайнее безмысліе, и будто не различались почти отъ безсловесныхъ скотовъ. Но это совершенная ложь и удобно можно доказать противное тому. Желаящіе знать объ этомъ безъ предубѣжденія и имѣть самое справедливое понятіе, могутъ прочитать только исторію XVIII столѣтія, когда честолюбіе Годунова и хитрости поляковъ раздѣлили русскій народъ на разныя стороны и довели Русское государство почти до самаго паденія. Шведы овладѣли Новгородомъ, а поляки — Москвою, столицею имперіи. Но несмотря на такія несчастія, русскіе съумѣли ловкими, умными своими дѣйствіями избавиться отъ силы двухъ столь страшныхъ непріятелей, каковы были тогда шведы и поляки. Менѣе, чѣмъ въ 50 лѣтъ возвратили они всё отнятыя у нихъ въ смутное время области, безъ всякаго содѣйствія, не имѣя тогда никакого министра, ни военачальника изъ иностранцевъ, который бы управлялъ государственными или военными дѣлами. Разсуждая объ этихъ происшествіяхъ, безспорно, должно согласиться, что предпріятія такой важности никогда не могли быть ни разсчитанно обдуманы, ни приведены въ исполненіе людьми совершенно неразвитыми. Вообще, русскіе не имѣютъ недостатка въ разсудкѣ (Verstand). Старанія Петра I объ образованіи своего народа никогда не простирались до мѣщанства или до крестьянства; однако если спросить о чемъ нибудь кого-либо изъ людей этого состоянія, то почти всегда можно найти въ нихъ здравый разсудокъ и всю необходимую способность сужденія. Обо всѣхъ вещахъ, некасающихся его предразсудковъ, вкорененныхъ въ него съ дѣтства, простой русскій народъ судитъ здраво. Онъ отвѣчаетъ съ умомъ и обладаетъ большою способностью къ пониманію всего, что ему представляютъ; выдумываетъ и изобрѣтаетъ весьма удобные способы къ осуществленію своихъ предпріятій, и съ большею способностью и остроуміемъ пользуется лучшими случаями для достиженія своихъ цѣлей. Вообще, можно утвердительно сказать, что русскіе крестьяне или мѣщане всегда больше обнаруживаютъ ума и разсудка, чѣмъ можно найти

эти способности вообще въ людяхъ этого состоянія въ прочихъ европейскихъ земляхъ. Но какъ безъ знанія русскаго языка нельзя дѣлать никакихъ розысканій въ этомъ родѣ, и какъ иностранцы не хотятъ принять труда учиться ему, то отъ этого и произошли смѣшныя сказки о русскомъ народѣ, который, съ своей стороны, также весьма много питаетъ грубаго презрѣнія къ самимъ иностранцамъ и ко всему, что имѣетъ видъ чужестранный. Присовокупимъ къ этому еще и то, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія образъ поведенія и нравы русскаго народа совершенно различались отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ народовъ, и что онъ вовсе не зналъ никакихъ правилъ благопристойности¹⁾.

Далѣе, народъ русскій не даромъ былъ по преимуществу рабочимъ народомъ. Вѣковая мускульная работа его, вслѣдствіе самой физической среды и естественной реальности, обуславливала натурально-практической, естественно-реальный умственный складъ народа, воспитывала и развивала въ немъ, такъ сказать, натуральное умонастроеніе, естественно вела и предназначала его къ реальному, естественно-научному умственному развитію. Таково самое физическое, реальное значеніе всей его вѣковой работы. Если естественныя науки демократичны, какъ утверждаютъ европейскіе мыслители, то, съ другой стороны, мы можемъ положительно сказать, что стремленія народа рабочаго — естественно-научны. Таковы особенно работы крестьянскія, ремесленныя, мануфактурныя, фабрично-заводскія, работы, неизбѣжно сопряженныя съ развитіемъ реального, точнаго и положительнаго взгляда на значеніе, свойства и силы естественныхъ дѣятелей природы. Таковы особенно всѣ работы земледѣльческія, физико-механическія, химическія, техническія, работы на фабрикахъ и заводахъ, обрабатывающихъ продукты минеральные, растительные и животные, работы на заводахъ химическихъ, механическихъ или машинныхъ и т. п., работы архитектурныя или строительныя, столярныя, слесарныя, кузнечныя и т. п., при которыхъ также неизбѣжно невольное, инстинктивное ознакомленіе съ

¹⁾ Mannstein, Histor., polit. und militär. Nachrichten von Russland 1727—1744. Leipzig 1771, s. 582—584.

общими свойствами тѣлъ и силами физическими. Словомъ, работа и естествознаніе, разные виды работъ и разныя отрасли естественныхъ наукъ суть неразрывныя человѣческія занятія, самыя ближайшія другъ къ другу сферы человѣческой дѣятельности. Поэтому, въкое, физически и исторически обусловленное преимущественное развитіе и преобладаніе въ Россіи рабочаго народа есть, по нашему мнѣнію, прямой естественно-историческій путь къ естественно-интеллектуальному развитію русскаго народа. На слѣдующихъ страницахъ, когда мы будемъ говорить объ историческомъ значеніи преимущественнаго развитія въ простомъ рабочемъ народѣ познавательной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ,—мы подробнѣе разовьемъ и докажемъ эту мысль. Здѣсь же скажемъ только, что и въ древней Россіи, какъ ни мало была развита интеллигенція народа, работа все же вела его къ кое-какимъ знаніямъ, а именно къ знаніямъ физико-эмпирическимъ, естественнымъ, реальнымъ. Такъ въковая колонизаціонная дѣятельность, земскоустроительная работа народа, на пути его физико-географическаго самораспространенія, привела къ неизбежной разработкѣ географическихъ знаній и, наконецъ, къ составленію „книги большаго чертежа“ и „чертежа сибирской земли“¹⁾. Колонизуя и воздѣлывая землю преимущественно по берегамъ рѣкъ, рабочій народъ невольно присматривался и къ геологическимъ дѣйствіямъ рѣкъ, къ постепеннымъ измѣненіямъ материка русской земли, и имѣлъ понятіе о наносныхъ и „промывныхъ“ формаціяхъ и измѣненіяхъ почвы, о вновь образующихся, подъ вліяніемъ рѣчныхъ наносовъ, материкахъ или почвахъ, называя ихъ *„наволоками, присадами, новоприсадными и новоприсыпными песками и землями, что присадило рѣкою вновь и т. п.“*²⁾. Въ частности, служилые, торговые и промышленные рабочіе люди, неутомимо работая въ борьбѣ съ сибирской природой, прежде натуралиста Миддендорфа, открыли и разузнали такія поразительныя явленія сибирской природы, какъ горящія или огнедышящія горы

¹⁾ О географич. свѣдѣніяхъ въ древн. Россіи: Записк. географич. общ. кн. VI, стр. 1—264.

²⁾ Ак. относ. до юрид. б. I, № 65. А. II. I, № 248.

(Feuerbrennende Berge) наприм. на р. Хатангѣ, на Таймырѣ и т. п., и брали въ нихъ сѣру и нашатырь ¹⁾. Простые рабочіе—посадскіе и промышленные люди открывали и познавали металлическія руды, слюду, жемчугъ, хрусталь, сѣру, драгоценныя минералы и проч., самоучкой производили опыты обработки металловъ, и при этомъ невольно, хоть поверхностно, да знакомились съ физическими свойствами тѣлъ и т. п. ²⁾. Эти непосредственно-рабочіе опыты минералогическихъ изысканій и открытій русскихъ промышленниковъ продолжались и до позднѣйшаго времени. Наприм. въ 1792 г. колыванскій купецъ Верхотуровъ въ прошеніи на высочайшее имя писалъ: „по собственной моей склонности и расположенію, употребляя довольныя старанія и прилежаніе, имѣлъ счастье въ предмѣстіи Колыванской губерніи Красноярскаго уѣзда по теченію рѣки Вѣлаго Юса, въ 150 верстахъ отъ р. Енисея, изобрѣсть мѣсто, гдѣ по признакамъ и на первый случай небольшой шурфами разработкѣ открыты мною металлическія руды, которыя по свойству и виду надежно имѣютъ хорошее содержаніе мѣди, по примѣчанію же моему заключаются и простираніе имѣютъ между каменныхъ породъ жилою“ и проч. ³⁾. Точно также простой кузнецъ Демидовъ, сбѣжавшій изъ вѣдомства пушкарскаго приказа, явился первымъ основателемъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ на Уралѣ, и такимъ образомъ самоучкой, путемъ промысловаго металлическаго производства, вырабатывалъ свои металлургическія знанія и распространялъ ихъ между рабочими ⁴⁾. Далѣе, торговая предприимчивость и дѣятельность русскихъ рабочихъ людей также вела къ приобрѣтенію кое-какихъ реальныхъ знаній, къ расширенію физико-географическаго кругозора. Такъ наприм. около 1470 г. одинъ тверской купецъ Афонасій Никитинъ, вмѣстѣ съ другими 6 москвичами и 5 тверичами, по торговымъ дѣламъ былъ въ Индіи, почти за тридцать лѣтъ

¹⁾ Beiträg. zur Kenntn. d. Russ. Reich Bd. XI, s. 516—517. Сборн. указовъ мангазейск. канцеляріи 1720—1729.

²⁾ Дополн. V; №№ 9, 10 и 25. Доп. VI, №№ 24, 96 и 135, Доп. VII, №№ 10, 43 и 69 и мн. др.

³⁾ Дѣло красноярскаго губернскаго архива 1792 г. № 68.

⁴⁾ Mannstein, Nachricht. von Russland, 541.

до прибытія туда знаменитаго португальца Васко-де-Гамы, и во время торговаго путешествія своего приобрѣлъ и распространилъ въ древней Руси, хотя краткія, поверхностныя, но все-таки по тогдашнему времени весьма любопытныя физико-географическія познанія, наприм. о естественной производительности Индіи, о растеніяхъ, животныхъ и, въ частности, объ обезьянахъ и „черныхъ людяхъ“, о жаркомъ климатѣ Индіи и другихъ центрально-азиатскихъ земель, о минералогическихъ и растительныхъ произведеніяхъ, неизвѣстныхъ и неслыханныхъ тогда на Руси и проч. ¹⁾. Простые, торговые и промышленные русскіе люди и казаки, въ родѣ Стадухина, Булдакова, Дежнева, якутскихъ купцовъ Шалаурова и Ляхова, купца-промышленника Шелехова, мѣщанина Санникова и множества другихъ, съ неимовѣрными богатырскими подвигами, страданіями и самоотверженіемъ, путемъ неутомимо-энергическаго и неустрашимо-богатырскаго рабоче-промышленнаго мореплаванія, ознаменовались замѣчательными географическими открытіями на Ледовитомъ океанѣ и Беринговомъ проливѣ до Америки, первые проложили дорогу ученымъ географическимъ экспедиціямъ Беринга, Стеллера, Прончищева, Овцына, Ласиніуса, Лаптева, Геденштрёма, Биллингеа, Кука и Врангеля. Въ частности наприм. Дежневъ за 80 лѣтъ до Беринга, по словамъ Врангеля, первый прошелъ чрезъ Беринговъ проливъ; „самоучки—географы“, какъ выражается тоже Врангель, въ родѣ якутскаго купца Шалаурова, обезсмертившаго себя „рѣдкимъ примѣромъ предпріимчивости и самоотверженія“, — первые намѣтили географическія карты сѣверо-восточныхъ береговъ и острововъ Ледовитаго океана, производили даже магнитныя наблюденія и проч. И какъ знаменитый натуралистъ Палласъ оцѣнилъ и издалъ, какъ важное для науки географическое приобретеніе, описаніе путешествія Шелехова изъ Охотска въ Америку и путевой дневникъ казака И. Кобелева ²⁾, — такъ и

¹⁾ Зап. Географ. Общ. 1852 г. нн. VI, стр. 214—222.

²⁾ Schelechof's, Reise von Otchotsk nach Amerika 1783—1787: Neue Nordisch. Beiträg. Pallas Bd. VI, s. 167—249. Тамъ же Bd. IV, s. 105—111: Tagebuch des kosakes Iwan Koblelef. См. также Neue Nord. Beitr. Bd. IV, s. 112—162, и Bd. 1, s. 231—313.

знаменитый полярный путешественникъ Врангель воздалъ всю должную цѣну географическимъ открытіямъ всѣхъ самоучекъ-географовъ—мѣщанъ, купцовъ и казаковъ ¹⁾. Точно также работы полевые, земледѣльческія, вращавшіяся всегда въ сферѣ растительнаго царства природы, повели къ зачаткамъ ботаническихъ знаній, къ познанію характеристическихъ признаковъ и полезныхъ свойствъ растений, къ познанію многихъ съѣдобныхъ дикихъ растений, къ составленію травниковъ. Въ XVII в. „знающіе люди“ изучали флору Сибирскую, испытывали свойства сибирскихъ растений, изучали ихъ географическое распространеніе, описывали ихъ и составляли травники ²⁾. „Важность рукописей, извѣстныхъ въ нашемъ народѣ подъ именемъ травниковъ,—замѣчаетъ г. Калачевъ,—признается самими медиками“ ³⁾. Сюда же должно отнести добытыя народомъ свѣденія о многихъ лекарственныхъ и съѣдобныхъ дикихъ

¹⁾ Путешествіе Врангеля ч. 1, стр. 1—147; историч. обзор. путеш. по ледовитому океану. Желательно было бы даже, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ писателей, мастеръ составлять книги или статьи для простонароднаго чтенія и для дѣтей, воспользовавшись богатымъ матеріаломъ исторіографа Миллера, Палласа, Врангеля и др., живописно, теплосердечно описалъ богатырскіе подвиги и открытія всѣхъ нашихъ знаменитыхъ простонародныхъ полярныхъ мореплавателей, въ родѣ Дежнева, Булакова съ товарищами, Шалаурова, Ляхова и множества другихъ, съ присовокупленіемъ (по описаніямъ Врангеля и др.) живописной,—иллюстрированной—естественной исторіи или физической географіи Ледовитаго моря, его торасовъ, морскихъ животныхъ, мамонтовъ и ихъ геологической эпохи и проч., а также съ присовокупленіемъ живописной (съ рисунками) этнографіи или описанія береговыхъ жителей—Чукчей, Юкагировъ, Коряковъ, Якутовъ, Камчадаловъ, Колошъ, Креоловъ и проч. Если для дѣтей и простонародныхъ молодыхъ грамотниковъ полезны рассказы о Ломоносовѣ, Кулибинѣ, Кольцовѣ и т. п.,—то не менѣе полезны будутъ и эти рассказы о простонародныхъ полярныхъ богатыряхъ—мореплавателяхъ: они дѣйствовали бы возбуждительно на развитіе умственной энергіи дѣтей,—особенно простонародныхъ; а присоединенія при нихъ живописныя естественно-историческія и этнографическія описанія и картины полезны были бы и для познавательныхъ способностей дѣтей,—эти былинны, или этотъ драматическій эпосъ народнаго рабочаго богатрства, предприимчивости, ума, открытій, самоотверженія и проч. былъ бы даже гораздо поучительнѣе всякихъ рассказовъ о Робинзонахъ и т. п.

²⁾ Доп. VI, №№. 117 и 127; VII, № 70. См. «Травникъ Сибирскій XVII в. въ Доп. VI, стр. 361—364.

³⁾ Травникъ, издан. г. Калачевымъ въ Арх. 1858 г. кн. I, отд. V, стр. 76—83.

растеніяхъ, которыхъ, наприм., въ воронежской губерніи г. Тарачковъ, преподаватель естественныхъ наукъ въ воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ, описалъ до 65 ¹⁾. Простой, рабочій народъ нашъ разузналъ и отыскалъ въ природѣ множество свѣдѣмыхъ дикихъ растений, и эти простонародныя свѣденія такъ важны, что даже знаменитый натуралистъ Миддендорфъ сначала пользовался ими при изученіи и описаніи питательныхъ растений на крайнемъ сѣверѣ Сибири, какъ, наприм. при описаніи мясистыхъ корневищъ и т. п. ²⁾. Практическое, промышленное усвоеніе зоологическихъ знаній также предшествовало теоретической разработкѣ зоологіи. Рабочіе люди, звѣропромышленники и рыбопромышленники задолго напередъ до зоологическихъ изслѣдованій и работъ Палласа, Лепехина, Озерецковскаго и другихъ, выработали элементарныя знанія по части русской зоологіи. Архангельскіе, поморскіе промышленники въ этомъ отношеніи стѣять во главѣ практической разработки зоологическихъ знаній. Знаніями ихъ пользовался даже и академикъ Лепехинъ. Таковъ, наприм., „Опытъ естественно-историческій о морскихъ звѣряхъ и рыбахъ, промысляемыхъ архангело-городской губерніи жителями въ Бѣломъ морѣ, Сѣверномъ и Ледовитомъ океанѣ, съ описаніемъ образа тѣхъ промысловъ“ — опытъ, составленный (въ 1772 г.) архангелогородскимъ купцомъ А. Фоминымъ, на основаніи свѣденій промышленниковъ. Это — опытъ сѣверно-морской фауны или зоологіи. Авторъ, купецъ, въ предисловіи скромно говоритъ о своемъ трудѣ и объ источникахъ, изъ какихъ онъ почерпалъ зоологическія свѣденія: „сіе описаніе хотя къ моему дѣлу и не весьма принадлежитъ, но оно показываетъ безсмѣтность твореній, въ одной части океана обитающихъ. Изъ упоминаемыхъ здѣсь морскихъ жителей нѣкоторые подлежатъ къ настоящему описанію, по поводу ихъ промысловъ, производимыхъ архангелогородской губерніи жителями въ Бѣломъ морѣ, въ Сѣверномъ и Ледовитомъ океанѣ, около Шпицбергена, Новой земли и лежащихъ между ними мѣстахъ. Весьма бы приличествовало здѣсь изобразить естественную исторію

¹⁾ Воронеж. губ. стр. 82—86.

²⁾ Миддендорфа, Путешествіе по Сибири. ч. I, отд. IV, стр. 666—669.

ихъ въ совершенномъ видѣ, которая бы достойна была любопытства для большой части моихъ соотечественниковъ. Но честь сочиненія такого естествословія предоставлена мужамъ ученымъ, познаніе сіе расширяющимъ. Чтожь до меня принадлежитъ, то долженъ признаться, что я не приготовленъ шествовать ученою дорогою. Слѣдовательно, не будучи въ состояніи разсматривать физическимъ окомъ принадлежащихъ къ моему описанію животныхъ, довольствовался я рассказываньями въ многократныхъ пріемахъ самихъ промышленниковъ. Надлежало раздроблять ихъ сказанія, изъ смѣшанныхъ понятій проистекающія, приводить въ отдѣленные идеи и сдѣлать ихъ ясными. Сіе было мнѣ нетрудно. Начитавшись Понтопиддана, г. Лудовика, Андерсена Поргдрагера, Бранца, также сокращеній изъ системы славнаго Линнея въ натуральномъ г. Гибнера словарѣ и проч., могъ я спокойно отличить въ разсказахъ промышленниковъ дѣльное отъ несбыточнаго. Съ сими вспоможеніями отваживаюсь приступить къ описанію промышленяемыхъ здѣсь звѣрей и рыбъ.“ Несмотря на это скромное сознаніе автора-купца о своемъ трудѣ, — „Опытъ“ его все-таки представляетъ добытое трудами и опытами промышленниковъ естественно-научное, зоологическое описаніе, такъ что академикъ Лепехинъ нашелъ достойнымъ или необходимымъ цѣликомъ напечатать его въ своемъ путешествіи, какъ весьма дѣльный научно-зоологическій матеріалъ. Авторъ этого „опыта“, какъ видно изъ предисловія его, вообще проникнутъ былъ глубокою любовію къ природѣ или, какъ онъ выражается, къ естеству, и имѣлъ ясное сознаніе необходимости естествознанія или, по его выраженію, естествословія ¹⁾. Въ Сибири простые промышленные и служилые люди открывали драгоцѣнные для геологіи ископаемые остатки мамонтовъ и носороговъ, находили разныя зоологическія рѣдкости, открывали и, прежде ученыхъ зоологовъ, наглядно узнавали новые,

¹⁾ Лепехина, путешествіи въ 1772 г. Спб. 1805 г. ч. IV, стр. 305—370. Точно также въ 1787 г. архангелогорскій *мыщанинъ* Петръ Звягинъ собиравъ академику Лепехину «извѣстіе о рыболовствѣ бѣломорскихъ сельдей.» *ibid.* стр. 425.

рѣдкіе виды или разновидности животныхъ. Такъ, наприм., въ 1767 году, по свидѣтельству одного документа 2 янв. 1768 года, „въ камчатскую большерѣцкую канцелярію присланы были при рапортѣ отъ посланнаго за ясащнымъ сборомъ казачьяго сотника Ивана Чернаго найденныя имъ на первомъ Курильскомъ острову выкидныя изъ моря, куріознаго роду: одна рыба о двухъ ногахъ съ хвостомъ, и при томъ два ея яйца, изъ коихъ зарождается такая рыба, да птица чайка бѣлая, коя хожденіе имѣетъ ногами, способствуя крыльями, и во время плода оборону имѣетъ хвостомъ и на людей мечется, а гнѣздо она свиваетъ близъ моря на берегу, изъ которыхъ-де куріозныхъ вещей яйца тамъ оказались зародышки, но по растаяніи оныхъ сдѣлались ни на что негодными, за тѣмъ-де къ посылкѣ въ иркутскую губернскую канцелярію и оставлены, а рыба, по высушеніи, для пересылки въ ту губернскую канцелярію, отправлена въ Охотскъ съ казакомъ нижняго острогу Ефимомъ Сысоевымъ“. Вслѣдствіе этого извѣстія, иркутскою губернскою канцеляріею, по высочайшему указу, посланъ былъ 2 янв. 1768 г. приказъ въ камчатскую большерѣцкую канцелярію, которымъ „велѣно и означенную птицу чайку, если она въ отмѣнной куріозности находится, то съ описаніемъ всего того, отправить сюда, при случившейся оказіи, при репортѣ незабытно.“¹⁾ Далѣе, простые химическіе опыты, работы и производства крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ невольно вели ихъ къ нѣкоторымъ научнымъ химическимъ выводамъ и знаніямъ. Такъ около 1700 г. архангельскій купецъ, самоучка, химикъ или техникъ А. Ф., на основаніи крестьянскихъ и вообще простонародныхъ, непосредственно-рабочихъ химическихъ выводовъ и свѣденій, составилъ „Описаніе о производимыхъ въ архангелогородской губерніи промыслахъ, о промыслѣ терпентинномъ, о куреніи смольномъ и дегтярномъ, также о терпентинномъ маслѣ и пѣкѣ“ — сочиненіе, также напечатанное въ путешествіи Лепехина. Авторъ, купецъ, какъ видно, практически, мало по малу выработалъ кое-какія химическія знанія, и самъ, въ компаніи съ другими купцами, производилъ опыты производства раз-

¹⁾ Иркутск. губери. Вѣдом. г. № 1 іюля.

ныхъ другихъ химическихъ продуктовъ, наприм. масла изъ бересты и пр. Сообщая простыя, рабоче-опытные крестьянскіе и вообще простонародные химическіе опыты и знанія, авторъ - купецъ въ заключеніе съ скромнымъ сознаніемъ, говоритъ: „поелику сіи описанія изъ крестьянскихъ и простонародныхъ извѣстій составлены, также примѣчанія и опыты основаны на понятіяхъ, въ книжномъ чтеніи почерпнутыхъ, и по причинѣ упущеннаго времени при моемъ воспитаніи ни малѣйшимъ наставленіемъ въ системы неприведенныхъ, то и не могутъ они заслуживать вниманія господъ ученыхъ, кромѣ тѣхъ, кои, упражняясь въ химіи, возжелаютъ взять изъ нихъ поводъ къ опытамъ, могущимъ привести ихъ въ совершенство. Но мое намѣреніе было и есть служить или моей собратіи российскому купечеству, для возбужденія и поощренія, чтобъ и они не упускали изъ виду возможныхъ неученымъ людямъ разсужденій, на общихъ о естествѣ понятіяхъ основанныхъ. Онѣя рождая и производя общія физическія положенія, во многихъ случаяхъ могутъ подать руководство извлекать изъ безчисленныхъ российскихъ продуктовъ новыя отрасли торговли, въ собственную каждого и въ общую отечества нашего пользу“ ¹⁾. И до позднѣйшаго времени, практическія работы простонародныхъ рабочихъ на химическихъ заводахъ, въ производствѣ химическихъ продуктовъ и красильныхъ

¹⁾ Путешеств. Лепехина ч. IV, стр. 432 — 457. Изъ химико-промышленнаго описанія купца А. Ф. видимъ, между прочимъ, какъ русскіе, поморскіе промышленники склонны были къ усвоенію тѣхъ европейскихъ практическихъ знаній, необходимость которыхъ существенно вытекала и изъ ихъ работъ и промысловъ, изъ «ихъ опытами приобрѣтеннаго искусства». Наприм. онъ говоритъ о терпентинномъ промыслѣ: «сей промыселъ введенъ въ Россіи съ 1780 года: англичане, имѣвшіе тогда затрудненіе въ полученіи бостонскаго терпентина, подали къ тому причину, приславъ одного купца именемъ Жорже Бойсъ изъ Гула, участника фабрики, на которой дѣлаются металлическіе лакированные товары. Онъ когда нашель здѣсь желаемое, возбудилъ вступитъ съ собою и своими англійскими товарищами въ общество нѣкоторыхъ здѣсь торгующихъ купцовъ, въ числѣ коихъ былъ и описатель сего, который имѣетъ честь хвалиться тѣмъ, что соучаствовать въ приобрѣтеніи для своего отечества новой торговой отрасли. Сей опытъ начать въ Вельскомъ округѣ вологодскаго намѣстничества, а нынѣ распространился уже по Шенкурскому уѣзду Архангельской губерніи. Теперь и мужики научились производить терпентинъ, увиди, что работу эту могутъ исправлять». Ibid. 458.

веществъ, невольно вводили ихъ въ область науки химіи. Образовался даже изъ простонародныхъ рабочихъ цѣлый классъ особыхъ эмпириковъ-химиковъ, такъ называемыхъ мелкихъ заводчиковъ „кустарниковъ“. „Учредилось, — говоритъ Тенгоборскій, — очень много мелкихъ химическихъ заводовъ подъ управленіемъ эмпириковъ, выпедшихъ изъ нисшаго класса народонаселенія и обладавшихъ нѣкоторыми поверхностными химическими свѣденіями, собранными на удачу въ лабораторіяхъ, на которыхъ люди эти были простыми работниками“ ¹⁾. Конечно, безъ раціональнаго руководства науки, безъ систематическаго изученія раціональной химіи, простыя, непосредственно-опытныя химическія знанія этихъ простонародныхъ рабочихъ эмпириковъ были крайне недостаточны и поверхностны, — но все-таки и они доказываютъ ту истину, что всякая работа, занимающаяся физическими предметами и неизбѣжно сопряженная съ непосредственной работой и проявленіемъ физическихъ силъ, близко граничитъ съ тѣми или другими физическими науками, сама собою невольно ведетъ къ нимъ, что, въ частности, работа химическая необходимо ведетъ въ область науки — химіи. Если же работа сама собою непосредственно не сообщала рабочему народу прямыхъ и точныхъ реальныхъ знаній, не вводила прямо и вполне въ область естествознанія, то она иногда невольно наводила его на сознаніе необходимости этихъ естественныхъ, химико-физическихъ, ботаническихъ и другихъ знаній, невольно возбуждала, развивала и обусловливала потребность естествознанія, хоть въ ограниченной мѣрѣ примѣненія къ промышленнымъ работамъ. Такимъ образомъ, крестьяне сами собою приходили къ сознанію важности ботаническихъ знаній и, въ частности, медицинской ботаники. Лепехинъ говоритъ: „крестьяне, увидя насъ по полямъ собирающихъ травы, бранили себя, что они не стараются о знаніи полезныхъ растений, и жаловались, что имъ не отъ кого употребленію ихъ научиться“ ²⁾. Вообще же, такъ какъ каждая работа, возведенная въ индуктивно-теоретическую систему раціональнаго ра-

¹⁾ Тенгобор. о производ. силахъ Россіи, ч. II, Отд. 2, стр. 397.

²⁾ Путеш. Лепех. Спб. 1795 г. Ч. I, стр. 101.

бочаго опыта и знанія, въ логическое всестороннее отвлеченіе и обобщеніе рациональныхъ началъ механическихъ или техническихъ приемовъ, способовъ и процессовъ работы, становится наукой, то, естественно, каждая работа необходимо предполагаетъ свойственную, среднюю, подходящую къ ней науку или даже цѣлую совокупность наукъ. Поэтому, даже въ древней Россіи, если, съ одной стороны, вслѣдствіе преобладанія познавательной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ и неразвитости научно-теоретическаго мышленія, рабочему народу и неизвѣстны, чужды были научныя обобщенія и теоріи, — то все-таки ему не были чужды элементарно-эмпирическіе, непосредственно-опытные, практически-реальные выводы и знанія. Въ своей вѣковой работѣ народъ невольно вырабатывалъ свой *учебъ*, свои практическія науки или *ученья*, хотя и недалекія, но все-же возвышавшія его надъ умственнымъ уровнемъ хоть сосѣдственныхъ азійскихъ народовъ финскихъ, монгольскихъ и тюрко-татарскихъ. „Какая это была наука? говоритъ г. Лешковъ: сельское хозяйство, начала, образующіяся въ мастерскихъ, правила, вытекающія изъ познанія торговыхъ оборотовъ. Это науки опытныя, составляющіяся изъ опытовъ, или извлеченныя изъ опытовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ каждой мѣстности познаніе земли, вліянія воздуха или атмосферы, постоянно было присуще всему населенію мѣстности, или сельской общинѣ: такъ наприм. удобреніе полей, въ Важенскомъ округѣ въ XVIII в. мхомъ, доказываетъ, что жители знали свойство почвы, требовавшей торфянаго удобренія, и знали свойство сосѣднаго торфа, который могъ усилить производительность ихъ почвы. Не всякій торфъ для всякой почвы. Равно какъ познаніе извѣстныхъ приемовъ, обращеніе съ матеріалами, составленіе красокъ, употребленіе орудій, или познаніе нуждъ по разнымъ мѣстностямъ для образованія торговыхъ оборотовъ, — все это было присуще всѣмъ промышленнымъ классамъ. Чего-же не было? Общаго, теоретическаго обобщенія, которое бы построило изъ тѣхъ или другихъ данныхъ систему русскаго сельскаго хозяйства, русской технологіи, русской торговли. Этого не было, — но такая теорія требуетъ, для своей дѣятельности, много образованія, которое не у всѣхъ предпола-

гается даже въ наше время“ ¹⁾. На заводахъ наприм. поташныхъ, смоляныхъ, кирпичныхъ и желѣзныхъ, какіе уже устраивались въ XVII в., рабочій народъ, при руководствѣ иностранцевъ, невольно вырабатывалъ кое-какія элементарныя техническія или химико-физическія понятія ²⁾. При аптекахъ, какія тоже заводились уже въ XVII вѣкѣ, и при которыхъ находились иноземные, европейскіе „доктора, аптекари, алхимики и лекаря“, были даже между рабочими особые русскіе ученики, которые изучали тамъ тогдашнюю медицину и медицинскую химію и ботанику ³⁾. При аптекахъ же, какъ видно изъ актовъ, были особые огороды, гдѣ разводились лекарственныя растенія, и при нихъ такъ называемые въ актахъ „огородные работники“ невольно приобрѣтали кое-какія медицинско-ботаническія знанія ⁴⁾. Далѣе, въ странѣ, гдѣ солнце мало работаетъ за людей, и въ то же время является главнымъ условіемъ земледѣльческихъ работъ, гдѣ важна продолжительность рабочаго дня и лѣтней солнечной теплоты, — въ такой странѣ естественно желать опытныхъ отмѣтокъ постепенной убыли и прибыли дней и постепеннаго измѣненія въ положеніи земли относительно солнца. И вотъ, въ одной древней рукописи мы находимъ такія практическія мѣсяцесловныя отмѣтки годоваго астрономическаго или геліоцентрическаго цикла дней. Далѣе, торговые счета и неизбѣжность, необходимость торговаго счетоводства и разныхъ измѣреній, исчисленій и взвѣшиваній въ различныхъ мастерствахъ, какимъ русскіе уже начинали въ XVII в., учиться у пѣмцевъ, — требовали изученія ариметики. И въ XVII в., не даромъ въ переводѣ русскомъ уже появлялись ариметики, подъ заглавіемъ: „книга глаголемая ариметика или цифирная счетная мудрость.“ „По той мудрости, — говорится въ этихъ ариметикахъ, — гости по государствамъ торгуютъ и во всякихъ товарахъ и торгахъ силу знаютъ и во всякихъ вѣсахъ и въ мѣрахъ и въ земскомъ верстаніи“. Содержаніе этихъ руководствъ было самое разнообразное;

1) Лешковъ, 409—410.

2) Доп. VI, №№ 3, 5, 18, 78 и 104; т. V, №№ 9, 77 и 85.

3) Доп. VIII, № 4; т. VI, №№ 50, 53, 94 и 111.

4) Доп. VIII, стр. 22—23.

оно заключало въ себѣ не только ариметику, но и геометрію, астрономію и товаровѣдѣніе“. Изъ этихъ ариметикъ видно также, что и русскія, практическія торговопромышленныя знанія имѣли отчасти влияние на составъ этихъ ариметикъ. Наконецъ, промышленныя и ремесленныя работы вели къ зачаткамъ кое-какихъ промышленно-ремесленныхъ *учебовъ* или *ученій*. Были наприм. *учебъ* серебряному дѣлу, *ученье* каменному дѣлу, *ученье* земледѣльству, *ученье* часовому дѣлу и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти зачаточныя знанія, пріобрѣтаемыя долговременнымъ и труднымъ опытомъ, путями случайными и окольными, были крайне отрывочны и бѣдны, но все-же они пролагали хоть какую нибудь тропинку къ дальнѣйшему умственному прогрессу. Народъ шелъ ощупью изъ непроглядной тьмы къ свѣту, окруженный со всѣхъ сторонъ бѣдностію, тяжелыми налогами и всевозможными препятствіями, при убійственномъ равнодушіи къ его интеллектуальному развитію барства, при эксплуатаціи его предразсудковъ и темныхъ суевѣрій, — наконецъ, при его постоянной и напряженной мускульной борьбѣ съ физическими преградами. Сообразивъ все это, удивляешься не тому, какъ онъ медленно развивался, а тому, какъ онъ еще могъ кое-какъ развиваться. Цѣлые вѣка и сотни поколѣній терпѣливаго, выносливаго и энергическаго народа были потрачены исключительно на обезпеченіе своего матеріальнаго существованія, къ которому онъ стремился безъ знанія, безъ руководства и даже безъ всякаго предчувствія великихъ результатовъ научнаго образованія. И все-таки въ этомъ темномъ, забитомъ и загнанномъ народѣ нашлось столько энергіи и ума, чтобы открыть себѣ выходъ къ свѣту и прогрессу. Въ то же время мы видѣли ясно, какого направленія держался народъ въ развитіи своихъ умственныхъ способностей. Онъ всегда былъ и навсегда останется реалистомъ по преимуществу. Естествознаніе и положительная наука для него были первыми руководителями на первыхъ его шагахъ къ образованію. И кто хочетъ навязать ему схоластическія, классическія, эстетическія и тому подобныя мертвыя знанія, тотъ, значитъ, не понимаетъ ни его исторіи, ни его настоящихъ нуждъ и потребностей.

А. Щаповъ.

НА РАЗСВѢТѢ.

РОМАНЪ

Э. Шатріана.

I.

Событія, въ концѣ прошлаго вѣка, измѣнившія исторію Франціи, были, предметомъ множества сочиненій, написанныхъ людьми умными, учеными, разсматривавшими вопросъ съ высшихъ точекъ зрѣнія. Разсказъ же безыскусственнаго, написаннаго просто и толково, признаюсь, мнѣ не пришлось еще встрѣтить. Я, старый крестьянинъ, и хочу посмотреть на эти знаменательныя событія съ своей крестьянской точки зрѣнія. Свои собственныя дѣла и наблюденія лежатъ ближе къ сердцу, и я намѣренъ сообщить все, что видѣлъ, слышалъ и отчасти самъ испыталъ.

Къ округу города Пфальцбурга, до революціи, было приписано пять деревень: Вильшбергъ, Миттельброннъ, Лютцельбургъ, Гюльтенгаузенъ и Газельбургъ; жители города Пфальцбурга и деревень Вильшберга и Газельбурга были люди свободные; въ прочихъ же деревняхъ, какъ мужчины такъ и женщины, находились въ крѣпостной зависимости и не смѣли отлучаться изъ округа безъ позволенія судьи.

Судья рѣшалъ дѣла въ общинномъ домѣ; онъ имѣлъ право суда надъ лицами и вещами; онъ носилъ шпагу, и даже могъ приговорить къ висѣлицѣ.

Вздыхая замѣтилъ другой ему:—«Нѣтъ!
Семью я имѣю...» А первый въ отвѣтъ:
— Ну, я одинокъ, значитъ выборъ простой.
Прощай же, пріятель! Госнодь надъ тобой!
Промолвилъ и жертвенной смертью погибъ...
Въ грязи онъ о камни свой черепъ разшибъ,
Про имя его не справлялись вокругъ,—
Но это былъ честный и преданный другъ!

А. Михайловъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАГО РАЗ- ВИТІЯ ВЪ РОССІИ.

II.

Изъ предъидущихъ нашихъ статей читатель могъ видѣть, что въ умственномъ развитіи русскаго народа главную историческую роль играло численное преобладаніе рабочаго класса надъ интеллектуальнымъ и непосредственно-натуральное развитіе надъ теоретическимъ. Възвѣсимъ силу самыхъ фактовъ, подтверждающихъ наше мнѣніе.

Вѣковая физическая работа народа въ непосредственной сферѣ природы, вслѣдствіе естественной реальности и физическаго значенія своего, не только естественно вела и ведетъ рабочій народъ къ реально-умственному развитію, но и развивала и развиваетъ въ немъ преимущественно такіе интеллектуальные органы, которые являются существенными рабочими силами въ опытномъ естествознаніи. Эта вѣковая работа преимущественно развивала въ народѣ органы внѣшнихъ чувствъ, въ особенности реально-познавательную дѣятельность зрѣнія, слуха и осязанія и память зрительную, слуховую и осязательную. Вслѣдствіе этого рабочій народъ, путемъ своей вѣковой физической работы — колонизаціонной, земско-строительной и естественно-промышленной, копилъ отдѣльныя, элементарно-конкретныя впечатлѣнія, представленія и знанія, какія вырабатывались и пріобрѣтались чувствами изъ непосредственно-натуральныхъ наблюденій. И этотъ первоначальный, элементарно-конкретный матеріалъ непосредственно-эмпирическаго міросозерцанія-выразился, въ высшей степени, въ реальномъ

или природо-изобразительномъ содержаніи и составѣ народнаго языка и особенно словаря великорусскихъ областныхъ нарѣчій, въ цѣломъ кодексѣ народныхъ физическихъ примѣтъ, большею частію суетвѣрныхъ, но частію и разумныхъ, въ своеобразныхъ сенсуально-эмпирическихъ представленіяхъ и понятіяхъ народной физики, метеорологіи, астрономіи, ботаники, зоологіи, географіи и проч., и, наконецъ, частію въ немногихъ простонародныхъ описаніяхъ—зоологическихъ, географическихъ и т. п.

Вслѣдствіе этого исключительнаго воспитанія и умственнаго развитія народа въ практической школѣ природы, вслѣдствіе постоянной дѣятельности вѣншихъ чувствъ, теоретическому мышленію были отведены самыя тѣсныя границы. Сенсуальная логика народной мысли была преобладающимъ элементомъ въ нашемъ умственномъ міросозерцаніи. Какъ физическія, мускулярныя силы народа природа вызывала на работу земскаго строенія, на физико-географическое, колонизаціонное движеніе и разработку русской земли изъ подъ черныхъ дикихъ лѣсовъ, такъ и эти интеллектуально-рабочія силы народа—вѣшнія чувства и сенсуальную память—природа вызывала на такую-же умственно-рабочую дѣятельность, на непосредственно-чувственное познаніе всѣхъ встрѣчавшихся на пути колонизаціи и земскаго строенія физико-топографическихъ, зоологическихъ и другихъ реальныхъ подробностей и особенностей, на познаніе чувствами и памятью всѣхъ путей и ухажаевъ коло, низаціи, всѣхъ межевыхъ знаковъ, куда ходилъ топоръ, ходила коса и соха, вообще — на выработку непосредственно-натуральнаго опыта и знанія. Органы чувствъ, во время физической работы и непосредственно-физическаго, чувственно-рабочаго опыта и наблюденія въ сферѣ природы, копили первоначальныя, элементарно предметныя, непосредственно-реальныя впечатлѣнія и рождавшіяся изъ нихъ представленія и понятія, а память сохраняла ихъ; зрѣніе, слухъ, осязаніе и память зрительная, слуховая и осязательная были такимъ образомъ главными умственно-рабочими факторами этой примитивно-познавательной дѣятельности народа и его эмпирическаго мышленія. При господствѣ вѣншихъ чувствъ надъ мыслящимъ и познающимъ разумомъ, вмѣсто идей и теорій чистаго разума, вмѣсто научно-философскаго мышленія, развивался по преимуществу грубый физическій эмпиризмъ. Природу, за темными, дремучими лѣсами и водами, народъ познавалъ, на пути своего колонизаціоннаго распространенія, только въ тѣхъ предѣлахъ, «куда ходилъ топоръ, ходилъ плугъ, ходила коса или бортная кжель», или на водахъ—

«идѣже обычай имѣли приставати»,—слѣдовательно, въ предѣлахъ чувственной видимости, наглядности и осязаемости. При неразвитости теоретическаго мышленія и при господствѣ познавательной восприимчивости чувствъ, умъ народный обогащался только непосредственно-чувственными, предметными впечатлѣніями, но неспособенъ былъ развивать никакихъ сложныхъ обобщеній, отвлеченныхъ понятій, теорій, идей. На пути вѣковой сѣверо-восточной колонизаціи, на пути непосредственно-очныхъ *досмотровъ* и *дозоровъ* земель и лѣсовъ, гдѣ, по характеристическому выраженію актовъ, былъ только *назnamenанъ топоръ*,—ему бросались въ глаза и шли на умъ только такія непосредственно-чувственные физическія примѣты, какъ межи и межевые знаки—троевиловыя дубы, пни, березы суковатыя, «ямы, да овраги» и т. п. Полнымъ выраженіемъ такого чувственно-эмпирическаго мышленія и проявленія зрѣнія, слуха и памяти зрительной, слуховой и осязательной служатъ, между прочимъ, такъ называемыя, въ актахъ юридическихъ, межевыя записи, *дозорныя книги*, *досмотровыя записки*. А въ нихъ вотъ какія, напримѣръ, примѣты и представленія сообщали уму органы зрѣнія и осязанія и память зрительная, слуховая и осязательная: «Отъ Осиновскія пустыни Баева,—читаемъ, напримѣръ, въ межевой записи 1631 года,—въ оврагѣ стоитъ дубъ, отъ земли голенастъ, къ верху суковатъ, а на немъ грань; а отъ того дуба на столбъ дубовой, а на немъ двѣ грани, а у столба двѣ ямы, а столбъ стоитъ противъ горѣлаго пня, на которомъ были старыя грани, а отъ того столба долинною водотечью внизъ на столбъ дубовой, а на немъ двѣ грани; а отъ того столба внизъ же вражкомъ суходоломъ на столбъ дубовой, а на немъ двѣ грани, а столбъ стоитъ на водотечи, а отъ того столба прямо къ болоту на березовый пенъ, а на немъ двѣ грани старыя; а отъ того столба въ болото жъ на иву, вверху суковата, безъ верху, поклепа на всходъ, а на ней двѣ грани; а отъ той ивы черезъ болото на березу кудреватую, а отъ той березы въ путь тѣмъ же вражкомъ суходоломъ водотечью на березу, отъ земли голенаста, вверху кудревата, поклепа на полдень, а отъ того столба черезъ болото къ полю на березу, отъ земли голенаста, виловата, а отъ того столба къ черному лѣсу на дубъ, отъ земли голенастъ, съ дѣлью, вверху кудреватъ, а отъ того столба береза стоитъ у ивова куста, а на немъ новыя грани по обѣ стороны, а по сказкѣ старожильцовъ, была-де въ ивовомъ кустѣ осина, а на ней были старыя грани, и ту-де осину вырубилъ деревни Юрьевки крестьянинъ Борко». Точно так-

же географію, и вообще природу русской земли не умѣли иначе описывать, какъ только по самымъ виднымъ и осязательнымъ физико-географическимъ признакамъ—по рѣкамъ, волокамъ, озерамъ, лѣсамъ и т. п. урочищамъ;—по мѣрѣ того, какъ плыли, такъ сказать, ощупью отъ устья одной рѣки до устья другой, и видѣли, гдѣ какая рѣка и послѣ какой пала въ другую рѣку и т. д. Кромѣ устьевъ рѣкъ, луковъ или прилукъ, волоковъ и т. п. ничего другого не видѣли и не замѣчали. О высшихъ теоретическихъ соображеніяхъ и выводахъ не догадывались и не мыслили. И всѣ эти топографическія или географическія описанія, какъ опыты первоначальнаго, непосредственно-чувственного познанія земли, вызывавшіяся исключительно практическими, рабоче-промышленными и колонизаціонными цѣлями, производившіяся ощупью или, по выраженію актовъ, *дозорами* и *досмотрами*, и по *слухамъ* или *поиманью языковъ*, напримѣръ въ Сибири,—были ничто иное, какъ только чувственно-наглядныя копіи или чертежи каждаго шага по волокамъ, каждаго пути и ухоя, или каждаго плаванья отъ устья одной рѣки до устья другой, съ обозначеніемъ иногда самыхъ дней пути и проч. Такъ составлены были, въ концѣ XVII вѣка: «Книга большаго чертежа», въ 1667 г. «Чертежъ сибирской земли» «Чертежная книга Ремезова — боярскаго сына Тобольскаго города» ¹⁾. Также составлялись и всѣ мѣстные чертежи и росписи сибирскихъ земель и рѣкъ, а также всѣ *дозорныя* и *писцовыя книги*, *досмотровныя записки* и т. п. Органъ зрѣнія былъ главнымъ органомъ народнаго міросозерцанія. И здѣсь, въ сферѣ зрѣнія, что при работахъ и промыслахъ народныхъ наиболѣе доступно было непосредственному зрѣнію и зрительному наблюденію народа, то онъ и познавалъ лучше, подробнѣе и точнѣе. Непосредственно-натуральныя, зрительныя наблюденія промышленныхъ людей, въ наиболѣе подлежащей чувствамъ сферѣ природы, напр. зоологической, растительной, топографической и т. п., по реально-эмпирической точности и фактичности своей, иногда возвышались даже до степени естественно-научнаго достоинства ²⁾. Таковъ, наприм., напечатанный въ путешествіи академика Лепехина естественно-ис-

¹⁾ Книга большаго чертежа, изд. 1838 г. Времен. 1849 г. Ч. III: списокъ съ Чертежа сибирской земли.

²⁾ Болѣе подробныя доказательства этого читатель найдетъ въ дальнѣйшей главѣ о физико-географическихъ и этнологическихъ условіяхъ интеллектуальнаго развитія русскаго народа.

торическій опытъ описанія морскихъ рыбъ и звѣрей—архангелогородскаго купца Фомина. При господствѣ познавательной наблюдательности органа зрѣнія и вообще внѣшнихъ чувствъ, простонародные писатели, самоучки-натуралисты, въ родѣ Фомина, описывая природу, больше обращали вниманіе на такія явленія которыя преимущественно дѣйствуютъ на чувства и, въ частности, на органъ зрѣн и слуха, и самую мѣру стествознанія опредѣляли пространственнымъ кругозоромъ или, по выраженію Фомина, *театромъ* органа зрѣнія. Тотъ же Фомина, о своихъ соотечественникахъ поморскихъ промышленникахъ,—замѣчаетъ, что мыслительныя способности ихъ не развиты настолько, чтобы анализировать идеи; и что они однимъ органомъ зрѣнія перенимаютъ то или другое; «открываюсь беззаворно, — говоритъ онъ, — что *понятія ихъ не приважены* еще ни малымъ просвѣщеніемъ къ *отдѣленію идей*, и что они *одними глазами пріобрѣтаютъ переимчивость*» ¹⁾. И взглядъ самого самоучки-натуралиста Фомина не превышалъ непосредственной сферы чувствъ, и характеризуется чувственно-образнымъ воззрѣніемъ. Напримѣръ, во введеніи къ своему зоологическому опыту, онъ такъ очерчиваетъ естественно-историческій кругозоръ, насколько онъ могъ его обнимать: «Нѣтъ еще толь изобилующаго понятіями разума, ниже толь изощреннаго ученіемъ и опытами пера, которыя бы могли познать и описать всѣхъ, подверженныхъ человѣческимъ *чувствамъ* животныхъ. Если не могли еще быть *обозрѣны* всѣ *неземныя и воздушныя удобновидимыя* животныя, *закрываемаыя* то пустотою пространныхъ степей, то непроницаемостью отдаленныхъ лѣсовъ, то дикостью населяющихъ поверхность земли народовъ; такъ что же скажемъ о *наѣкомыхъ, малозримыхъ* и почти *невидимыхъ* тварехъ, стройными тѣлами одаренныхъ... Море, занимающее двѣ трети поверхности земнаго шара и населенное безчисленными родами животныхъ, болѣе всего не допускаетъ *испытливыхъ очесъ* къ открытію своей бездны, наполненной удивительно оныхъ *недовѣдомостію*... Возьмемъ въ примѣръ сей необъятности безчисленнаго множества морскихъ животныхъ слѣдующее начертаніе, которое разказываютъ *очевидцы* и дополняютъ описатели. Походъ сельдей представляетъ человѣческому *зору* огромное, величественное и *преузорочное зрѣлище*, лицами тмочисленныхъ разнородныхъ животныхъ дѣйствующаго Естества. *Зрители*, съ высочайшихъ корабельныхъ мачтъ, не могутъ, *вооруженнымъ оптическими пособіями*

¹⁾ Путешеств. Лепехина. Спб. Изд. 1803 г. Ч. IV, стр. 362.

окомъ, достигнуть предѣловъ сребровиднымъ сельдянымъ блестящюю покрытой поверхности моря». Наглядно, реально-изобразительно описавши дальше послѣдовательный ходъ сельдей и массы различныхъ морскихъ животныхъ, какъ онѣ представлялись непосредственно-чувственному созерцанію, Фоминъ, и за тѣмъ, также преимущественно непосредственно-чувственнымъ представленіемъ, схватываетъ и обрисовываетъ такія впечатлѣнія морской природы, которыя болѣе всего дѣйствовали на зрѣніе и слухъ. «При такомъ смятеніи водной стихіи, — продолжаетъ онъ, — увеличиваютъ представленіе сего зрѣлища, со стороны атмосферы, тучи морскихъ птицъ, весь сельдяной походъ покрывающихъ. Онѣ, плавая по воздуху и на водѣ, или ходя по густотѣ сихъ рыбъ, безпрестанно ихъ пожираютъ, и между тѣмъ, разногласнымъ своимъ крикомъ, провозглашаютъ торжественность сего похода. Сверхъ сего множества видимыхъ въ воздухѣ птицъ, сгущается оный водяными столпами, кои киты, изъ отдушину своихъ безпрестанно выпрыскиваютъ до знатной высоты, дѣлаютъ сей воздухъ, по причинѣ раздробленія сихъ огромныхъ водометовъ и преломленія въ нихъ солнечныхъ лучей, радужно-блестящимъ и дымящимся, а совокупно отъ усиленнаго шипѣнія и обратнаго сихъ водоизверженій на поверхность моря паденія буйно-шумящимъ. Стенаніе китовъ, нестерпимымъ терзаніемъ отъ ихъ мучителей имъ причиняемое, подобное подземному томному, но весьма слышному реву, также звуки ударенія хвостовъ о поверхность моря, сими животными отъ остервенѣнія производимые, представляютъ сіи шумы страшными и воздухъ въ колебаніе приводящими. Сей величественный сельдяной походъ, каковымъ его вообразить возможно, представляетъ напротивъ того страшный театръ поглощенія, пожрѣнія и мученія, на которомъ несмѣтнымъ множествомъ и болѣе всѣхъ сельди истребляются» и проч. ¹⁾ Далѣе Фоминъ, подъ руководствомъ Линнея и другихъ натуралистовъ, весьма обстоятельно изображаетъ анатомическое строеніе морскихъ рыбъ и звѣрей, и опять настолько, насколько дали ему, для этого фактическаго матеріала, наглядно-опытныя наблюденія и свѣденія поморскихъ промышленниковъ. Такъ, въ сферѣ непосредственно-зрительнаго наблюденія, въ той области природы, гдѣ было наиболѣе доступна естественному зрѣнію, и простые рабочіе промышленные люди могли вырабатывать простымъ, невоо-

¹⁾ Путеш. Лепехина, ч. IV, стр. 304—308.

руженнымъ органомъ зрѣнія довольно подробныя и весьма точныя естественно-научныя знанія. Но какъ только что нибудь превышало естественную силу зрѣнія, выходило за предѣлы зрительнаго кругозора,—все то было уже неприступно и для умосозерпанія народнаго, покрыто было для него совершеннымъ мракомъ неизвѣстности, и потому крайне скудно выразилось въ самомъ языкѣ народномъ. Такъ, звѣздное небо неизмѣримо превышало кругозоръ народнаго зрѣнія; потому-то изъ 20,374,000 звѣздъ на цѣломъ небѣ, численныхъ телескопическимъ зрѣніемъ Струве, изъ 18 милліоновъ звѣздъ, видимыхъ въ 40-футовый зеркальный телескопъ въ одномъ только Млечномъ пути,—видимыхъ простыми глазами звѣздъ, на цѣломъ небѣ, насчитываютъ отъ 500—580 ¹⁾. Но и изъ этого числа видимыхъ простымъ глазомъ звѣздъ глазъ русскаго народа усмотрѣлъ и обозначилъ въ своемъ убогомъ звѣздномъ каталогѣ только звѣздъ 5 или 6, и то безъ всякой астрономической точности и опредѣлительности, даже не различая не только кучъ или группъ звѣздныхъ отъ составляющихъ ихъ звѣздъ но и такъ называемыхъ двойныхъ звѣздъ, или же принимая цѣлую группу звѣздъ за одну звѣзду. Въ частности, въ группѣ Плеядъ, представляющей, между прочимъ, доказательство того, что и для русскаго народа, такъ же какъ для древнихъ грековъ и римлянъ, звѣзды, причисляемыя астрономами къ 7-й величинѣ, оставались невидимыми для простаго глаза средней силы зрѣнія, — въ этой группѣ Плеядъ 6 звѣздъ древними народами видимы были простымъ глазомъ безъ труда, и въ томъ числѣ три звѣзды 5-й величины ²⁾. Но глазъ русскаго народа не подмѣтилъ и не обозначилъ и этихъ видимыхъ простымъ глазомъ отдѣльныхъ звѣздъ изъ многочисленной группы Плеядъ, состоящей изъ 9 извѣстныхъ звѣздъ отъ 3-й до 8-й величины и многихъ весьма малыхъ телескопическихъ звѣздъ: онъ всѣ ихъ изстари называлъ и доселѣ называетъ однимъ неопредѣленнымъ словомъ: въ одномъ мѣстѣ — *кучками* или *стожаромъ*, въ другомъ — *утичьимъ иньдомъ*, въ третьемъ — *ключами петровыми*, да составилъ о созвѣздіи плеядъ примѣту: «коли звѣздисто и стожаръ (плеяды), иди на медвѣ-

¹⁾ Космосъ Гумбольдта, ч. III, стр. 125, 133.

²⁾ Именно, древними видимы были безъ труда простымъ глазомъ: одна звѣзда 3 й величины Альціона, двѣ звѣзды 4-й величины — Электра и Атласъ и три звѣзды 5-й величины—Меропа, Маіа и Тайгета, Космосъ, III, 55.

дей» ¹⁾. «Тамъ, говорить Гумбольдъ, гдѣ степи, травяные луга или песчанья пустыни представляютъ обширный горизонтъ, перемѣняющійся съ временами года, или съ потребностями пастушеской жизни и земледѣлія, восхождение и захожденіе созвѣздій становится предметомъ старательнаго наблюденія и мало по малу даже символическаго соединенія понятій. *Созерцательная*, неизмѣряющая астрономія начинается тогда болѣе развиваться» ²⁾. Такъ было у арабовъ въ аравійской пустынѣ. Но народъ русскій, не смотря на ярко-звѣздное сѣверное небо, раскинувшееся надъ широкой равниной русской земли, не смотря на воспѣваемые имъ въ пѣсняхъ степи камышинскія, астраханскія, царцынскія, новороссійскія и т. п., не смотря, наконецъ, на равнинный просторъ такихъ открытыхъ степей, какъ степь киргизская, барабинская или колыбанская и т. п. народъ русскій, работая въ древнія времена больше всего въ черныхъ дикихъ лѣсахъ, не имѣлъ досуга и привычки заглядываться на небо, какъ арабы, имѣвшіе даже обыкновеніе въ созерцаніи отдаленныхъ звѣздъ испытывать зрѣніе. Въ пустыняхъ полярныхъ, въ тундрахъ, наприм., туруханскихъ, гдѣ русскіе поселенцы или путешественники нерѣдко подвергаются галлюцинаціямъ такъ называемой «снѣжной слѣпоты» или «галлюцинаціи пустыни», — только тамъ русскіе пользуются или руководствуются звѣздами, какъ путеуказателями въ тундряныхъ пустыняхъ, примѣчая, напримѣръ, такъ называемую ими неподвижную *коль-звѣзду* и т. п. Да отъ пастушескихъ временъ или отъ пастушескихъ народовъ, народъ русскій наслѣдовалъ бессмысленное чувственно-образное представленіе звѣзднаго неба подъ образомъ «поля колыбанскаго, карагайскаго или сіянскаго, полного скота астраханскаго, монастырскаго или ивановскаго» и т. п. ³⁾ За то появленіе на небесномъ сводѣ, невиданныхъ прежде, новыхъ звѣздъ и кометъ всегда сильно дѣйствовало на зрѣніе народное, и въ старину всякій разъ обыкновенно записы-

¹⁾ Сборникъ примѣтъ и пословицъ рус. народа — Даля.

²⁾ Космосъ, ч. III, стр. 135.

³⁾ Таковы, наприм., въ сборникѣ Даля символическія изображенія небеснаго свода: велико поле колыбанское, много на немъ скота астраханскаго, одинъ пастухъ, какъ ягодка (небо, звѣзды, мѣсяцъ). Широко поле карагайское, на немъ много скота тараканскаго, одинъ пастухъ, ровно ягодка (тоже). Поле поливанское, много скота ивановскаго, одинъ пастырь и два яхонта (небо звѣзды, Богъ, луна съ солнцемъ). Есть поле сіянское, въ немъ много скота монастырскаго, одинъ пастухъ, словно ягодка (небо, звѣзды, мѣсяцъ). Сборн. послов. Даля, подъ словомъ *вселенная*, въ Чтен. общ. истор., стр. 1060.

валось въ лѣтописяхъ и хронографахъ. Въ особенности внезапное появленіе сильно мерцающихъ звѣздъ 1-й величины всегда возбуждало въ предкахъ нашихъ изумленіе, какъ необычайное, знаменательное событіе, совершающееся въ міровыхъ пространствахъ. Это изумленіе тѣмъ сильнѣе было, что новыя и необычныя звѣзды являлись не часто. Въ 5-ть съ половиною столѣтій, съ эпохи окончанія Альфонсовыхъ таблицъ, столь важной въ исторіи астрономіи, до временъ Вильяма Гершеля, отъ 1252 до 1800 года, насчитываютъ около 63 кометъ, а новыхъ звѣздъ только 9 ¹⁾. На Западѣ, при высокому развитіи естество-испытательнаго разума и математико-астрономическаго міросозерцанія, такое міровое событіе, какъ появленіе новой звѣзды, возбуждало не страхъ суевѣрный, а смѣлый пытливый духъ изслѣдованія, возбуждало энергическіе европейскіе умы къ новымъ обширнымъ астрономическимъ наблюденіямъ и соображеніямъ. Такъ, появленіе новой звѣзды въ 1572—1573 году, въ столь блистательную для астрономіи эпоху, въ вѣкъ Кеплера, де-Браге и Галилея, возбудило, по словамъ Гумбольдта, важнѣйшіе вопросы астрономіи. Тогда болѣе и болѣе начали признавать важность звѣздныхъ каталоговъ для удостовѣренія въ дѣйствительной новости вспыхнувшей звѣзды; начались изслѣдованія о періодичности, (т. е. новомъ появленіи въ теченіе многихъ столѣтій: даже де-Браге создалъ смѣлую теорію процессовъ образованія и происхожденія звѣздъ изъ міроваго тумана, которая много имѣетъ сходства съ теоріею великаго Вильяма Гершеля ²⁾. У насъ же подобныя необычныя для глаза явленія на звѣздномъ небѣ не только не возбуждали зрѣніе къ возможному для него точнѣйшему и подробнѣйшему разсматриванію звѣзднаго неба, но, при совершенной неразвитости теоретической, раціональной умозрительности или силы мышленія, и при естественной, органической узкости зрѣнія, порождали еще разные чувственные обманы и суевѣрныя гаданья ³⁾. Неясное зрѣніе (*vue indi-*

¹⁾ Въ XIII столѣтіи, въ теченіе 61 года, были видимы 3 новыя звѣзды, въ концѣ XVI и въ нач. XVII столѣтія, въ періодъ Тихо-де-Браге и Кеплера, 6 звѣздъ въ 37 лѣтъ. Космосъ III, 197.

²⁾ Космосъ III. 185.

³⁾ Астрономію, превышавшую чувственный кругозоръ народа, предки наши относили даже къ отреченнымъ и еретическимъ или волшебнымъ книгамъ: «а се мудрованія, ими же отводятъ отъ Бога и приводятъ бѣсамъ въ пагубу: первая книга Марголой, рекше острологъ, вторая — *острономія*... еще книги суть еретическія *Звѣздочетцы*» (Сборн. Солов. библ. № 860, л. 28)

stincte, по выраженію Араго), имѣющее многостороннія органическія причины, зависящія отъ сферической аберраціи глаза, отъ диффракціи при краяхъ зрачка или при рѣсницахъ и отъ раздражительности нервовъ, распространяющейся болѣе или менѣе значительно отъ возбужденнаго пункта сѣтчатой оболочки, — неясное зрѣніе еще болѣе увеличивало чувственный обманъ и ложныя воззрѣнія на новыя звѣзды. Отсюда происходило въ древней Россіи частое видѣніе *звѣздъ съ хвостомъ* или *звѣздныхъ хвостовъ*. Лѣтописцы и хронографы часто повѣствуютъ о явленіи звѣздъ хвостатыхъ или съ хвостомъ, или аки копіе и т. п. ¹⁾ И доселѣ простой народъ вѣритъ въ звѣзды съ хвостомъ, какъ въ предзнаменованія. Родоначальникъ скопческой секты Селивановъ говорилъ о себѣ: «когда народится сынъ Божій и приметъ крещеніе чистоты, въ то время явится *звѣзда съ хвостомъ*... И когда онъ облекся въ чистоту сына Божія, то дѣйствительно тогда же явилась на небѣ *звѣзда съ хвостомъ*, міръ тому не мало дивился» ²⁾. Наконецъ, полагаясь на одно зрѣніе, при неразвитости умственной, логической способности различенія, народъ въ своемъ міросозерцаніи и представленіи, астрономическія явленія смѣшивалъ съ метеорологическими или атмосферными, и потому даже одинаково называлъ и тѣ и другія, заимствуя образы отъ непосредственныхъ субъективныхъ ощущеній и впечатлѣній органа зрѣнія ³⁾. Точно также созерцаніе метеоровъ, при умозрительной неразвитости народа, не возбуждало въ немъ никакихъ научныхъ вопросовъ и соображеній, а только производило въ зрѣніи народа оптический чувственный обманъ, субъективныя и галлюцинаціонныя представленія и фантазмы органа зрѣнія, и, путемъ рефлексовъ, общее органическое ощущеніе страха, удивленія и т. п. Знако-

Олеарій говоритъ: «*астрономію* русскіе считаютъ волшебною наукою» (Архивъ 25). Астрономія вообще превышала естественный кругозоръ зрѣнія, и потому въ древней Россіи поучали: «высочайшаго себѣ — *небеснаго измѣренія* не ищи» (Сборн. Сол. библ. № 925, л. 66 — 68, также л. 25 — 26). «*Звѣздочетецъ и планетникъ и любяй геометрію*» причислялись къ еретикамъ (ibid. № 25 — 26).

1) См. полн. собр. лѣтоп. хроногр. Солов. библ. № 864.

2) Посланіе Селиванова въ Чтен. общ. истор. стр. 89.

3) Наприм., въ языкѣ народномъ выражаются смѣшанно и отъ одного корня происходятъ слова: *зарница* — планета Венера (нижег., оренб.), *заряница* — утренняя или вечерняя звѣзда (исков., твер., остав.) и *зарница* — отда- ленная молнія и т. п.

мья, непосредственно-передглазныя впечатлѣнія, зрѣніе народное переносило и въ сферу непонятныхъ для ума народнаго, необычайныхъ метеорическихъ явленій: въ нихъ народъ видѣлъ, наприим., человѣческія очи, голову, руки и т. п., и описывались они наглядно, глазомѣрно и чувственно-образными сравненіями, заимствованными отъ давно знакомыхъ чувствамъ предметовъ. Вотъ, наприимѣръ, описаніе метеора, появившагося въ бѣлозерскомъ уѣздѣ въ XVII вѣкѣ: «1662 года ноября въ 22 день было тихо, и небо все чисто, и морозъ лютый. Въ селѣ Новой Ерги и въ деревняхъ, по захожденіи солнца, явилось на небѣ многимъ людямъ страшное знаменіе, о какомъ никогда не слыхивали. Отъ солнечнаго запада явилась будто звѣзда великая и, какъ молнія, быстро покатила по небу, раздвоивъ его и протянувшись по небу, какъ змѣй, голова въ огнѣ и хоботъ: такъ стояла съ полчаса. И былъ оттуда свѣтъ необычный, и въ томъ свѣтѣ, вверху, прямо въ темя человѣку, показалась будто голова, и очи, и руки, и перси, и ноги разогнуты, точно человѣкъ, и весь огненный. И потомъ облакъ сталъ мутенъ, и небо затворилось; а по дворамъ, и по хоромамъ, и по полямъ на землю палъ огонь, будто кужли горѣли; люди отъ огня бѣгали, а онъ, будто гоняясь за ними, по землѣ катался, а никого не жогъ, и потомъ поднялся въ тотъ же облакъ. Тогда въ облакѣ стало шумѣть, и пошелъ дымъ, и загремѣло, какъ громъ, или какъ великій и страшный голосъ, и долго гремѣло, такъ что земля и хоромы тряслись, и люди отъ ужаса падали. А всякій скотъ къ тому огню сбѣгалъ въ груды и рты свои съ кормомъ зажимая и смотря на тотъ огонь, подымая за нимъ свои головы кверху, рычали каждый своимъ голосомъ. Потомъ съ великою яростію пало на землю малое и великое каменье горячее, а иное въ жару рвало, а людей Богъ помиловалъ, и скота не било, пало на порожнія мѣста, и снѣгъ около таялъ, а которое большое каменье пало, и то уходило въ мерзлую землю» ¹⁾.

Вслѣдствіе вѣковаго господства непосредственно-натуральной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, реальная изобразительность составляетъ характеристическую, преобладающую черту въ самой организаціи народнаго языка ²⁾. Особенно словарь великорусскихъ обла-

¹⁾ А. П. IV, 330 — 332.

²⁾ Здѣсь мы утрудимъ читателя, опуская многія другія подробности, все-таки довольно подробнымъ разсмотрѣніемъ реализмовъ народнаго языка.

стныхъ нарѣчій характеризуется въ высшей степени реальнымъ содержаніемъ и составомъ, природо-подражательною и чувственно-образною тропичностью, побразительностью и, если можно такъ выразиться, вещевословностью. Органы вышнихъ чувствъ являются главными факторами этого реального склада народнаго слова. Прежде всего, они непосредственно сами по себѣ, но своимъ индивидуальнымъ, субъективнымъ ощущеніемъ, породили цѣлый циклъ чувственно-образныхъ народныхъ понятій и словъ. Такъ, наприм., одинъ органъ зрѣнія даже непосредственно самъ по себѣ создалъ множество своеобразныхъ представленій и выраженій. Возбуждало, напримѣръ, солнце зрительную способность глаза, дѣятельность органа зрѣнія,—и вотъ отъ субъективнаго дѣйствія и ощущенія солнечнаго свѣта родилось, наприм., представленіе древне-русскихъ грамотниковъ и азбуковниковъ, что и самыя *очи человеческія создались отъ солнца*—суть, такъ сказать, отсвѣтъ или побръженіе солнца. Зрѣніе созерцало различныя комбинаціи свѣта въ природѣ, на небѣ,—и вотъ, отъ одного корня слова «зрѣніе» произошла цѣлая группа народныхъ названій различныхъ физическихъ формъ, комбинацій и проявленій свѣта. «Отъ того, — замѣчаетъ г. Афанасьевъ,—стихія свѣта и глаза, какъ орудіе зрѣнія въ первоначальномъ народномъ языкѣ обозначались тождественными названіями, какъ, наприм., видно изъ словъ: *зрѣть, взоръ, зоркій и зоръ*—свѣтъ, *зоря, зарница*—отдаленная молнія, *зорница*—утренняя звѣзда, предвѣстница зари, глаголъ *зорить*—прочищать, про-

Языкъ, по сознанію не только такихъ знаменитыхъ современныхъ филологовъ, какъ Максъ Мюллеръ, признающій языковѣдѣніе естественной наукой, но и такихъ знаменитыхъ натуралистовъ, какъ Ляйель, Джонъ Гершель, Брокъ и многіе другіе,—представляетъ самое лучшее выраженіе естественнаго народнаго умонастроенія и интеллектуальнаго развитія. Ляйель въ своей книгѣ «О древности человѣка» заимствуетъ доказательства изъ исторіи народныхъ языковъ и посвящаетъ имъ даже почти цѣлую главу. Знаменитый астрономъ Джонъ Гершель, участвовавшій въ редакціи «Руководства къ ученымъ изысканіямъ для моряковъ и путешественниковъ», къ главѣ объ этнографіи, присовокупилъ отъ себя довольно подробную программу лингвистическаго изученія различнаго видоизмѣненія и произношенія звуковъ въ языкахъ разныхъ народовъ (См. Руководство къ ученымъ изысканіямъ для моряковъ и путешественниковъ. Спб. 1861 г.). См. также мнѣніе Брокъ объ отношеніи лингвистики къ антропологіи въ «Извѣстіяхъ антропологическаго отдѣленія общества любителей естествознанія» т. I, стр. 23—28. Для нашей цѣли достаточно, однакоже, самаго краткаго разсмотрѣнія народнаго словаря.

яснять, просвѣтлять и т. п. ¹⁾). Такимъ же образомъ произошли понятія и слова топографическія, пространственныя, напримѣръ: *озористый*—огромный, пространный, *ляденъ*—высокое мѣсто, гора, съ которой можно далеко видѣть и многое оглядѣть, *визирку*—глазomѣрно, или оглядывая и измѣряя пространство зрѣніемъ и т. п. Множество словъ въ народномъ языкѣ произошло отъ впечатлѣнія на глазъ свѣта или тьмы и отъ дѣйствія различныхъ комбинацій свѣта и цвѣтовъ на зрѣніе. Точно также впечатлѣнія или ощущенія другихъ органовъ чувствъ также сами по себѣ породили особый разрядъ народныхъ физическихъ понятій, представленій и выраженій. Такъ, наприм., отъ дѣйствія звука на слухъ и вообще отъ впечатлѣній или ощущеній слуха произошли слѣдующія слова: *слухъ*—вѣсть, молва, *послухъ*—свидѣтель и слушатель, *мухо*—неясно, невразумительно, *ботъ*—стукъ, *тень-тень* и *гой-гой*—колоколь, *рыкъ* (тверск.)—мычанье, въ значеніи мѣры разстоянія, наприм. говорятъ: «далеко ли отсюда? на коровій рыкъ, или на 3 коровьихъ рыка»; *каркунъ*—воронъ; *погудало*—смычекъ; *озыкъ*—окрикъ, сглаживанье или оговоръ; *вортъче*—заговориванье, *тептунъ*—колдунъ (новг.), *шумиха*—волостная изба, въ которой обыкновенно, при сходкахъ, безъ шума необходимо и т. п. Отъ чувства обонянія: *душиный*—пахучій дурно или хорошо, *душки* и *душица*—растеніе *Origanum Vulgare* (псков. опочк.), *душки*—растеніе базилика (*Ocimum basilicum*), *душмянка*—растеніе кошечья мята (*Nepeta catavia* арханг.) и проч. Отъ чувства вкуса: *медвянка* и *медвяница*—полевая трава съ желтыми цвѣтками, у которыхъ запахъ и вкусъ медовый, и въ которыхъ въ особенности собирается пчелами лучшій медъ (псков., твер., осташ.), *сладкожьжка*—растеніе кашка; *кислица*—1) щавель (вологод., костром., новгор., пермск. псков., томск.), 2) красная смородина (яркут., камч., перм., уф.), 3) сѣрая кислая капуста (яросл.); *сладимый*—пріятный, благодѣтельный и т. п. Отъ осязанія: *разшунывать*—различать то, что представляется разсудкомъ, *расшунать*—понять, *сяжокъ*—тонкое осязаніе, ошупь, *свербишугъ*—гарлуца (*primula veris*, орл.), *жегало*—крапива (твер., кашин.) и проч. Далѣе, вслѣдствіе преобладанія непосредственно-реальной познавательной дѣятельности или восприимчивости внѣшнихъ чувствъ, надъ отвлеченно-теоретическою мыслительностью,—все, что превышало сферу внѣшнихъ чувствъ, все то

¹⁾ Мифическ. связь понятій: свѣта, зрѣнія, огня, металла и проч.—статья г. Афанасьева въ Архивѣ Галачева кн. 2 отд. V, стр. 3—13.

и въ языкѣ народномъ нашло самое ограниченное мѣсто и выраженіе. Въ немъ не развивались слова для обозначенія понятій отвлеченныхъ, теоретическихъ, умозрительныхъ. Леклеркъ поэтому справедливо замѣтилъ въ своей древней и новѣйшей исторіи Россіи: «*почти для всего, что не имѣетъ тѣла и образа, для выраженія вещей, неподпадающихъ чувствамъ, недостаетъ въ русскомъ языкѣ рѣченій*» ¹⁾. Такъ, языкъ народный крайне бѣденъ отвлеченными, математическими и физическими понятіями и словами, да и эти немногія свои понятія онъ выражаетъ грубыми реально-метонимическими образами, заимствуя ихъ изъ непосредственно рабочей реально-познавательной сферы чувствъ. Таковы, наприм., понятія и слова: *клинь*—острый уголь (кур., орлов.), *варгатный*—квадратный (казан.; тетюш.), *колесо*—круговоротное движеніе, *жировать*—выводить тѣло изъ равновѣсія (тверск., оставк.); *временить*—измѣнять видъ свой вдали, отъ преломленія лучей въ воздухѣ: «*острова временятъ*»—говорятъ архангельцы, то есть, измѣняютъ видъ свой отъ дѣйствія рефракціи; *времениться*—на морѣ изъ дальняго разстоянія показываться вблизи (арханг.), ²⁾ *мельзитъ*—казаться туманнымъ, неяснымъ, представляться вдали какъ-бы дрожащимъ отъ дѣйствія рефракціи (арханг.) и т. п. При господствѣ реально-познавательной способности внѣшнихъ чувствъ надъ мышленіемъ, народъ особенно не могъ выработать отвлеченныхъ, математическихъ понятій о пространствѣ и времени, и выражалъ ихъ реально-предметно, метонимически. Онъ ориентировался или—лучше—обозрѣвался и опознавался въ пространствѣ по солнцу,—и отсюда первое дѣленіе пространства, по отношенію къ солнцу, на лѣвое или сѣверное и правое или южное, и о солнцѣ говорили встарину: «солнце деснуетъ.» Дальнѣйшія измѣренія пространства выражались не отвлеченными, математическими или геометрическими единицами, а тоже наглядно-предметно, непосредственно-чувственными образами, по преобладающимъ въ томъ или другомъ пространствѣ видимымъ и осязаемымъ предметамъ или урочищамъ. Напримѣръ, въ Сибири и въ Камчаткѣ казаки говорили, плывя по рѣкамъ: «столько-то *песковъ* проѣхали или осталось до острож-

¹⁾ См. у Болтина замѣч. на Леклерка, II, стр. 29.

²⁾ Когда плывутъ по морю въ виду земли, и въ это время случится туманъ, то берегъ кажется какъ-бы близь судна, иногда весь, иногда частями изъ-за тумана: «смотри-ка, земля-то завременилась! кажись, земля-то временится!» (арханг.).

ка»; Ъдучи по зимней дорогѣ, говорили: «до острожка еще осталосѣ *тундрочка, березникъ, хребтикъ, сопочка, падь, да рѣчка*». 1) Въ туруханскомъ краѣ, гдѣ на однообразныхъ берегахъ Енисея, на такъ называемой «каменной сторонѣ», постоянно торчатъ и выпукло выдаются передъ глазами такъ называемыя *кори*—большія груды или кучи камней-валуновъ, частію обрушенныя отъ размытыхъ Енисеемъ скалъ, частію нанесенныя въ огромныхъ льдинахъ,—въ туруханскомъ краѣ, на Енисеѣ, измѣряютъ пространство этими *корями*; говорятъ, напримѣръ: «4 *кори* проѣхали или проплыли, еще осталосѣ 3 *кори*». Таковы же пространственно-измѣрительныя понятія и слова, заимствованныя отъ непосредственно-реальныхъ или предметныхъ чувственныхъ впечатлѣній: *рыкъ* (тверск.)—слышное мычанье, въ значеніи мѣры разстоянія: «далеко ли отсюда?—на коровій рыкъ или на три коровьихъ рыка»: *стрѣленіе лука*—глазомѣрная мѣра разстоянія по выстрѣлу изъ лука. Въ старину говорили, напримѣръ: «бысть разстояніемъ новое жилище отъ перваго жилища, яко бы единою или дважды *возможно есть стрѣлити стрѣлою* вверхъ по рѣкѣ (Хозюгѣ)» и проч. 2). Еще труднѣе было языку, безъ посредства чувствъ, безъ помощи чувственно-образной реальности и предметности, дойти до отвлеченнаго понятія о времени и до раздѣленія времени на извѣстное число математическихъ единицъ. Эту общую форму возрѣнія чувства народныхъ наполняютъ разными реальными образами—разными предметами, дѣйствіями и событіями; и языкъ, охватывая только наглядныя представленія реально-изобразительнымъ, чувственно-образнымъ описаніемъ предмета, дѣйствія или событія, или только называя физическія явленія и предметы или людскія, рабочія дѣйствія, характеризующія то или другое время, — такимъ образомъ давалъ знать объ общемъ отвлеченномъ понятіи, о времени. Смотри по мѣсту жительства, или по образу рабочей жизни, вообще смотря по физической или рабочей сферѣ непосредственно-чувственной наблюдательности, рабочій народъ опредѣлялъ время различно. Напримѣръ: 1) *трава* (камч.) — въ значеніи года: «по

1) Москвит. 1843 № 3.

2) Собрн. Солов. библ. № 182. повѣсть о Никодимѣ Кожеезерскомъ. Или: *лукъ*—мѣра земли, содержащая 252 сажени долины и 64 сажени поперечника (прк.); *юны*—1) мѣра пространства съ полверсты или съ версту (костр., кинеш.), 2) мѣра пространства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 7 до 10, а въ другихъ отъ 30 до 40 сажень (вятск.) и проч.

которой травѣ, или который годъ? быкъ по пятой травѣ; теленокъ—*однотравокъ* (арханг.)—теленекъ по второму году, пережившій одно лѣто или одну траву; 2) *вода* (арханг.) — продолженіе времени около 12 часовъ или промежутокъ времени между каждымъ двумя полными приливами или отливами: сутки поморцы раздѣляютъ на двѣ воды, и замѣчая притомъ состояніе моря во время рассказываемаго событія, тѣмъ самымъ означаютъ время; на примѣръ: «мы выѣхали на оленяхъ на палой водѣ, пріѣхали къ мѣсту на другой сухой»,—значить поѣздка продолжалась около 15 часовъ; 3) *упряжки* (новгор., твер.)—треть лѣтняго дня,—слово, употребляемое крестьянами, которые раздѣляютъ лѣтомъ работы свои на 3, а иногда и на 2 приѣма: паханіе до отдыха, когда лошади надобно выпрячь, называется «упряжкою»; 4) *выть* — охота ѣсть, отсюда время отъ ѣды до ѣды (арханг.), отъ «выти до выти»; 5) *пряжа* (псков.)—мѣра времени, опредѣляемая женщинами по пряжѣ. Точно также въ высшей степени реально, наглядно изображаетъ языкъ рабочаго народа всѣ какъ малые, такъ и большіе періоды времени, начиная отъ минуты и даже мгновенія до цѣлой части года, и реальные образы для выраженія ихъ заимствуетъ частію отъ актовъ и явленій физіологическихъ, частію отъ явленій физическихъ, частію отъ процессовъ растительности, частію отъ бытій и работъ земледѣльческихъ, вообще отъ такихъ предметовъ, событій и явленій, какія всего больше дѣйствовали на чувства рабочаго народа. Таковы, наприм., слѣдующія слова: *духовинка*—небольшое продолженіе времени: давно ли пришелъ? есть *духовинка*, съ *духовинку*, или съ *душокъ* (псков., опочк.); въ *кочета*—въ *пѣтухи*—въ полночь; въ *свинъ голосъ*—весьма рано; до *вставанни* (волог.)—раннимъ утромъ; до *ляова*—до вечера (владимір.). Народныя названія годовщинъ и дней заимствованы непосредственно-натуральною наблюдательностью чувствъ изъ жизни птицъ, отъ хозяйственныхъ растений, домашнихъ животныхъ и т. п. Таковы наприм., наименованія годовщинъ и дней: *грачевники*, *соловьиный день* (22 мая), *капустницы*, *луковъ день*—8 сентября (пркут.), *кривые огурцы* 13 іюня—день поздняго посѣва огурцовъ (пск., твер., оставш.); *одна лошадь*, *одна корова*, *три овцы* или *двѣ свиньи*—день пастушескій (орлов., малоарханг.). Названія мѣсяцевъ и другихъ большихъ періодовъ или частей года заимствованы преимущественно отъ процессовъ полевой и лѣсной растительности, а также отъ другихъ физическихъ явленій и работъ народныхъ. Таковы, наприм., названія: *колосница*, *колосовица* и *колосѣба*—время

колошенья ржи (псков., твер., осташ., кур., обоян.); *косовица*—время покоса и уборки сѣна (тамб., борисоглѣб.); *льдина* (арханг.)—осеннее время замерзанія рѣкъ; «у насъ у перевозчиковъ служба отъ радоницы до льдины»; въ туруханскомъ краѣ говорятъ: «отъ льда до льда» нанялся въ работники, т. е. отъ вскрытія до замерзанія Енисея. Вообще, изъ области природы внѣшнія чувства рабочаго народа въ необыкновенномъ изобиліи заимствовали образы для выраженія различныхъ понятій, особенно отвлеченныхъ. Въ этомъ отношеніи, Словарь областныхъ великорусскихъ нарѣчій отличается особенно обильною и изобразительною реальностью. Реализмъ народнаго міровоззрѣнія простирается до того, что самыя психологическія понятія у него получили реальное значеніе. Таковы, наприм., слова: *духовень* (псков.)—болѣнь, *душевередно* (сибир.)—смертельно, опасно; наприм., о звѣряхъ говорятъ: «попаль, да не душевередно»; *малодушный*—сухощавый (псков., новорж., порх.); *бездушный*—имѣющій мало тепла: «дрова эти вовсе бездушны»; *крубой*—крутой, обрывистый, высокій, наприм., берегъ, и т. п. Съ другой стороны, психическіе акты и нравственные понятія народъ выражаетъ словами самыми реальными, предметными. Напримѣръ: *грунтъ*—толкъ: «съ грунту сбился», т. е. съ толку (псков.); *развить*—разсудокъ, отъ слова выть—порція, часть, наприм., пищи; *грудно*—милостиво, сердечно; *мозговать*—думать, соображать; *достремиться*—додуматься, догадаться, *достремливый*—смышлелый, сообразительный; *разшунать*—понять; *отскокъ*—неустойка въ словѣ или увѣреніи; *береза*—знакъ согласія (псков., новорж.); *болотный*—глупый, бессмысленный; *занибъ*—недостатокъ нравственный, какая нибудь худая черта (псков., осташ., твер.) и т. п. Постоянно вращаясь въ сферѣ физическихъ предметовъ природы, рабочій народъ словно будто не умѣлъ и неумѣетъ иначе говорить и выражаться, какъ наглядно, предметно, реально. Онъ говоритъ, такъ сказать, самыми вещами, предметами, или реальнымъ, вещественнымъ языкомъ самой природы, насколько только могъ уловить и выразить его въ своемъ представленіи и словѣ. Почти изъ всѣхъ сферъ природы, непосредственно подлежащихъ внѣшнимъ чувствамъ, у него заимствованы образы для выраженія различныхъ его понятій и представленій. Точно также множество словъ заимствовано отъ звѣрей и птицъ, отъ почвы, отъ воды, отъ разныхъ природныхъ формъ и типовъ или отъ разныхъ физико-географическихъ урочищъ—отъ горъ, моря, лѣсовъ, степей и т. п., а также отъ метеорологическихъ явленій, наприм., вѣтровъ. Земледѣльческія работы народа обусловили

въ народномъ словарѣ особенное изобиліе словъ, относящихся къ метеорологическимъ явленіямъ, съ подробнымъ обозначеніемъ разнообразныхъ дѣйствій тепла, оттепели, мороза и изморози и проч., проявляющихся, наприм., въ воздухѣ, въ водѣ, въ парахъ, въ почвѣ и т. п. А въ сѣверномъ поморьи мореходные промыслы обусловили особенное развитіе словъ, относящихся, въ частности, къ морской метеорологіи. Вообще, словъ о погодѣ, о различныхъ метеорологическихъ перемѣнахъ и явленіяхъ въ разныя времена года, особенно о дождѣ, о разныхъ жизненныхъ физическихъ дѣйствіяхъ мороза и т. п. въ словарѣ великорусскихъ областныхъ нарѣчій почти безчисленное множество: одно понятіе, наприм., о дождѣ или о дождливой погодѣ выражается на разные лады цѣлыми десятками словъ ¹⁾. Наконецъ, вслѣдствіе непосредственно-чувственного физическаго міросозерцанія и физико-географическаго, колонизаціоннаго распространенія народа, реально-познавательная дѣятельность его внѣшнихъ чувствъ съ особенною подробностью и реальною изобразительностью выработала физико-топографическія представленія и слова. Реальность, наглядность и тутъ господствуетъ въ высшей степени. Устроившись и укоренившись, путемъ колонизаціоннаго самораспространенія, въ различныхъ мѣстностяхъ, рабочій народъ пришелъ въ такое физиологическое соотвѣтствіе съ различными мѣстными физико-топографическими условіями, съ разными мѣстными природными формами и типами, что и всѣ областныя нарѣчія его суть живой, типическій отпечатокъ мѣстныхъ, областныхъ природныхъ формъ и типовъ, или мѣстныхъ

¹⁾ Въ частности особенно изобиліе словарь народный реально-техническими словами, относящимися къ разнымъ работамъ народнымъ. Таковы, наприм., слова, относящіеся къ смолокуренію въ арханг. губ., въ шенкурскомъ уѣздѣ: *Щапъ*—такъ называется въ шенкурск. уѣздѣ, котораго жители особенно занимаются смолокуреніемъ, засѣчка наискось топоромъ въ сосновое дерево, для добыванія смолы (Шренка, въ Географ. Вѣст. 157. Лепех. Путеш. IV, 435); *засочка*, засачиванье дерева, когда съ снноваго дерева соскабливается кора съ цѣлью, чтобы изъ обнаженнаго ствола *высачивались* на поверхность смолистыя вещества его (ibid.); *сметле*—разщепленныя почти въ лучишнюю толщину полѣнья сосноваго дерева, для выкуриванья изъ нихъ смолы (ibid.); *майданъ*—яма, выкапываемая въ землѣ для смолокуренія; *тыкъ*—смола или родъ канифоли, получаемая черезъ перегонку сосновой смолы; летучія частицы этой послѣдней удаляются въ видѣ паровъ, а остающееся стекаетъ изъ мѣднаго котла въ бочки и называется *тыкъ*. Такъ изъ скипидара выгоняется скипидарное масло, а остающееся смолистое вещество есть *канифоль* (ibid.).

физико-географическихъ особенностей. Такъ, наприм., въ сѣверномъ поморьи, въ области моря, сѣверной тундры, сѣвернаго оленя, лопарей, самоѣдовъ и зырянъ,—и русскіе жители, потомки древнихъ новгородцевъ, пришедши въ фізіологическое соотвѣстіе со всѣми этими физико-географическими и этнографическими условіями поморья, съ особенною подробностью выработали слова, относящіеся къ морю, къ морской феноменологіи и метеорологіи, къ гидрографической топографіи моря, къ топографіи тундры, къ оленямъ и оленеводству и т. п. Въ поморскомъ, архангельскомъ нарѣчьи, можно сказать, преобладаютъ типическія мѣстные слова, выражающія: 1) метеорологію моря и особенно различныя явленія и направленія морскихъ вѣтровъ; 2) феноменологію моря, какъ, наприм., различныя явленія морскихъ приливовъ и отливовъ, различныя движенія, формы и направленія морскихъ льдовъ или торосовъ, различныя свѣтовые или оптическія явленія на морѣ, въ родѣ дѣйствій рефракціи и т. п.; 3) топографію и орографію моря и морскихъ береговъ—различное строеніе береговъ, различныя топографическія формы и особенности острововъ, береговыхъ и морскихъ скалъ, заливовъ, корѣй, лайдъ, шаровъ, курей и проч.; 4) топографію тундры и поморскихъ рѣкъ и ихъ береговъ; 5) естественную исторію сѣверныхъ оленей и оленеводство; 6) особенности сѣверо-поморскаго климата и т. п. Таковы, наприм., слова: *отдорная погода*—буря на морѣ, отгоняющая (отдирающая) судно отъ берега; *морьянка*—вѣтеръ съ моря; *глубникъ*—сѣверозападный вѣтеръ; *шелоникъ*—югозападный вѣтеръ; *межникъ*—всякій вѣтеръ, лежащій между 8-ю главными направленіями; *повѣтеръ*, *повѣтерня*—попутный вѣтеръ; *противна*—противный вѣтеръ; *поводъ*—попутное теченіе рѣки или моря; *заводъ*—загражденное скалою или выдавшимся мысомъ мѣсто у берега, гдѣ вода не имѣетъ теченія; *мятуха*—мелкій ледъ; *ропакъ*—льдина небольшого объема; *стамуха*—или *ставуха*—большая льдина омельѣвшаяся и потому неподвижная между вокругъ несущимися льдинами; *несякъ*—омельѣвшая во время морскаго отлива большая льдина, которую приливы заносятъ взгроможденными одна на другую льдинами меньшаго размѣра, образуя такимъ образомъ мало по малу цѣлую гору льдовъ, нерѣдко гибельную для промышленныхъ лодокъ; *голомя*—открытое море; *настрикъ*—мореходный терминъ архангелогородцевъ, находящійся въ ихъ пзстаринныхъ «мореходныхъ книгахъ»: «судно идетъ настрикъ»; *взводень*—высокая сильная волна; *меженская вода*—всякая по временамъ измѣняющаяся родная по-

верхность на средней ея высотѣ; *манига* и *большица* — «въ устьяхъ Двины, — какъ говоритъ знаменитый изслѣдователь водъ нашего сѣвернаго океана, Литке, — и далѣе отъ оныхъ къ морю, до Зимнихъ горъ съ одной и до Унской губы съ другой стороны, періодическое теченіе показываетъ весьма замѣчательныя явленія: три часа послѣ начала прилива останавливается на одномъ горизонтѣ и потомъ падаетъ на $1\frac{1}{2}$ или на 2 дюйма, причемъ иногда замѣчается вглубь направленное теченіе; такое замедленіе прилива продолжается отъ 30 до 45 минутъ и называется *манихою*; послѣ того приливъ возобновляется, и говорятъ: «идетъ *большица*», которая въ 2 или $2\frac{1}{2}$ часа, или ровно черезъ 6 часовъ по началу прилива, приводитъ полный приливъ» и проч. ¹⁾. Далѣе, въ поморскомъ нарѣчій съ такою же подробностью и реальною изобразительностью выработаны слова, относящіяся къ морской и береговой топографіи, такъ что одинъ физическій типъ или одна природная форма, наприм., гора имѣетъ въ языкѣ поморцевъ до 7 выраженій. И тутъ поморцы не ограничились реально-познавательною наблюдательностью собственныхъ чувствъ, но еще заимствовали множество такихъ же чувственно-образныхъ физико-топографическихъ словъ финскихъ, лопарскихъ и особенно самоѣдскихъ и зырянскихъ. Таковы, наприм., слова: *корга* — подводная скала, отъ финскаго прилагательнаго *korgia*, означающаго скали, стую высоту, возвышающуюся надъ морскимъ дномъ, какъ, наприм., на островѣ Гохландѣ *Louna korgia*, *Pohia-korgi* и т. д.; *пахта* — скала, возвышающаяся надъ поверхностью моря: такъ въ Кольской губѣ: Абрамова пахта, Пиногорева пахта и др., — взято отъ лопарскаго *пахкэ*, означающаго гору; *луда* — скала въ морѣ, низкій скалистый берегъ и скалистое дно, — происходитъ отъ финскаго слова *луото* — островъ, скала морская и мель; *саьма* — самоѣдское слово, означающее приливъ морской; *лахта* — незначительный, неглубоко врѣзанный въ землю заливъ моря — отъ финскаго слова *lacti*, означающаго заливъ морской; *лайда* — прибрежная равнина, понимаемая весеннимъ половодьемъ, или высокими приливами морскими, — происходитъ отъ финскаго *лайто* — отмытый, низменный; *щелья* — высокій обрывъ берега, скалистый или земляной; *угорь* — высокій берегъ моря; *поливуха* — низкая скала въ морѣ, которая покрывается, *поливается* приливомъ, а отливомъ снова обнажается; *стамикъ* — высокая скала, возвышающаяся крутымъ обры-

¹⁾ См. Литке, путеш. къ Новой Землѣ.

вомъ надъ моремъ и мн. др. Вообще, физико-топографическій словарь поморскій, относящійся особенно къ морю, а также къ топографіи тундры, такъ изобилуетъ мѣстными реально-изобразительными топографическими словами, что мы затрудняемся обременять читателя дальнѣйшими выписками и затрудняемся даже въ выборѣ самыхъ словъ: такое ихъ множество ¹⁾. Какъ въ поморьи непосредственно-натуральная, реально-познавательная дѣятельность или наблюдательность внѣшнихъ чувствъ мѣстныхъ жителей преимущественно выработала слова, изображающія гидрографическую топографію и феноменологію моря, такъ въ континентальныхъ лѣсныхъ и земледѣльческихъ полосахъ внѣшнія чувства рабочаго народа съ особенною, даже мелочною подробностью и реальною типичностью выработали выраженія, относящіяся къ топографіи почвы, горъ, холмовъ, лѣсовъ, долинъ, овраговъ и т. п. Тутъ подмѣчена и выражена каждая форма или особенность холмика, ямины, оврага, каждое наружное или осязательное физическое свойство или состояніе пахатной земли, каждый видъ или каждая чѣмъ нибудь выдающаяся фигура кочки, ямины, извилины въ долинѣ и проч.

Такъ выразилась въ языкѣ рабочаго народа вѣковая реально-познавательная дѣятельность его органовъ чувствъ. Если языкъ есть естественно-реальное, логически соотвѣтственное выраженіе мысли, думы, умонастроенія, то по языку нашего рабочаго народа можно положительно заключить, что мысль, дума его по преимуществу имѣетъ естественное реальное настроеніе. Все природное, непосредственно-натуральное умонастроеніе его, въ самомъ реально-звуковомъ выраженіи своемъ, въ языкѣ, въ словарѣ, такъ сказать, естественно стремится, естественно наклонно къ реализму. Если же въ народѣ нашемъ развилась и проявлялась также наклонность къ мистицизму или идеализму, то причиной тому были другія, независѣвшія отъ него историческія условія, о которыхъ мы и будемъ говорить дальше. Здѣсь же скажемъ только то, что непосредственно-чувственные или сенсуально-эмпирическія наблюденія рабочаго народа, въ сферѣ природы, особенно наблюденія физико-топографическія, выразившіяся въ его реально-изобразительномъ языкѣ, нерѣдко до такой степени реально-точны и подробны, что признаются важными даже для науки. Такъ г. Шренкъ въ статьѣ своей:

¹⁾ См. Богатый словарь архангельск. нарѣчія въ Записк. географич. общ. 1850, кн. IV, стр. 121—162: областныя выраженія русскаго языка въ арханг. губерніи.

«Областные выраженія русскаго языка въ архангельской губерніи» говоритъ: «быть можетъ, нѣкоторые слѣбуютъ мнѣ вопросъ, въ какой связи находятся провинціализмы русскаго языка, предметъ розысканій чисто-лингвистическихъ, съ занятіями Географическаго общества? На этотъ вопросъ я отвѣчу, во-первыхъ, что языкъ есть живой отголосокъ думы человѣка; въ языкѣ познается, какъ онъ мыслитъ и понимаетъ; къ познанію же человѣка, составляющему одну изъ ближайшихъ цѣлей нашихъ, относится конечно и познаніе его образа мыслей, ибо безъ мысли человѣкъ не есть человѣкъ. Во-вторыхъ, была уже рѣчь въ нашемъ (Географич.) обществѣ о составленіи русскаго географическо-терминологическаго лексикона, въ которомъ должны заключаться и особенное вниманіе заслуживать областныя географическія выраженія всѣхъ странъ Россіи, ихъ объясненіе и производство... Изданіе подобнаго сборника безъ всякаго сомнѣнія будетъ весьма полезно, и не для однихъ русскихъ, а и для иностранцевъ, занимающихся географическимъ, или даже историческимъ изслѣдованіемъ какого-либо отдѣльнаго края Россіи... Такой словарь не только поведетъ къ тому, что въ карты могутъ быть правильнѣе вносимы названія урочищъ, нерѣдко до невѣроятности искаженныя; но и болѣе того: въ странѣ, обитаемой чуждымъ народомъ, названія отдѣльныхъ урочищъ, пестряющія на картѣ, составляютъ нынѣ мертвое скопище буквъ часто варварскаго звука, не имѣющее для насъ ни малѣйшаго значенія, не возбуждающее никакой мысли; если же мы будемъ понимать знаменованіе географическихъ терминовъ народа той страны, то карта передъ взоромъ нашимъ оживится, и понятныя названія породятъ въ умѣ идеи, которыя поведутъ къ розысканіямъ. Не только чисто русскія, но даже и инородческія, географическія названія нерѣдко заключаютъ въ себѣ весьма важныя для науки, непосредственнымъ народнымъ опытомъ и наблюденіемъ дознанныя идеи. Возьмемъ одинъ примѣръ изъ архангельскаго поморскаго сѣвера. Здѣсь, въ отдаленныхъ кочевьяхъ Больше-земельскихъ самоѣдовъ, протекаетъ довольно значительная, въ сравненіи съ другими, рѣка, которую самоѣды назовутъ вамъ *хайодъндыраяна*. Что подумаете вы при этомъ варварскомъ названіи? Ничего, рѣшительно ничего, кромѣ того, что подивитесь длинному слову и полудикимъ его звукамъ, которые едва будете въ состояніи удержать въ памяти; и посмотрите, какъ оно нанесено на карты: *халпура*, *хайпудара*, *хайпудырка* и т. д., которое изъ этихъ названій правильно? Для этого розысканія вы открываете географическій лексиконъ и находите: *на* на самоѣдскомъ языкѣ «рѣка»,

пыдыра—«лѣсъ», теперь вы знаете, по крайней мѣрѣ, что имѣете дѣло съ *рѣкой, по которой растетъ мѣсъ*, и, быть можетъ, подивитесь, что *мѣса въ той сторонѣ тундры поднимаются столь высоко на сѣверъ, до 68-го градуса широты*, между тѣмъ какъ обыкновенная граница ихъ на всемъ пространствѣ архангельскихъ тундръ лежитъ на цѣлый градусъ широты ниже. Вотъ однимъ названіемъ порожденная въ васъ *мысль*, которая увлекаетъ повести розысканіе далѣе. Остальная часть самоѣдскаго названія рѣки—слово *хайодъ* означаетъ «*хребетъ святого, неприкосновеннаго мѣса*» и показываетъ, что Шомоховскія горы на полуостровѣ Канинѣ подъ 67¹/₄ градуса широты не суть крайній къ сѣверу оазисъ лѣсовъ. Такимъ образомъ географическій лексиконъ (народный) доставилъ вамъ не только средство исправить названіе мѣстности, но и побудилъ васъ къ изслѣдованіямъ, которыя довели до любопытнаго результата: означенія *впроятной сѣверной границы лѣсовъ въ этой части архангельской тундры, которое позднѣйшему путешественнику по этой странѣ останется только утвердить*» ¹⁾.

Наконецъ, и въ народной литературѣ и во всей исторической земской жизни русскаго народа выразилось вѣковое господство познавательной дѣятельности нисшихъ, интеллектуально-рабочихъ способностей—органовъ чувствъ и памяти зрительной, слуховой и осязательной. Какъ въ жизни, въ исторіи, въ дѣлѣ колонизаціи и культуры русской земли, преимущественно и даже исключительно дѣйствовалъ и работалъ народъ рабочий,—такъ и въ литературѣ и вообще во всемъ выраженіи умственной жизни народа, преимущественно дѣйствовали и работали способности умственно-рабочія, сенсуальныя. Въ особенности зрѣніе, слухъ и память, зрительная и слуховая, и въ литературѣ преобладали надъ разумомъ и мыслью и признавались главными, единственными интеллектуальными источниками и проводниками знанія. Древне-русскіе писатели, согласно съ общимъ чувственно-образнымъ устроениемъ народа, обыкновенно весь матеріалъ для своихъ писаній почерпали исключительно изъ непосредственныхъ впечатлѣній слуха, зрѣнія и памяти, слуховой и зрительной, безъ всякаго разсудочнаго, критическаго анализа этого матеріала. Память, слухъ и зрѣніе они признавали единственными источниками сообщаемыхъ ими свѣдѣній и заботились о томъ только, чтобы свѣдѣніями, полученными слухомъ и зрѣ-

¹⁾ Записки Географ. Общ. 1830, кн. IV, стр. 122—124.

ніемъ, доставить какъ можно болѣе пищи памяти и слуху, и, вслѣдствіе этого, сами невольно сознавались, что «разумъ ихъ былъ *скуденъ и худъ*», и что способность теоретическаго мышленія у нихъ нисколько не была развита. Такъ, наприм., сочинитель повѣсти о Стефанѣ пермскомъ начинаетъ свое твореніе такимъ сознаніемъ: «житіе доброе *слышати* или и преписати *памяти ради* — отъ сего приносится успѣхъ не худъ и польза не мала *послушателямъ* и сказателямъ. Ибо *видѣніе* есть вѣрнѣйшее *слышанія*. Но увѣрить же много и *слухъ слышавшихъ*, если вонстину будетъ глаголемое. Если же не написано будетъ *памяти ради* — то изыдетъ изъ *памяти*, и впредь и слѣдующимъ родамъ забвенно будетъ. А если безъ писанія *забываемо* бываетъ, то не полезно *въ забыть* положить видѣнное и слышанное. А когда же язъ не достигъ въ ту мѣру, не пришелъ въ то прясло, дабы невидимо на разумныхъ скрижаляхъ писати, то на *чувственныхъ* хартіяхъ изволилъ писати ¹⁾. Иное *слухомъ слышахъ*, иное и *своими очима видѣхъ*, а прочее вопрошахъ отъ старыхъ мужъ (слѣд., при помощи слуха и памяти слуховой). Но молю вы, простите меня, язъ бо есмь *умомъ* грубъ и словомъ невѣжа, и *худъ имѣя разумъ* и промыслъ предоумень, ибо не бывалъ я въ Афинахъ отъ юности, и не учился у философовъ, ни Платоновыхъ, ни Аристотелевыхъ бесѣдъ не слыхалъ, ни философіи, ни хитрорѣчія не навѣкъ, и спроста — *весь недоумѣнія наполнихся*» ²⁾. Изъ этихъ словъ очевидно, какъ у древне-русскихъ писателей познавательная способность и дѣятельность внѣшнихъ чувствъ и, въ частности, зрѣнія, слуха и памяти слуховой почти всецѣло преобладала надъ развитіемъ разума и совершенно чужда была высшей, философско-теоретической мыслительности. Въ частности, органъ зрѣнія служилъ и считался господствующимъ надъ разумомъ и даже надъ всѣми другими внѣшними чувствами, и самымъ достовѣрнымъ органомъ познанія истины, главнымъ доказательствомъ и критеріумомъ всякой достовѣрности и очевидности. «*Видѣніе* есть достовѣрнѣйшее *слышанія*», — говорили старинные наши писатели. Отсюда произошли и народныя пословицы: «паче слуха

¹⁾ Въ старину, однакожъ, различали сердечные и разумные, или умные, мысленные очи, т. е. мысль, умосозерцательную, теоретическую способность мышленія, и тѣлесные или чувственные очи. Памятн. стар. р. литер. IV, 104 и др.

²⁾ Памят. стар. рус. литерат. вып. IV, стр. 119—120.

видѣніе; не вѣрь ушамъ, вѣрь очамъ; не вѣрь рѣчамъ, вѣрь своимъ глазамъ» и т. п. ¹⁾ Въ старину, чтобы удостовѣриться въ справедливости какого нибудь свидѣтельства, обыкновенно употребляли усиленные выраженія: «въ видѣніи очи вѣсть видѣлъ я», или «*до-зрили и досмотрѣли*» ²⁾. Когда кто нибудь хотѣлъ имѣть о чемъ-либо болѣе точное, ясное и подробное познаніе, то въ такомъ случаѣ, по словамъ одного древняго памятникъ, *паче слуха видѣніемъ хотѣше вмѣстити* ³⁾. Безъ непосредственнаго созерцанія предметовъ не могли ихъ и описать, выразить на словахъ съ надлежащею отчетливостью. Вещественная наглядность была существеннымъ условіемъ познанія и мышленія, такъ что, по словамъ одного стариннаго русскаго писателя, «предметы и зданія не гласомъ, но *вещьми* говорили и внушали разныя мысли и представленія». По преобладанію непосредственно-вещественной, конкретно предметной воспримчивости органа зрѣнія надъ чисто-умозрительною, разсудочною выработкою понятій и представленій, по заочнымъ, отвлеченнымъ описаніямъ не могли понимать описываемыхъ предметовъ, безъ непосредственнаго созерцанія ихъ не могли и описать ихъ ясно, изобразительно. Напримѣръ, говоря о зданіяхъ «хитрыхъ художниковъ», не могли не только выразить письменно плана или «*замышленія* зданія», но и описать его внѣшнихъ формъ или частей, и для этого признавали необходимымъ только непосредственное созерцаніе зданія. Такъ, напримѣръ, въ повѣсти о Евфиміи новгородскомъ, о палатѣ каменной въ Новгородѣ, созданной «замышленіемъ хитраго художника» (Федора), сказано: «палаты пречюдны, но убо сія писаніемъ сказати не мощно, аще не самъ искусъ научить, *еже своими очима видѣвши*» ⁴⁾. *Слышанное видѣть*—считалось какимъ-то высшимъ благожеланіемъ, высшею, искомою умственною потребностью. Напримѣръ, у донскихъ казаковъ однимъ поздравительнымъ благожеланіемъ было, между прочимъ, присловіе: «опредѣли, Господи, *слышанное видѣть*» ⁵⁾. Ви-

¹⁾ Сборн. русск. пословицъ—Далъ, подъ словомъ: «человѣкъ». Таковы же пословицы: «свой глазъ—алмазь, смотрокъ; глазъ не видитъ,—и ухо не слышитъ; не видишь,—и не говоришь; по-за-очью—что ночью» и т. п.

²⁾ Сборн. Солов. библиот. № 182. Акты, относ. къ юридич. быту т. 1, *досмотрѣли*.

³⁾ Памят. стар. рус. литерат. IV, 77.

⁴⁾ Пам. IV, 20.

⁵⁾ О курмоярск. стан. въ Читеніи общ. истор. 1863 г. кн. 3, отд. V, стр. 13.

дѣніе или зрѣніе отождествлялось, представлялось однозначительнымъ съ уразумѣніемъ или познаніемъ; или логическій актъ познанія представлялся подѣ образомъ чисто органическаго, чувственнаго акта *видѣнія*, напримѣръ, жизнеописанія составляли или «писали въ вѣчныя памяти на *увидѣніе* послѣдующимъ родамъ, т. е. на узнаніе ¹⁾. Зрѣніе замѣняло интеллектъ въ ученіи: грамотѣ учились «*навыкая зрѣніемъ*» ²⁾. Умственная способность представленія, пониманія и изученія книгъ отождествлялась съ зрѣніемъ. Напримѣръ, говорили: «окромѣ буквы, часослова и псалтири ничегоже учихъ, и то не совершенно, граматикѣ же ниже слышахъ, како ея навикають, а зря ея, ино иноязычна ми зрится, а философію *ниже очима видѣхъ*» ³⁾. Вслѣдствіе преобладанія познавательной дѣятельности органа зрѣнія надъ теоретическою мыслительностью, уклоненіе отъ *зрительнаго* ученія и познанія къ отвлеченно-умозрительному, философскому мудрствованію, считалось предосудительнымъ и укоризненнымъ. Такъ, напримѣръ, въ старинныхъ надписяхъ на письмахъ, «другу гордому и спесивому» писалась такая укорительная надпись: «*любозрительнаго* ученія уклонителю и неначальнымъ своимъ ученіемъ философствующему и мудрствующему, другу моему» (имя рекъ) и проч. Отвлеченныя идеи, теоріи, понимались какъ *зрительныя* представленія, такъ что слово «*теоретическій*» переводили словомъ «*зрительный*», говорили, напримѣръ, «новый способъ ариметики *теоріики или зрительныя*» ⁴⁾. Вслѣдствіе господства познавательной дѣятельности зрѣнія, — и писатели древне-русскіе, чтобы подѣйствовать на русскую мысль, возбуждать въ читателяхъ умственное самосознаніе или убѣжденіе, — возбуждали въ нихъ зрительное вниманіе. Обращая вниманіе читателя на какіе нибудь важные факты или вопросы, не говорили: *вспомни* мыслью, *вдумайся*, *сообразы*, *знай* и т. п., а говорили: *зри*. По рабочему умунастроенію народа, зрѣніе иногда отождествлялось даже съ *пріобрѣтательною* смышленностью, съ промышленнымъ умомъ и находчивостью. Напримѣръ, говорилось: «работникъ отъ труда *узрѣвъ* ясть», вмѣсто: «трудомъ *пріобрѣтши*» ⁵⁾. При нераз-

¹⁾ Памят. стар. р. литер. VI, 31.

²⁾ О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в. — статья г. Мордовцова въ Чтен. общ. ист. 1861 г. кн. 4, отд. I, стр. 53.

³⁾ Опис. рукоп. Румянц. Муз. № 411, л. 39—40. Ученые записки II отд. академіи наукъ кн. I, стр. 257.

⁴⁾ Пекарскаго, наука и литерат. при Петрѣ I, т. I, стр. 272.

⁵⁾ Измарагдъ—рукоп. Солов. библиот.

витости теоретической интеллигенціи и мыслительности и при преобладаніи непосредственно-предметной, реально-познавательной воспримчивости органа зрѣнія, народъ русскій самъ своимъ чисто теоретическимъ мышленіемъ ничего не могъ выдумать, а ему необходимо было *видѣть наглядные образцы*, чтобы научиться дѣлать что нибудь новое. «Разумы наши,—говоритъ Юрій Крыжаничъ,—суть тупы и медлительны, *ничего не можемъ сами много и мудро выдумать*. И тако ко всякому мудрому дѣлу должны имѣть *наглядный узоръ, видъ и образецъ* отъ иныхъ народовъ» ¹⁾. Какъ въ физическомъ міросозерцаніи, такъ и въ сферѣ земскаго строенія рабочаго народа, органъ зрѣнія былъ главнымъ познавательнымъ органомъ и установителемъ многихъ земскихъ понятій — топографическихъ, юридическихъ и т. п. Въ сферѣ земскаго строенія, въ области топографіи, геодезій и геогнозій, всѣ познавательные акты ограничивались дознаніями посредствомъ органа зрѣнія и назывались *дозорами* и *досмотрами*. На основаніи этихъ непосредственно-зрительныхъ дознаній составлялись такъ называемыя «*дозорныя книги*» или «*дозоры*» и «*досмотровныя записки*» или «*досмотры*». При господствѣ непосредственно-натуральной познавательной дѣятельности органа зрѣнія, — общимъ, всенароднымъ зрѣніемъ *дозирали* и *досматривали* разныя физическія явленія на русской землѣ, но по неразвитости мышленія и логической силы индукціи и обобщенія, никакихъ раціонально-теоретическихъ, научныхъ идей и понятій не могли выводить изъ этихъ непрерывныхъ и повсемѣстныхъ досмотровъ и дозоровъ. Такъ, наприм., громадныя рѣки русской земли замѣтно для всѣхъ совершали свою геологическую работу, постепенно и разнообразно измѣняя топографическое и геогностическое строеніе береговъ и окрестныхъ земель. Это геологическое дѣйствіе рѣкъ, то разрушительное, то новообразовательное, неизбѣжно оказывало вліяніе на территоріальныя или поземельныя отношенія жителей, на ихъ хозяйство и проч. ²⁾. И вотъ, по свидѣтельству актовъ, цѣлыми волостями, съ понятими, «большимъ повальнымъ обыскомъ *дозирали* и *досматривали* тѣ новоприсадныя мѣста или пески, что присадило вновь рѣкою послѣ писцовъ къ старымъ землямъ». На досмотрѣ, при сборѣ народа, составлялись «*досмотровныя записки*», въ кото-

¹⁾ О московск. государствѣ XVII в. раздѣлъ II, стр. 33.

²⁾ См. напр. актъ «о присадной и отмойной землѣ.» А. П. I, 248.

рыхъ досмотрщики подробно и наглядно, какъ представлялъ органъ зрѣнія, описывали «мѣру и досмотръ новоприсадныхъ мѣстъ». Никого эти «новоприсадныя» образованія или измѣненія земли не наводили ни на какія геологическія размышленія и изслѣдованія, на разработку геологическихъ знаній, или на изслѣдованіе геологій всей русской земли, подобно тому, какъ въ Италіи вулканическія явленія и земляныя раскопки въ Веронѣ (въ нач. XVI в.) навели мыслителей, подобныхъ Леонардо да Винчи и Фракасторо, на инициативу обширныхъ геологическихъ изслѣдованій. Точно также при отсутствіи медиковъ, вмѣсто медицинскаго свидѣтельства, служилъ такой же повальный досмотръ или осмотръ ¹⁾. Потому же практическихъ, сельско-хозяйственныхъ естествоиспытателей или изслѣдователей физической производительности русской земли называли *уладниками*. Юрій Крыжаничъ писалъ: «добро бы было послать *уладниковъ* по всему царству, да бѣху обыскивали, испытывали и раскрывали, гдѣ изобильно родится или родиться можетъ какое жито, зелье, деревья, или былье, какъ-то: ленъ, конопля, хмѣль, медъ, главатица, лукъ, и другое, или гдѣ изобильно плодятся овцы, кони, волю, свиньи, рыбы» и проч. ²⁾. Однимъ изъ высшихъ качествъ учителей и управителей народныхъ признавалась *смотрливость*: отъ нихъ требовали, чтобы они были *смотрливы* ³⁾. О хорошемъ приказчикѣ или вотчинникѣ говорили: «*тихима очима на своя владомая смотря*». Такіе акты практическаго разума и мышленія, какъ обсужденіе, разумѣніе и т. п. назывались «*разсмотрѣньемъ, осмотровѣньемъ*». Точно также называлась административная умственная прозорливость и сообразительность. Воеводамъ дальнихъ областей обыкновенно наказывалось распоряжаться, смотря по тамошнему мѣсту и по своему *высмотру* и *разсмотрѣнью* ⁴⁾. Глазъ былъ, такъ сказать, особеннымъ служилымъ орга-

¹⁾ Наприм., въ 1677 г. одинъ новгородецъ Григорій Пустошкинъ въ челобитной своей докладывалъ, что онъ «отъ литовскихъ людей на бою раненъ изъ пушки дробовымъ жеребьемъ въ лѣвую щеку, кость и зубы коренные нижніе выломаны, и языкъ перерванъ, и отъ тѣхъ ранъ онъ болѣнъ и увѣченъ, глухъ и нѣмъ, и находитъ на него оморокъ, и въ умѣ забывается». И вся діагностика его болѣзни ограничивалась тѣмъ, что воевода и многіе окольные люди осматривали наружныя раны и поврежденія больного, и этимъ наружнымъ досмотромъ правительство довольствовалось А. Юр. № 55, стр. 305.

²⁾ О моск. госуд. разд. 3, стр. 44.

³⁾ Ак. отн. къ юрид. б. I, № 47.

⁴⁾ Доп. III, № 4. Доп. VIII, № 69 и мн. др.

номъ въ московскомъ государствѣ, особенно на сторожевыхъ линияхъ по украинамъ. По украинамъ, «у засѣкъ, по свидѣтельству актовъ, въ *дозоръ* были засѣчные *дозоришки*, и воеводы посылались на засѣки для *дозору*, чтобы противъ прежнихъ *дозорныхъ книгъ* ихъ *дозрѣть* и описать вся поименно» ¹⁾. Въ городахъ, въ кремляхъ, на башняхъ возвышались караульныя *смотряльни*, такъ же какъ надъ свѣтлицами и теремами—теремныя *смотряльни*. Наконецъ, и въ сферѣ нравственно-юридическихъ вопросовъ, зрѣніе считалось вполне достаточнымъ и достовѣрнымъ критеріумомъ той или другой юридической истины. На судѣ, при клятвахъ и присягахъ, *зрѣніе на образъ* считалось высшимъ, несомнѣннымъ доказательствомъ правоты. Даже при всеобщихъ религіозныхъ земскихъ «обыскахъ», наприм., о новоявленныхъ мощахъ и чудесахъ, ссылались на свои «*видѣнія очи—вѣсть*» ²⁾. Вообще, при господствѣ чувства зрѣнія надъ разумомъ, народъ, безъ всякой критики, безъ всякаго размышленія, полагался на свое зрѣніе, на-обумъ, неразсуждая судилъ по своему о томъ, что какъ видѣлъ. «Мужикъ простой—*что видитъ*, то и бредитъ»,—такъ съ похвалой говорилъ въ 1705 г. въ Астрахани одинъ ярославскій гость первой статьи, Яковъ Носовъ—извѣстный заводчикъ астраханскаго бунта. Вслѣдствіе неразвитости разума и господства органа зрѣнія надъ мышленіемъ, субъективныя ощущенія и галлюцинаціи зрѣнія породили въ народѣ тьму особыхъ зрительныхъ суевѣрныхъ умопредставленій. Отсюда произошла, наприм., вѣра въ *окомигъ*, въ *слажанье* ³⁾. Къ числу отреченныхъ книгъ относился сборникъ суевѣрныхъ зрительныхъ примѣтъ, подъ заглавіемъ: *окомигъ* ⁴⁾. Въ сборникѣ народныхъ пословицъ, составленномъ Далемъ, находимъ много такихъ зрительныхъ примѣтъ народа: «*черный глазъ* — опасный; бойся чернаго, да *каряго глаза*; *лѣвый глазъ* къ слезамъ свербитъ, а *правый*—на любого человѣка смотрѣтъ; *недобрый глазъ* наглядѣлъ на насъ; человѣкъ *изглаженъ* или *слаженъ*, *призорами испорченъ*; *глазъ* нечистъ, не хорошъ, черенъ; кто нечаянно *завидитъ свѣтъ* въ своемъ домѣ — жди счастья; до утренней зори не

¹⁾ Доп. VIII, стр. 89—90, 93.

²⁾ Сборн. соловец. библиот. № 128.

³⁾ Въ Румянцевскомъ Сборникѣ 1754 г. упоминаются наприм. такія зрительныя суевѣрія: «*зори смотрятъ, очи свербаютъ*—плакать будетъ; на руки даютъ *смотреть* волаву» и т. п.

⁴⁾ Русскій расколъ. Казань 1859 г. стр. 449.

«*глядя въ окно*» и т. п. Вообще объ органѣ зрѣнія, какъ главномъ познавательномъ органѣ и источникѣ народнаго міросозерцанія, у народа нашего доселѣ сохранилось множество примѣтъ и пословицъ ¹⁾).

Точно также органъ *слуха* былъ господствующимъ органомъ и критеріемъ несомнѣннаго познанія, вѣры и убѣжденія. «Увѣрнѣе же много и *слухъ слышавшихъ*»,—говорили древне-русскіе грамотники и писатели, сплошь и-рядомъ основывавшіеся на одномъ свѣдѣтельствѣ слуха въ своихъ писаніяхъ. Способность слуха также смѣшивалась, отождествлялась съ умственной способностью вниманія, представленія, сообразительности и пониманія. Напримѣръ, говорили: «такую вещь сдѣлалъ еси, ея же и *слухъ* нашъ не вмѣститъ», т. е. и умъ не пойметъ, не сообразитъ, не представитъ ²⁾. Или, одинъ повѣствователь, боясь обременить вниманіе и мысль читателей слишкомъ подробно и длиною повѣстью, заключаетъ свое сказаніе: «оставимъ большія сказанія, вѣмъ бо, грубыхъ *ушей* долгими бесѣдами отягчavajuтся» ³⁾. Какъ чуткость слуха представлялась синонимичною съ ясностью, понятностью мысли или слова, такъ, наоборотъ, *глухота* представлялась однозначительною съ непонятностью, неясностью изложенія или сообщенія мыслей. Такъ, одинъ помѣщикъ XVII вѣка, въ семейномъ письмѣ своемъ, пишетъ: «въ грамотѣ ты, Петрунюшка, пишешь *глухо*, мы разсудку положить не умѣемъ» ⁴⁾. Дѣятельность слуха признавалась также равнозначительною и отождествлялась или смѣшивалась съ дѣятельностью умственного самоуглубленія и мышленія. Напримѣръ, писали: «*неслушай себя*—будетъ добро; аще же станешь *помышлять*—будетъ погибель». *Послушать* слова ученія—значило воспринять умственное назиданіе. И родители и учителя духовные особенно возбуждали дѣятельность слуха къ усвоенію своихъ назиданій и словесъ. Первые, напримѣръ, говорили дѣтямъ: «милое ты наше чадо, *послушай* ученія родительскаго, ты *послушай* пословицы добрыя... еще не давай *очамъ воли*». Вслѣдствіе особенныхъ условій воспитанія чувства слуха, предки наши всего больше воспитывались, умственно развивались и обогащались знаніемъ ста-

¹⁾ Сборникъ пословицъ русскаго народа—Дала въ Чтен. Общ. истор. подъ словами: *суетрія—примѣты и человекъ*.

²⁾ Пам. стар. р. лтер. IV, 141.

³⁾ Пам. IV, 51.

⁴⁾ Чтен. Общ. Истор. 1859 г. кн. 2, отд. V: помѣщичьи письма, стр. 49.

рой и современной жизни посредствомъ чувства слуха. Всякая старина рассказывалась молодымъ людямъ на *послушанье*. Многие сказанія поэтому кончались стихомъ: «то старина—то и дѣянье, какъ бы добрымъ людямъ на *послушанье*» ¹⁾. Учители духовные тоже постоянно внушали: «приклоните, *послуси* или *слушателие*, *слухи* ваши со вниманіемъ». Какъ на юридическомъ языкѣ нашихъ предковъ судебные свидѣтели назывались *послухами* ²⁾, такъ и на церковно-славянскомъ языкѣ слушатели всякаго книжнаго ученія назывались тоже *послухами* ³⁾. Вслѣдствіе такого воспитанія и воспитательнаго значенія органа слуха, однимъ изъ высшихъ умственныхъ качествъ признавалась пассивная слуховая переимчивость, послушанье старины, старыхъ сказаній и суевѣрій, и *послушаніе* родителямъ, властямъ, помѣщикамъ и т. п. Противъ *ослушниковъ* давались особыя царскія грамоты, такъ называемыя *послушныя* ⁴⁾. Чтобы сильнѣе выразить важность познавательной дѣятельности органа слуха и достовѣрность слуховаго свѣденія или свидѣтельства, употребляли усиленные выраженія, напр.: «*вси со ушю слушали, услышамъ слухъ, или возушамъ во уши* всѣмъ людямъ тяжкія словеса» ⁵⁾. Самые важные вопросы жизни и даже вѣры рѣшались народнымъ слухомъ. При всеобщихъ земскихъ розыскахъ однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и убѣдительныхъ доводовъ были такія рѣчи земскихъ людей и послуховъ: «*слышамъ мы отъ старыхъ людей,—слышамъ мы отъ отцовъ своихъ*». Когда на площади московской, въ 1682 году, рѣшался всенародный споръ о старыхъ книгахъ, и читали во всеуслышаніе челобитную «на двадесяти столбцахъ писанныхъ»,—тогда, по словамъ очевидца и описателя событія Савы Романова, «посадскіе люди, стрѣльцы, чернослободцы, народи вси со ушю ту прилежно *слушаху*». Всенароднымъ *выслушаньемъ со ушю* и освидѣтельствомъ старыхъ книгъ хотѣли рѣшить спорный вопросъ. Когда же это оказалось недостаточнымъ, при отсутствіи рациональной убѣдительности,—прибѣгли къ самому осязательному дѣйствію на органъ слуха: къ *заушенію*—«хотяху *заушати*» школь-

¹⁾ Буслеева, Очерки литерат. 11, 18, 41, III.

²⁾ Въ «правыхъ грамотахъ» постоянно говорится: «а се на то *послуши*», или: «у грамоты были *послухи*» и т. п. См. А. Юр. I и А. отн. къ Юр. б. I: «правыя грамоты».

³⁾ Пам. IV, 2: «разумни вси душеполезнаго житія *послуси*» и проч.

⁴⁾ А. Юр. б. I, № 58: *послушныя* грамоты, стр. 417—440.

⁵⁾ Пам. IV, 82.

ныхъ учителей-поповъ, и была на площади *молва и гонка велія*—шумъ и крикъ ¹⁾. Органъ слуха, также какъ и органъ зрѣнія, былъ важнымъ служилымъ органомъ въ дѣлахъ правительства. Онъ замѣнялъ нынѣшнія газеты и телеграфы. Само правительство руководилось *слуховыми вѣдомостями*, и посылало для провѣдыванья «всякихъ подлинныхъ вѣстей» особыхъ «посыльщиковъ», чтобы они «пересмотря провѣдали накрѣпко» про то или другое нужное дѣло или событіе, и по вѣрному и подлинному свидѣтельству и провѣдыванью взяли самую прямую *вѣдомость*, смотря по тамошнему и по своему разсмотрѣнью». ²⁾ Трудность корреспонденціи, особенно до учрежденія внутренней почты, появившейся не ранѣе 1687 года, отсутствіе печатной публичности, всенародныхъ вѣдомостей—курантовъ или газетъ, разрозненность, разбросанность поселеній на громадныхъ, черезполосныхъ пространствахъ, неустройство путей сообщенія, пустыньность и баснословная, мифологическая мрачность и загадочность многихъ мѣстъ, особенно въ захолустьяхъ, по украинамъ, за черными дикими лѣсами и т. п.,—все это благоприятствовало особенному значенію дѣятельности слуха, молвы. Такъ, одинъ крестьянинъ въ челобитной своему помѣщику, между прочимъ, пишетъ: «а про разбой свой я не *слыхалъ*, только я *отъ слуху слышалъ*, перехватили-де на Синбирскомъ; а у меня здѣсь мѣсто скудно (глухо), а путь дальній, *провѣдать допряма некъмъ*» ³⁾. Правительство, основываясь на слухахъ, особенно въ дѣлахъ сторожевой службы по украинамъ, различало «большія вѣсти или слухи и малыя вѣсти или слухи». *Вѣдомостями* назывались непосредственно слуховыя вѣсти или извѣстія. Стрѣльцы на московской площади и передъ грановитою палатою говорили, напримѣръ: «сверху (изъ царскихъ палатъ) *вѣдомость* пришла, царица трикраты посылала *вѣдомость*» —словесныя *объявленія* ⁴⁾. Или на низу Волги говорили: «слышали на Царицынѣ про воровскихъ казаковъ, что взбунтовались, а *вѣдомости* никакой царицынскіе жители не сказали, гдѣ, въ какихъ мѣстахъ тѣ воровскіе казаки, объ томъ вѣдомости никакой не слышали, и сами не видали» ⁵⁾. И надобно сказать, что

¹⁾ Три челобитныя справщика Савватія, Саввы Романова и проч. Спб. 1862, стр. 77, 115.

²⁾ Доп. VII, № 50, № 72, стр. 343.

³⁾ Крестьянскія челобитныя въ Чтен. общ. ист. 1853 кн. 2 отд. V. 46.

⁴⁾ 3 челобитн. III.

⁵⁾ Доп. VII № 48.

слухъ много способствовалъ географическому и этнографическому развѣдыванію русской земли, и особенно Сибири. Слухомъ земля полнилась, и языкъ довелъ славяно-русское племя отъ Кіева до Амура и Восточнаго океана. Открытіе, дознаніе и покореніе глухихъ сѣверо-восточныхъ украинъ великорусскихъ и земель и народовъ сибирскихъ, и особенно географическія и этнографическія развѣдки и открытія въ отдаленныхъ и глухихъ украиняхъ Сибири, совершались главнымъ образомъ и даже исключительно на основаніи слуха, на основаніи такъ называемаго въ актахъ *поиманья языковъ*, на основаніи слуховъ и разспросовъ инородческихъ, особенно аманатскихъ. По слухамъ же разузнавали и открывали въ Сибири разныя минеральныя богатства—слюду, желѣзную, мѣдную, серебряную и золотую руду, а также лекарственныя травы и коренья и многое другое ⁵⁾. Точному, научному изслѣдованію и познанію русской и сибирской земли предшествовали познанія слуховыя. Книгѣ Чертежа сибирской земли, а также изслѣдованіямъ Мессершмидтовъ, Палласовъ и Георги предшествовали слуховыя дознанія и отписки Поярковыхъ, Хабаровыхъ и проч. Точно также и во внутреннихъ гражданскихъ или земскихъ дѣлахъ слухъ во многихъ отношеніяхъ замѣнялъ мыслительную, умственную самодѣятельность. Способъ распространенія извѣстій или свѣденій, способъ познанія, былъ не интеллектуальный, умственно самодѣятельный, печатный и т. п., а слуховой. При крайней малораспространенности въ народѣ грамотности, при отсутствіи печатныхъ органовъ публичности или гласности,—органъ слуха замѣнялъ все въ этомъ отношеніи: смыслъ царскихъ указовъ усвоили не собственнымъ чтеніемъ и изученіемъ, а слухомъ: «бирючи» обыкновенно «по многи дни *кликали* по улицамъ и по торгамъ, во всѣхъ волостяхъ и деревняхъ, трубя во всеуслышаніе о томъ или другомъ царскомъ указѣ, и если кто не слыхалъ или не исполнялъ указа, тотъ назывался *ослушнымъ*» ¹⁾. Счетныя книги, наприм., по таможенному, питейному и другимъ сборамъ, также обыкновенно все-народнымъ слухомъ провѣрялись и завѣрплялись: ихъ велѣно было «вычестъ всякихъ чиновъ людямъ *вслухъ* не по одно время». ²⁾ По областямъ разсылались особые *трубники* для громогласнаго объявленія вслухъ всему народу, наприм., царскаго «осуда» воеводамъ,

¹⁾ См. дополн. къ А. Ист. т. I—VIII.

²⁾ Наприм. А. Юрид. б. I. 423 и мн. др.

³⁾ Доп. VII. 317.

въ случаѣ ихъ ослушанья или несправности ¹⁾. Какъ въ сферѣ наблюдательности зрѣнія необходимы были «смотрильни», — такъ въ сферѣ слуховыхъ общественныхъ или земскихъ сношеній и оповѣщеній необходимы были *въчевые* и *въстовые* или *сполошные колокола*, *бои* и *боевые часы* ²⁾. Русскіе особенно любили слушать звонъ большихъ «*доброслушныхъ камбановъ*, еже есть колоколовъ», такъ что чрезмѣрную склонность къ слушанью церковнаго колокольнаго звона въ XVI в. обличало даже само духовенство. Вообще, слухъ имѣлъ такое полновѣсное значеніе, что служилъ часто безконтрольнымъ доказательствомъ, наприм., на судѣ свидѣтельство слуховое принималось безъ всякаго разсужденія и критики. На судахъ много дѣлъ рѣшалось по одному, «*розслушанью*», по *язычной молкѣ*, *поклепнымъ искамъ*, по сказкѣ послуховъ. Слухъ не малую службу сослужилъ и въ политическомъ отношеніи, когда господствовало роковое, страшное слово и дѣло. Отсюда произошло *наушничество*, *ябедничество*. Въ XVI или XVII в. образовалась пословица народная: «Богъ любитъ праведниковъ, а царь любитъ ябедниковъ». Съ другой стороны, при неразвитости разума и мышленія, слухъ народный былъ особенно наклоненъ и воспримчивъ ко всякимъ баснословнымъ и суевѣрнымъ слухамъ, мифамъ и сказкамъ. «Въ небылицѣ русскихъ увѣрить легко, — замѣчаетъ Коллинсъ, — но трудно убѣдить ихъ въ истинномъ и вѣроятномъ». Ложные слухи производили бунты, создавали самозванчину, создавали мифическія страны и явленія. Разнесся, напримѣръ, въ 1705 г. слухъ, и пошла молва по торгамъ, внизъ по Волгѣ, будто запрещено будетъ играть свадьбы 7 лѣтъ, а дочерей и сестеръ велѣно будетъ выдавать замужъ за нѣмцевъ, — и въ Астрахани 29 іюля въ воскресенье сыграно было 100 свадебъ, чтобы потомъ не выдавать своихъ дѣвицъ за нѣмцевъ, а ночью вспыхнулъ большой извѣстный астраханскій бунтъ ³⁾. Разнесся слухъ, что Петръ III явился въ Заволжьи, — и разыгралась пугачевщина, и явился не одинъ самозванецъ Петръ III. Обыкновенно отдаленныя страны русской земли слухъ народный наполнялъ разными мифическими существами и сценами чудесныхъ событій. Такъ, слухъ народный разгласилъ молву, будто на сѣверѣ Россіи, мрачномъ, лѣспистомъ, суровомъ, въ отдаленныхъ печорскихъ горахъ, живетъ въ пещерѣ

¹⁾ Доп. VIII. № 45.

²⁾ Костомаровъ, очеркъ нрав. великор. нар. 16.

³⁾ Соловьевъ, Истор. Россіи XV, стр. 143.

змѣя-аспида, змѣя крылатая съ птичьимъ носомъ и съ двумя хоботами,—и про змѣю эту ходили разные баснословные и страшные слухи. Пустынные берега широкой Волги слухъ народный также оглашала разными чудесными, мифическими баснями. Ходилъ слухъ, что выше Саратова есть гора Змѣева, гдѣ обитаетъ шести-главый драконъ, налетавшій на Русь и причинявшій опустошенія. Ходилъ слухъ, будто въ низовьяхъ Волги растеть животное-растение «баранецъ», приносящее плодъ, похожій на ягненка, съ мохнатыми ногами, и проч. и проч. ¹⁾ Наконецъ, при господствѣ органа слуха надъ разумомъ и мышленіемъ, галлюцинаціи слуха народнаго были источникомъ многихъ суевѣрій. Отсюда происходили, наприм., такъ называемые святочные *подслухи* или *подслушанья*. Въ Румянцевскомъ сборникѣ 1754 года записаны, наприм., такіе древніе «подслухи»: «на роستانехъ слушаютъ, громъ слушаютъ и валяются, пса слушаютъ, слушаютъ, какъ кошка мяукаетъ, или гусь кокачетъ, утка крикаетъ», и т. п. Къ отреченнымъ книгамъ относились сборники слуховыхъ галлюцинаціонныхъ примѣтъ и суевѣрій: «*ухозвонъ, стѣнотрескъ, вранограй, трава шумитъ*, съ древу листь шумитъ» и проч. ²⁾ При «подслухахъ» всякія слуховыя галлюцинаціи принимались, и доселѣ принимаются за истину. Даль, въ своемъ сборникѣ народныхъ примѣтъ и пословицъ, приводитъ, наприм., такіе *подслухи*: «*слушаютъ дѣвки на гумнѣ: если дружный стукотокъ — итти за-мужъ въ большую семью, одинъ молотить — за одинокаго; слушаютъ подъ окнами, и по разговору заключаютъ о замужествѣ и о судьбѣ своей; подслушиваютъ у церковныхъ дверей ночью: если слышать колокольчикъ — замужество, глухой стукъ — могила*. И твердо, несомнѣнно вѣрятъ въ эти подслухи: и что скажутъ *подслухи*, того и жди», — говоритъ одна народная пословица. Самый органъ слуха, по различнымъ субъективнымъ ощущеніямъ его, такъ называемымъ въ физиологіи «звучнымъ слѣдамъ», слуховымъ галлюцинаціямъ, шумамъ въ народномъ слуховомъ проходѣ или въ барабанной полости, треску отъ сокращенія мышцы, натягивающей барабанъ и т. п., — самый органъ слуха, такимъ образомъ, служилъ источникомъ множества суевѣрныхъ примѣтъ и понятій въ народномъ міросозерцаніи. Напримѣръ, у Даля читаемъ: «что-то у меня въ ушахъ звенитъ — кто-то поминаетъ; въ правомъ ушѣ

¹⁾ Костомарова, Очеркъ пр. вел. нар. 184.

²⁾ Буслаевъ, Очерки литер. 482 — 486.

звенитъ — къ добрымъ вѣстямъ или добрый поминъ, въ лѣвомъ ухѣ звонъ — худой поминъ, у кого *ухо горитъ*; про того говорятъ: правое ухо — правду, лѣвое — ложь; *уши чешутся* — къ вѣстямъ; уши свербятъ — по новорожденномъ у знакомыхъ людей; *уши слышатъ гулъ* въ трубѣ — душа покойника пришла» и проч. ¹⁾.

Наконецъ память — этотъ нервный резервуаръ, сохраняющій въ скрытомъ состояніи въ нервныхъ аппаратахъ все данные органами чувствъ звуки, образы, слѣды и вообще всякія ощущенія, память зрительная, слуховая и осязательная, какъ тоже низшая познавательная способность, необусловливая высшаго, научно-мысленнаго интеллектуальнаго развитія. Она только сохраняла и упрочивала тотъ скудный запасъ умственныхъ представленій и ощущеній, какой вырабатывался органами чувствъ. Въ силу того, что у большинства людей, вслѣдствіе условій воспитанія ихъ чувствъ, слуховыя ощущенія несравненно сильнѣе зрительныхъ, — дѣятельность слуха находилась въ особенно-тѣсной связи съ дѣятельностью памяти, увеличивая въ ней запасъ скрытыхъ слѣдовъ, звуковъ и образовъ. Отъ этого преобладанія памяти и слуха происходило то, что изъ рода въ родъ, испоконъ вѣка, отцы и дѣды рассказывали дѣтямъ и внукамъ одни и тѣ же старыя сказанія, мифы и сказки, передавали одни и тѣ же изстаринныя, рутинныя промышленныя понятія и обычаи. Отсюда происходило это, можно сказать, всемогущее господство въ умственной жизни русскаго народа старины, стараго преданья, старыхъ суевѣрій, сказаній, пословицъ и примѣтъ. Всякое старое сказанье и преданье, всякая «старина и старое дѣянье» рассказывались «старымъ людямъ на послушанье, а молодымъ людямъ для памяти» ¹⁾. При господствѣ памяти надъ разумомъ, — память замѣняла

¹⁾ Сборн. пословицъ въ Чтен. общ. истор. И какъ вообще сильна была въ народѣ дѣятельность органа слуха — можно судить по многочисленнымъ народнымъ пословицамъ и примѣтамъ, относящимся къ слуху, каковы наприм: «слухомъ земля полнится; пусти уши въ люди, всего наслушаешься; чужихъ слуховъ не оберешься; скажешь съ уха на ухо, узнаютъ съ угла на уголъ»; «слышишь колоколъ лютеть»; — говорится о всѣхъ несбыточныхъ, выдуманныхъ слухахъ, погому что къ отливкѣ колокола, по суевѣрію пускаютъ какой-нибудь ложный слухъ, небылицу, колоколъ отливаютъ, такъ вѣсти распускаютъ (суевѣріе); стояли люди подъ колоколами, т. е. слышали; въ Москвѣ къ заутренѣ звонили, а на Вологдѣ звонъ слышали и т. п. Въ простонародьи, особенно въ Сибири, преобладаніе слуха надъ разумомъ создало страсть къ сплетничеству.

²⁾ Буслаева, Очерки литер. II, 18. 44. III,

разумѣніе, знаніе, такъ что вмѣсто: «знаю или не знаю» говорили: «помню или не помню». Высшимъ умственнымъ дарованіемъ или талантомъ считалась хорошая память, или, какъ выражаются народныя, старообрядческіе писатели, «*память важная, добрая, твердая*» и, въ особенности, память старины. Такъ, извѣстный бібліографъ или историкъ старообрядческій, Павелъ Любопытный, составившій «библіотеку старовѣрческой церкви» или бібліографію 936 сочиненій 43 старообрядческихъ писателей и «историческій словарь старовѣрческой церкви» (1828 г.) съ характеристикой авторскихъ достоинствъ 86 писателей,—о большой части старовѣрческихъ писателей отзывается такъ: «*памяти важной, памяти твердой, памяти хорошей, памяти рѣдкой, великій любитель благочестивыхъ предметовъ древности и оныхъ рѣдкій снискатель,*» или: «*рѣдкій снискатель и отличный любитель и собиратель священныхъ предметовъ древности и предковъ своихъ преданій, соборовъ, мысленій и твореній, рѣдкій и отличный собиратель священныхъ предметовъ древности и предковъ своихъ догматовъ и церковныхъ ихъ мысленій и обычаевъ*» и т. п. ¹⁾ Встарину различныя книги писали не для развитія мысли, не для расширенія знаній, а *памяти дѣля* или *памяти ради* ²⁾. Память замѣняла даже и самыя книги, а тѣмъ болѣе географическія карты и т. п. Напримѣръ Лепехинъ замѣчаетъ о поморскихъ промышленникахъ-мореходахъ: «*вмѣсто меркаторской карты служить имъ собственная ихъ память и сохраненіемъ ихъ воображеніемъ виды морскихъ береговъ, приморскихъ горъ и мысовъ*» ³⁾. Какимъ высшимъ умственнымъ качествомъ считалась хорошая память, такъ, наоборотъ, самымъ важнымъ умственнымъ недостаткомъ считался *забвенный умъ* ⁴⁾. И доселѣ народъ считаетъ память высшимъ дарованіемъ. Наприм., въ пословицахъ своихъ онъ говоритъ: «*пошли тебѣ Богъ твердую память; когда сядешь ѣсть, закрывай книгу, чтобы не заѣсть память; на себѣ шить не надо,—память пришьешь*» и т. п. Вслѣдствіе преобладанія памяти надъ разумомъ, народъ русскій испоконъ вѣка

1) Чтен. Общ. Ист. 1864 кн. 3, отд. II, стр. 1—177.

2) Наприм. одинъ писатель книгъ говоритъ: «азъ рабъ Божій недостойный, худый списахъ *памяти дѣля* царю нашему и людямъ о скончаіи евангеліа». Дополн. свѣд. къ ист. Мстисл. Еванг. Чт. Общ. 1839 кн. 3, стр. 181. См. также Памят. Стар. Рус. Лит. IV, стр.

3) Путеш. Лепехина IV, 123—192.

4) Буслаева 11, 564.

мыслилъ и жилъ «по старинѣ и пошлинѣ» или такъ, какъ «пошло изъ старины». Память старины была верховнымъ критеріумомъ и извѣковѣчнымъ хранилищемъ всѣхъ умственныхъ и экономическихъ понятій и убѣжденій. Она замѣняла всякія раціональныя, научныя основы земскихъ вопросовъ и дѣлъ. Напр., въ дѣлѣ земскаго строенія, не раціональное, геометрическое измѣреніе и межеванье земель, не геодезисты и математики-землемѣры, а такъ называемыя въ актахъ «старые добрые *памятухи*», по свидѣтельству юридическихъ актовъ, рѣшали споры о землѣ, о межахъ, о раздѣлахъ, промѣнахъ и передѣлахъ земли и т. п. Въ случаѣ споровъ о землѣ, о межахъ, *памятухи-старожильцы*, на основаніи своей старческой памяти, рѣшали дѣло. Судья обыкновенно спрашивалъ ихъ на судѣ: «какая та земля изъ старины, чья та земля»? И вотъ *памятухи-старожильцы* выступали на сцену и отвѣчали старчески-диктаторски: одинъ *памятухъ* говорилъ: «язъ, господине, *помню* за 70 лѣтъ, чья то земля», и рассказывалъ—чья; другой *памятухъ* вторилъ: «мнѣ, господине, девяносто (90) лѣтъ, и я *помню*, какая та земля изъ старины»; а третій *памятухъ* сознавался: «а язъ, господине, тѣхъ мѣстъ и не *помню*» и т. д. Не разумъ, а память управляла всѣми народными понятіями и дѣлами—административными, юридическими, семейными, техническими и торгово-промышленными. Въ Приказахъ дѣла назывались *памятями*, напр. *памяти* большого приказа, *памяти* хлѣбнаго стола, *памяти* ямскаго стола. Для памяти писались и *памятями* назывались и разныя воеводскія и вообще официальные сношенія, увѣдомленія, наказы, отписки, предписанія и т. п. *Памятями* назывались грамоты или акты о раздѣлѣ, промѣнѣ, передѣлѣ и измѣреніи земель. Точно также *памятями* назывались и разныя описанія дозоровъ и досмотровъ. Такъ какъ отцы и дѣды развивали въ дѣтяхъ и внукахъ исключительно память старины и оставляли имъ «духовныя памяти въ вѣчный поминокъ своей души», то само собою разумѣется, что семейныя понятія особенно проникнуты были памятью старины. Поэтому и всякое семейное письмо, наприм. отца къ сыну, называлось также *памятью* или *памяткой*. Наконецъ, такъ какъ и всѣ техническія и промышленныя понятія нашихъ предковъ шли, путемъ памяти и преданья, изъ старины и усваивались главнымъ образомъ памятью, то и всѣ техническія письменныя правила или руководства также назывались *памятьми*. Напримѣръ: «*память*, какъ составлять разныя

краски для иконописи и живописи» и т. д. ¹⁾ Наконецъ, *памятью* называлось и статистическое или торгово-промышленное описаніе. Напримѣръ: «*память* нѣмецкимъ всякимъ товарамъ и ефимкамъ и золотымъ, и сукнамъ и жемчугамъ и всякой рухляди, и почему на Москвѣ и почему на мурманскомъ и въ нѣмцахъ покупать и продають» ²⁾. При такомъ значеніи памяти народной, и въ московскомъ государствѣ господствующею, руководительною интеллектуальною силою была память, и именно память старины, а не разумъ. Не даромъ и сами московскіе цари любили поддерживать въ себѣ память старины, питая ее памятью столѣтнихъ стариковъ. Англійскій врачъ Коллинсъ, прожившій въ Россіи 10 лѣтъ, говорить: «царь содержитъ во дворцѣ стариковъ, имѣющихъ по 100 лѣтъ отъ роду, и очень любитъ слушать ихъ рассказы о старинѣ». Эта любовь московскихъ царей къ старинѣ и память старины была главною причиною вѣковой прочности и неподвижности старинныхъ основъ и обычаевъ московскаго государства, а также — экономическаго и умственнаго малосилія его. Управляясь не разумомъ, а памятью старины, старинными понятіями и обычаями, да поверхностными дозорами, досмотрами и слуховыми вѣдомостями, московское государство неизбежно было интеллектуально малосильно и, вслѣдствіе того, бѣдно матеріальными средствами для самостоятельнаго интеллектуальнаго и экономическаго развитія. При этомъ замѣчаніи, намъ невольно припоминаются слѣдующія слова Либиха: «если», говоритъ онъ, сравнивая государство съ организмомъ, — «если движеніями и силами государственнаго организма управляютъ, вмѣсто предусмотрительности и обдуманности, старинныя привычки въ противорѣчій съ законами природы, то сами собою проявляются слабость и недостатокъ, а вмѣстѣ съ ними бѣдность и нужда» ³⁾. Такъ точно и было въ московскомъ государствѣ. Какъ въ государственномъ, такъ и во всемъ домашнемъ быту русскаго народа память старины была главнымъ вождемъ жизни. «Всему тому есть обычай испоконъ вѣка», — говоритъ «Вождь по жизни», — «да и дѣло то не писаное, а улажено старыми людьми не даромъ, и должно вершиться безъ всякой порухи, чтобы не было на смѣхъ и позоръ» ⁴⁾. Наконецъ, и въ сферѣ работы, вслѣд-

¹⁾ Сборн. солов. библиот. № 925 № 82—86.

²⁾ Пекарскаго I, 265. Доп. VII, № 35.

³⁾ Письма о химіи II: 162.

⁴⁾ Буслаев. II, 509.

ствіе вѣковаго преобладанія памяти надъ разумомъ, надъ теоретической интеллигенціей, — народъ всегда помнилъ, и доселѣ твердо помнить старыя рутинныя промышленныя понятія и приемы, завѣщанные по наслѣдству старою памятью, «отчиной и дѣдиной» передаваемые «по старинѣ и пошлѣнѣ», сохраняемые и заучиваемые по старой памяти изъ рода въ родъ. Такъ, отцовская и дѣдовская память изъ рода въ родъ передавала и доселѣ передаетъ и сохраняетъ во многихъ провинціяхъ самыя изстаринныя ремесла и промыслы, во всей ихъ извѣковѣчной, первобытной стереотипности. Еще въ прошломъ столѣтіи извѣстный русскій историкъ Болтинъ, опровергая замѣчаніе Леклерка, что въ Россіи почти нѣтъ своихъ русскихъ мастеровъ и ремесленниковъ, писалъ: «причиною тому, что въ Россіи многіе провинціи *искони* упражняются въ одномъ промыслѣ, частію *привычка съ малолѣтства къ промыслу или ремеслу, которымъ отцы и дѣды кормились*» ¹⁾. Въ частности, напримѣръ, жители села Дунилова (1,500 д. об. п.), владимірск. губшуйскаго уѣзда, еще въ XVII вѣкѣ занимались скорняжествомъ и въ отдаленныя времена извѣстны были своей торговлей мѣхами и шкурами не только въ Россіи, но и въ Польшѣ и въ Бѣлоруссіи, и до нынѣ они занимаются также преимущественно скорняжничествомъ, и торговли шкурками у нихъ тоже до сихъ поръ не упала: они ежегодно выдѣлываютъ до 70,000 шкуръ на 150,000 р. ²⁾. Во владимірской же губерніи, во многихъ селахъ, жители еще въ XII вѣкѣ были каменщики и кирпичники, и въ XIX столѣтіи они остаются, по старой памяти, каменщиками и кирпичниками: изъ нихъ однихъ каменщиковъ въ настоящее время считается до 10,000 ³⁾. Такимъ образомъ старина и неподвижность мысли изъ вѣка въ вѣкъ держали русскаго человѣка на одномъ уровнѣ экономическаго труда и величайшей бѣдности. Прошли цѣлыя столѣтія, вымерли сотни поколѣній, а народъ, жившій одними внѣшними впечатлѣніями, въ тѣсной сферѣ чисто-внѣшняго опыта, не двинулся впередъ ни на одинъ шагъ, и въ XIX вѣкѣ также бѣденъ и малосмысленъ, какъ былъ бѣденъ и малосмысленъ въ XII-мъ.

А. Щаповъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Замѣч. на ист. Леклерка.

²⁾ Географич. Словарь г. Семенова II, 144.

³⁾ Георг. Слов. I, 484.

1868

ИСТОРИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАГО РАЗ- ВИТІЯ ВЪ РОССІИ.

(Окончаніе).

Въ предъидущей статьѣ мы доказали, что вслѣдствіе вѣковаго преобладанія физической работы народа надъ дѣятельностью интеллектуальной, познавательная дѣятельность низшихъ способностей — виѣшнихъ чувствъ и памяти — господствовала надъ логическою, рacionalesною силою высшаго, теоретическаго интеллекта, надъ силою чистаго разума или мышленія. Въ слѣдующей главѣ мы подробно рассмотримъ весьма важныя и ощутительныя послѣдствія этого вѣковаго господства чувствъ надъ разумомъ и вѣковаго отсутствія въ умственной исторіи русскаго народа предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго историческаго развитія мыслительныхъ способностей народа и рacionalesно-мыслящаго класса. Тамъ же раскроемъ, въ частности, и причины этого многозначительнаго факта. А здѣсь скажемъ еще, во-первыхъ, о вліяніи на умственные направленія народа патологическихъ проявленій виѣшнихъ чувствъ, и во-вторыхъ — объ отношеніи непосредственно-натуральнаго, народнаго сенсуализма къ естественно-научному реализму.

Во времена вѣковаго господства виѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ, при отсутствіи всеобщей, теоретической самодѣятельности мышленія и при распространеніи и укорененіи въ народѣ византійскаго супранатуральнаго умонастроенія и міросозерцанія, — въ народѣ русскомъ не только не развивалось рacionalesное мышленіе, рacionalesное разъясненіе вещей или явленій физическаго и нравственнаго міра, но развивалось и господствовало сенсуально-галлю-

цинаціонное умонастроєніе и міросозерцаніе. При отсутствіи раціональной, разсудочной мыслительности, субъективныя ощущенія, фантазмы и галлюцинаціи чувствъ были неизсякаемымъ источникомъ не только всякаго волшебства и чародѣйства, но и всякихъ мистическихъ видѣній, ощущеній и суевѣрныхъ представленій. Ненормальность, ложность такого патологическаго, сенсуально-галлюцинаціоннаго умонастроєнія невѣжественнаго народа признавали и нѣкоторые лучшіе духовные учителя древней Россіи. Патологическія проявленія органовъ внѣшнихъ чувствъ, и въ особенности галлюцинаціи зрѣнія и слуха въ древней Россіи были такъ часты и многими столь безразсудно выдавались за сверхъестественныя обаянія и видѣнія, что благоразумные духовные учителя, какъ наприм. Кирилль Бѣлозерскій, поучали распознавать и различать эти патологическія и субъективныя ощущенія, фантазмы и галлюцинаціи чувствъ и, въ частности, зрѣнія, «яко *смотрительныя*, а не обдержанныя». Въ сборникѣ рукописей Кирилла Бѣлозерскаго съ этою цѣлю написано, наприм., объясненіе «о суетныхъ откровеніяхъ и бѣсовскихъ мечтаньяхъ и знаменьяхъ и чудотвореніяхъ сатанинскихъ», и замѣчено: «таковыхъ бо и паки подобныхъ бываемыхъ, яко юродство, и прочіе подобныя *образы*, еже нѣщцы отъ отецъ сдѣяша, нынѣ возбраніша та отцы, яко *смотрительныя*, а не обдержанная, да небываютъ» ¹⁾. Темный народъ, усвоивъ мистическія идеи восточно-византійскаго міросозерцанія, ими старался объяснить все, что въ сферѣ реальнаго міра превышало естественныя границы или реально-познавательную сферу чувствъ. Патологическія проявленія нервной системы, субъективныя ощущенія, фантазмы и галлюцинаціи чувствъ онъ принималъ за «чудесныя видѣнія», за боговдохновенныя ощущенія, за сверхъ-естественныя явленія и представленія. При сильномъ развитіи въ древней Россіи пустынножительства, особенно часто страдали такъ называемыми «галлюцинаціями пустыни» ²⁾. Въ пустыняхъ видѣли разныя «*чюдныя видѣнія*», наприм. «женѣ въ багряной ризѣ одѣянныхъ, неизрѣченнымъ свѣтомъ сіящихъ, на сосновой колодѣ сидящихъ въ пустынѣ» ³⁾. Въ галлюцинаціяхъ зрѣнія, въ пустынѣ видѣли необычайныя физическія и сверхъ-естественныя явленія и слышали чудесные голоса: «нѣкогда видѣхъ,—

¹⁾ Обзор. рукопис. Кирилла Бѣлозер. Чтен. Общ. 1862 кн. 2, отд. V, стр. 49.

²⁾ См. у Будена въ «Медицинск. Географіи» о «Галлюцинаціи пустыни».

³⁾ Сборн. Солов. библ. № 837, л. 97—98.

говорить одинъ пустынножитель,—язъ грѣшный умными очима облакъ темень, и начать быти красенъ, и спаде, и начать гремѣти, и обхожаше околи то мѣсто попялая и очищая островъ. Нѣкогда видѣхъ знаменіе стоящу ми на полѣ чистѣмъ и видѣхъ показующе ми нѣкто незнаемъ перстомъ на небо: зри, — и видѣхъ чрезъ небо свѣтлу лучу свѣтовидну, яко радуга, и мало помедливъ паки глаголаше: воззри на небо,—и видѣхъ образъ Христа Бога нашего и Пречистую Богородицу и св. пророка Ивана. Мнѣ же чудящему о семъ, и паки рече: зри на небо, и видѣхъ нерукотворенный образъ великъ зѣло, во все небо» и проч. ¹⁾ Въ лѣсахъ видѣли «демоновъ лѣсныхъ» и слышали ихъ «колоколець». Галлюцинаціямъ слуха придавали такое же сверхъестественное значеніе, какъ и галлюцинаціямъ зрѣнія. Въ лѣсахъ часто слышали звонъ колокольный и пѣніе сладкогласное, тогда какъ ни колоколовъ, ни пѣвцовъ не видали. «Человѣкъ нѣкто именемъ Селиша, старъ сый, Изборскаго града, повѣда сицеву вѣсть,—читаемъ въ одной древней повѣсти:—нѣкогда ми рече, ходящу съ отцемъ моимъ на ловы звѣрины въ пустыню, бѣ та пустыня велика и лѣсъ прилежалъ въ томъ мѣстѣ, и лучися намъ прійти на край горы, и слышахомъ гласы прекрасны поющихъ и благочинны, *гласы и бо слышахомъ, а поющихъ же не видѣхомъ*» ²⁾). Точно также мистически объяснялись и галлюцинаціи или субъективныя ощущенія обонянія. Наприм. въ одной древней повѣсти сказано: «изобрѣтше мѣсто, Вежища зовомо, лѣсъ точію имущъ и болота и ино ничтоже, и якоже пріидоша до мѣста того, *слышаху благоуханіе нѣкое въ мѣстѣ томъ и помыслиша не просто быти вещь*» ³⁾). Показаніямъ чувствъ, хотя бы то галлюцинаціоннымъ, приписывалась достовѣрность свидѣтельства, особенно если они подтверждались аналогическими свидѣтельствами византійскихъ источниковъ или лѣтописей. Органы чувствъ признавались достовѣрными свидѣтелями даже въ дѣлахъ сверхъчувственныхъ или сверхъестественныхъ. Наприм., въ 1624 году, въ сѣверномъ Поморѣ, въ двинской области, по указамъ царя Мих. Федоровича, московск. патр. Филарета и новгородскаго митропол. Макарія, производился всеобщій земскій розыскъ о принесенныхъ на морской берегъ мощахъ яренгскихъ чудотворцевъ

¹⁾ Собрн. Солов. библ. № 925, л. 148, 152.

²⁾ Повѣсть о Печерск. монастырѣ въ Псковской землѣ. Собрн. Солов. Библ. № 857, л. 120—121.

³⁾ Памятн. Стар. Рус. Литер. IV, 17.

Іоанна и Логгина. Допрашивали всѣхъ мѣстныхъ земскихъ людей, и всѣ единогласно свидѣтельствовали, полагаясь только на память, слухъ и зрѣніе. Одни говорили: «*слышали* мы отъ отцовъ своихъ, *слышали* отъ старыхъ людей, что мощи чудотворцевъ Ивана и Логгина принесены съ моря, Иванъ чудотворецъ взятъ съ Сяргы рѣки, а Логгинъ взятъ съ морскаго сосноваго берега, а лѣтъ мы не упомянемъ, въ которое время принесены, а про чудеса отъ многихъ людей слышимъ: то наши рѣчи». Другіе говорили: «сколь давно яренгскіе чудотворцы Иванъ и Логгинъ проявились, и откуда ихъ мощи съ морскаго берегу въ Яренгу принесены,—*памятуховъ* у насъ тому нѣтъ; а про чудеса, сколь давно отъ нихъ учала проща и чудеса быть, и они отъ старыхъ людей *слышали*, что лѣтъ съ 60 и больше чудеса и проща учали быть: то наши рѣчи». Третьи, полагаясь на свое зрѣніе, свидѣтельствовали: «въ *привидѣніи* очи *вспѣ* видѣли мы ихъ явленіе, видѣли Ивана чудотворца, изъ часовни смотреть онъ государь чудотворецъ Иванъ сквозь окончину, и не единожды видѣли, а видѣніе то видѣли во 122 (1614 году)». Наконецъ, старики столѣтніе, *старые памятухи*, полагаясь исключительно на свою память, свидѣтельствовали, что они помнили лѣтъ за 70 и 80, какъ начали быть проща и чудеса» ¹⁾. Такъ какъ византійское ученіе не имѣло своей задачей (что увидимъ дальше)—развивать въ народѣ рациональное мышленіе,—то темный народъ всяко перетолковывалъ его по своему и выводилъ изъ него всякія своеобразныя понятія. Внѣшне-обрядовое, чувственно-образное восточно-византійское міросозерцаніе, въ этомъ отношеніи, особенно гармонировало съ восточнымъ чувственно-образнымъ устроениемъ русскаго народа. При господствѣ чувствъ надъ разумомъ, самое созерцаніе церковно-обрядовой внѣшности, иконъ и т. п., въ противность ученію православной церкви, возбуждало въ грубомъ и суевѣрномъ народѣ разныя суевѣрныя и ложныя представленія. Наприм., народъ видѣлъ въ церквахъ писавшійся по византійскимъ иконописнымъ подлинникамъ «образъ огненнаго восхожденія св. пророка Іліи», о которомъ въ иконописныхъ подлинникахъ замѣчено: «образъ огненнаго восхожденія св. пророка Іліи—чудотворный, на праздникъ его огонь сходилъ съ небесъ, и окрестъ образа пламень видимъ былъ чловѣкамъ». Въ тоже время народъ слышалъ въ церквахъ пѣснь: «Ілія возгремѣвый на огненной колесницѣ», и слышалъ поученіе, въ которомъ пророкъ Ілія назывался

¹⁾ Сборт. Солов. библ. № 182.

«огненоснымъ и тученоснымъ облакомъ, небопарнымъ орломъ, огненоснымъ пророкомъ, шествующимъ на огненныхъ коняхъ» и т. п. ¹⁾. И вотъ, не понявши всего этого восточно-тропическаго изображенія или оборота рѣчи, темный народъ составилъ представленіе, что Илья пророкъ производитъ громъ и молнію, разѣзжая по небу на огненной колесницѣ, не смотря на то, что церковные учителя, подобные Кириллу Бѣлозерскому, не раздѣляли подобнаго представленія народа, а знали ученіе о громѣ Галена. Точно также, подъ вліяніемъ византійскихъ иконописныхъ подлинниковъ, въ народѣ развилась и укоренилась религіозная санкція бороды и древней одежды. Народъ постоянно созерцалъ, наприм., такія древнія священныя изображенія, писавшіяся съ строгимъ соблюденіемъ правилъ византійскихъ иконописныхъ лицевыхъ подлинниковъ: «Авксентій русь, какъ Козьма, борода не велика, риза верхняя багоръ, средняя празелень, исподняя вохра; великій князь муромскій Константинъ — надсѣдъ, кудреватъ, брада поуже Власіевы, и подолъ, на двое, шапка на главѣ, шуба на немъ багоръ, омахи куны»; или: «благовѣрный князь Михаилъ тверской — брада по Власіеву, шапка на главѣ, шуба на немъ лазоръ, исподъ багоръ, отворотъ куней» и т. п. Иконописныя лицевыя подлинники, подробно описывая такимъ образомъ волосы, и особенно бороду и одежду какъ восточныхъ, такъ и русскихъ святыхъ, въ тоже время строго предписывали соблюдать эти изображенія бороды и одежды ²⁾. Кромѣ того, народъ постоянно созерцалъ на иконѣ страшнаго суда сонмы праведниковъ — *«всеи имущи брады»*, и слышалъ такое поученіе, повторявшееся и въ подлинникахъ: «взирайте часто на икону страшнаго втораго Христова пришествія, и видите праведныя — *всеи имущи брады*, на шуй же стоящія бесермени, и еретики, люторы и поляки и иные подобные — *брадобритвенники*, тоцію имущи едины усы, яко имуть кошки и псы» и проч. ³⁾. И вотъ постоянно созерцая такіе лики святыхъ съ брадами, въ древнихъ и священныхъ образцахъ одѣянья, и слыша строгую заповѣдь — во всемъ подражать имъ, — народъ до того усвоилъ эту религіозную санкцію бороды и древней одежды, что послѣ поднялъ изъ-за этого расколъ и бунты. Вообще, вслѣдствіе вѣковаго преобладанія виѣш-

¹⁾ Сборн. Солов. библ. № 804, л. 219—223. Буслаева II, 377.

²⁾ Буслаева, Истор. Очер. Рус. народ. Словеси. и Искусства II, 345, 347, 351, 352, 424 и др.

³⁾ Буслаева II, 235.

нихъ чувствъ надъ разумомъ, отъ смѣшенія византійскаго и народнаго чувственно-образнаго міросозерцанія, въ народѣ до того развилось и укоренилось чувственно-образное умонастроение, что въ концѣ XVII и въ XVIII столѣтіи онъ хотѣлъ видѣть даже самаго Христа, Саваофа, Богородицу и всѣ таинственныя церковныя изображенія въ непосредственно-чувственной наглядности и осязаемости, въ живыхъ лицахъ и образахъ. Напримѣръ, когда расколъ, раздробившись на сотни разногласныхъ толковъ, растерялся и не зналъ, чему и какъ вѣровать и поклоняться,—многіе суевѣры, «собираясь на одно мѣсто», стали молиться: «Господи, Господи, явися намъ, Господи, *въ крестъ или въ образъ, чтобы было чему молиться или впровати*». И вотъ, пользуясь чувственно-образнымъ умонастроеніемъ суевѣрной толпы, явились самозванцы-саваофы и христы, и возникла секта людей божіихъ и скопцовъ, которая стала созерцать Саваофа, Христа и Богородицу въ живыхъ лицахъ простыхъ мужиковъ и бабъ, и все невидимое, сверхчувственное стала воплощать въ видимыя, осязательныя, чувственныя формы, или, какъ сектанты сами выражаются, *показывать въ натурѣ*. Такъ, люди Божіи говорятъ, что образецъ круговаго радѣнья взять ими съ какого-то древняго лицеваго, нагляднаго изображенія, на которомъ представлены стоящіе въ кругу ангелы и посреди ихъ Христосъ съ овцой въ рукахъ; по краямъ картины изображены евангелисты и апостолы съ разными музыкальными инструментами; подпись на картинѣ: «ликовствованіе». Люди божіи говорятъ, что «какъ на небеси ангелы, такожде и человѣцы да творять на земли, и что *все оное изображеніе должно показать въ натурѣ*». И они показываютъ его въ натурѣ, въ своихъ *ликованьяхъ* и радѣньяхъ, во время которыхъ экзальтируются до галлюцинаціонныхъ видѣній разныхъ образовъ и явленій и до галлюцинаціонныхъ слышаній разныхъ сверхъестественныхъ голосовъ, на основаніи которыхъ пророки и пророчицы, въ галлюцинаціонномъ экстазѣ, пророчествуютъ до умоизступленія.

Развитіе такого сенсуально-галлюцинаціоннаго и сверхчувственного умонастроенія народа при господствѣ чувствъ надъ разумомъ, было особенно вредно для народнаго умственного развитія и направленія при тѣхъ патологическихъ особенностяхъ и явленіяхъ народнаго умонастроенія, которыя столь обычны были въ древней Россіи и также неизбѣжно отзывались на умственной жизни русскаго народа, неизбѣжно парализировали и ослабляли его интеллектуальныя силы. Замѣчено, что сѣверныя, холодныя страны

вообще способствуютъ развитію нервныхъ страданій. Такъ, въ 1841—1842 г. въ сельскихъ мѣстностяхъ центральной Швеціи замѣчена была болѣзнь, обнаруживающаяся въ корчахъ, спазмахъ и въ экстазѣ. Одержимые ею воображали и рассказывали, что они будто бы видѣли разныя божественныя, сверхъестественныя явленія, получали свыше разныя откровенія, и чувствовали экстатический, болѣзненный позывъ къ проповѣдничеству и пророчеству. Не даромъ и вообще на сѣверѣ Европы больше являлось такихъ людей, какъ Сведенборгъ и т. п. Точно также въ Россіи и Сибири всѣ сѣверные народы отличаются особенною, болѣзненною нервно-сенсуальною раздражительностью. Георги, наприм., говоритъ о самоѣдахъ и другихъ сѣверныхъ племенахъ: «многіе, а особливо изъ женщинъ, чрезвычайно пугливы. Когда такіе люди испугаются, или нечаянно увидятъ нѣчто страшное, и такъ далѣе, то бывають такъ, какъ и лопарскія женщины, виѣ себя, и приходятъ опять въ чувство не скоро и при большой слабости. Иные не могутъ терпѣть свисту, нечаяннаго къ нимъ прикосновенія, да и самаго малаго шуму и стуку, и отъ того становятся бѣшены. Это свойственно имъ обще съ остяками, тунгусами, якутами и всѣми въ ближайшихъ къ сѣверу мѣстахъ живущими народами; почему и надобно искать тому причины въ мѣстоположеніи и суевѣрныхъ страшилищахъ, которыми пугають ихъ съ самаго младенчества».

1) Точно также, и въ народѣ рускомъ, особенно въ сѣверно-поморскихъ областяхъ, искони замѣчалось особенное развитіе нѣкоторыхъ нервныхъ страданій и припадковъ. Послѣ эпидемическихъ и столь свойственныхъ нашему климату геморроидальныхъ болѣзней,—въ древней Россіи весьма обыкновенны были болѣзни нервныя, припадки эпилептическіе, каталептическіе и истерическіе 2) Болѣзни эти имѣли разныя народныя наименованія, какъ напримѣръ: камчугъ, френъчугъ, бѣснованіе, головная болѣзнь, разслабленіе, забытѣе ума, болѣзнь умомъ, лишеніе ума, трясеніе, икота и проч. Особенно много было въ древней Россіи *«бѣсноватыхъ и больныхъ умомъ»*. Наприм., по одному сказанію, изъ 92 болѣзненныхъ случаевъ, было 13 человѣкъ бѣсноватыхъ, 22 «больныхъ умомъ», тогда какъ прочими болѣзнями страдали только отъ 1 до 6 человѣкъ. По другому сказанію, изъ 20 разныхъ больныхъ, 4 человѣка были «больны умомъ» или «смятены умомъ»

1) См. Георги, описан. народовъ. Спб. 1799 г. ч. III, стр. 5—6.

2) Костомарова, 191.

«въ забытіи и разслабленіи ума», тогда какъ на другія болѣзни приходится только по 1 человѣку. ¹⁾ Или изъ 17 больныхъ, упоминаемыхъ въ повѣсти объ Евфросинѣ псковскомъ, 4 человѣка были сумасшедшіе. Принадки сумасшествія были страшныя ²⁾. Весьма часты были принадки эпилепсін, особенно между женщинами. А если вѣрны наблюденія и выводъ Эскироля, что изъ 339 эпилептическихъ женщинъ 289 были умалишенные, т. е. $\frac{4}{5}$, то не удивительно, что при сильномъ проявленіи въ древней Россіи принадлежовъ эпилептическихъ, особенно между женщинами, такъ часты были и разныя проявленія сумасшествия. Особенно часто являлись болѣзненно-экзальтированныя дѣвицы и женщины. Страдая разстройствомъ нервовъ и галлюцинаціями чувствъ, онѣ ходили по улицамъ городовъ и рассказывали про разныя видѣнія. Наприм., въ лѣто 1499-е ходила дѣвица въ Ростовѣ изъ-за озера именемъ Гликерія, и сказывала, что явился ей Ілья пророкъ да св. мученица Параскева пятница, и потомъ восхищена бысть невидимою силою и мнящися быти ей на небеси, и видѣла пречистую Богородицу, и по двою дни паки явилась ей и говорила, чтобы люди молилися Богу, а матерно бы не бранились и страшными бы клятвами не клялися, церкви бы

¹⁾ Повѣсть о Прокопѣ Устюжскомъ. Собрн. слов. библиот. № 826.

²⁾ Кстати считаемъ не лишнимъ замѣтить здѣсь, что для исторіи народныхъ понятій, особенно медицинскихъ, не лишнее было бы собрать изъ древнихъ источниковъ всѣ свѣденія о народныхъ болѣзняхъ, а также и о способахъ ихъ леченія. Относительно болѣзней немаловажный источникъ свѣденій представляютъ древнія народныя сказанія и повѣсти о чудесахъ русскихъ святыхъ, сопровождающія обыкновенно жизнеописаніе каждаго русскаго святого. Здѣсь упоминаются, напримѣръ, такого рода болѣзни: болѣзнъ умомъ или боля умомъ, смятенъ умомъ, одержимъ лихою болѣзнію щепотою, имѣя у правы руки три персты въ длни отъ роженія, очная болѣзнъ, слѣпота очная, дѣвица больна главою и очима лѣто едино, падучая болѣзнъ, огненная болѣзнъ, огница, студеная болѣзнъ, ползая на колѣняхъ 12 лѣтъ, 12 лѣтъ глуха жена, забытіе ума, безъ очей полтора года, разслабленіе, росла утроба, имѣлъ сухую руку, ноги скорчены, больна бѣ сердечною болѣзнію, болѣзнъ бѣ гортанью и языкъ отнялся, зубная болѣзнъ (часто), болѣзнъ огневая и ума изступленіе 9 недѣль; небреженіемъ своимъ въ постъ рождества христова за недѣлю до праздника пихъ вино и отъ сего весьма изнемогъ тяжкѣ очною болѣзнію и всею главою, врачевался отъ нѣкоего человѣка быліемъ и ничтоже успѣ, но напаче въ горшакъ впадохъ, потече изъ гортани моя кровъ, не уставная, яко вода во всю ночь ону: азъ же призывахъ убо и пныхъ врачей, но и отъ тѣхъ также ни единыя пользы обрѣтахъ. (Собрн. Сол. библ. № 182)

украшали и милостыню бы творили невозбранно ¹⁾. Въ XVI вѣкѣ сумасшедшихъ или галлюцинирующихъ пророковъ и особенно пророчицъ являлось такое множество, что столбавый соборъ просилъ царя, чтобы онъ велѣлъ жителямъ гонять ихъ отъ себя. То были преимущественно старыя дѣвки: онѣ бѣгали босыя, тряслись, падали, коверкались, бились, и такимъ образомъ приходили въ экстазъ и экзальтировались до галлюцинацій и предсказывали будущее, возвѣщая народу разныя заповѣди, въ родѣ слѣдующихъ: «бабы не прядите и печей не топите по средамъ и по пятницамъ: святые апостолы и святая пятница намъ являлись и не велѣли». Въ 1641 году, въ сѣверномъ поморьи, вдругъ въ нѣсколькихъ волостяхъ, многія женщины помѣшались на мысли «о богомерзкомъ табакѣ»; имъ стали мерещиться галлюцинаціонныя видѣнія Спаса, Богородицы и «Каменія огненнаго, спадающаго съ неба», и въ галлюцинаціяхъ слуха имъ слышался голосъ свыше, повелѣвавшій «росписы росписывать и разсылать по всѣмъ городамъ и по погостамъ и по волостямъ, чтобы православные христіане отнюдь табакъ не пили, а будетъ стануть пить табаку, за ихъ непослушанье будетъ на землю каменія много испущено» ²⁾. Очень часто въ разныхъ мѣстахъ появлялись бѣснующіяся и кликуши. Особенно много ихъ было на поморскомъ сѣверѣ: въ бѣшенствѣ онѣ, по словамъ одного сказанія, «поревыхуся въ огонь и въ воду, ихъ связывали, затворяли въ особыхъ храминахъ, у которыхъ двери извну заклепывали», и онѣ все-таки вырывались оттуда; когда вели ихъ въ церкви на молебны, онѣ на молебнахъ боролись съ державшими ихъ людьми, пять человѣкъ едва сдерживали одну изъ нихъ; во время чтенія евангелія «начнутъ усты своими нелѣпая глаголати и дивьячитися къ окружающимъ ихъ, какъ невозможно сказати; и начнутъ трепетати и на плечи держащихъ вскакати и невозможно плевати въ людей» ³⁾. При вѣковомъ господствѣ виѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ и мышленіемъ, и при сильномъ укорененіи и своеобразномъ пониманіи народомъ восточно-византійскаго, чув-

¹⁾ Лѣтописецъ вкратцѣ русск. земли. рукоп. проф. В. Н. Григоровича № 36—37.

²⁾ Собрн. солов. библ. № 925 л. 35—45.

³⁾ Собрн. Сол. библ. № 182. Вообще о бѣснующихся женщинахъ ходили изустныя и письменныя повѣсти самыя мрачныя и самыя фантастическія. Особенно замѣчательна повѣсть о Соломонѣ священнической дочери. См. пам. стар. рус. литер. 1, 150—167.

ственно-образнаго и сверхчувственного міросозерцанія, — особенно рѣзко и часто выдавались патологическія явленія въ нервной сферѣ чувствъ—галлюцинаціи зрѣнія, слуха, осязанія и обонянія, и всегда обыкновенно съ оттѣнкомъ мистическаго направленія. Вслѣдствіе галлюцинацій зрѣнія и слуха, подъ вліяніемъ супранатуральнаго міросозерцанія, — видѣли, какъ мы сказали уже, всякія сверхчувственные видѣнія, слышали всякія сверхчувственные голоса. Разказами объ этихъ галлюцинаціонныхъ видѣніяхъ и слышаніяхъ наполнены древне-русскія легенды о чудесахъ, особенно легенды сѣверно-поморскія. Особенно часто бывали, какъ мы видѣли, «галлюцинаціи пустыни», случавшіяся особенно въ сѣверо-восточныхъ лѣсныхъ пустыняхъ. Вотъ идетъ, наприим., въ пустынь сѣверно-поморской отшельникъ, простолюдинъ, почерпнуть воды въ рѣкѣ Хозюгѣ,—и вдругъ видитъ «на берегу лежитъ женщина въ червленной ризѣ, аки мертва», и думаетъ откуда бы она могла явиться сюда, ни откуда нѣтъ дороги въ пустыню,—а оказывается въ дѣйствительности, что то колода, — «дерево гнило» Въ той же пустынь, пастухъ видитъ «аки древо слонящееся нѣкое»—страшнаго человѣка, слышитъ «колоколець» и видитъ «демона лѣснаго», борющагося съ Никодимомъ Кожеезерскимъ ¹⁾. Въ 1594 году одинъ поморскій крестьянинъ съ Подвинья, изъ мѣстечка Конецъ-Горье, рассказывалъ про себя: «во время страдное, шолъ я въ лугъ на пожню сѣно косить, и пришелъ къ озерку, и отъ солнечнаго зноя хотѣлъ купатися, и влѣзь купатися въ озерко, и былъ въ изступленіи ума, и началъ бѣгать по лугамъ и по лѣсу, и нѣкоторые отъ сосѣдъ нашихъ видѣли и поймали меня, связали и привели домой, и стеклись родители и ближніе мои, и не было отъ меня отвѣта къ нимъ, такъ они то сказали мнѣ послѣди,—и я увидѣлъ около себя чловѣка какъ древіе велико слонящееся, и посреди ихъ увидѣлъ страшнаго нѣкогого и не лѣпаго образомъ, грозящаго на меня и хотѣвшаго меня поглотить, и внезапно пришелъ свѣтъ и освѣтилъ меня, и явился мнѣ чловѣкъ свѣтозарный взоромъ и доброзрачный лицомъ, и саномъ украшенный, съ черной бородой, и сказалъ мнѣ: Яковъ, не бойся мрачнаго и темнообразнаго демона! И послѣ того видѣнья пришелъ я въ умъ, и родители мои и бывшіе тутъ люди спрашивали меня, съ кѣмъ я говорилъ, и я сказалъ имъ бывшее, что видѣлъ и слы-

¹⁾ Сборн. № 182.

талъ.» ¹⁾ Галлюцинаціи зрѣнія и слуха особенно часты и сильны были въ болѣзняхъ. Наприм., одна поморская женщина изъ Ненокцаго усолъя говорила: «была я въ Лямецкомъ погостѣ въ 99 (1591) году въ черномъ недугѣ три года, и въ *привидѣніи очивѣсть* пришелъ ко мнѣ человекъ незнаемъ и далъ мнѣ просфору съѣсти, и сказалъ: «завѣчайся итти въ яренгу!» ²⁾ Изъ того же Ненокцаго усолъя одинъ крестьянинъ говорилъ: «лежалъ я въ болѣзни огневой и *ума изступился* во 128 (1620) году на девять недѣль, и лежачи въ *видѣніи видѣлъ я*: въ вечеру при огнѣ пришелъ ко мнѣ человекъ незнакомый и говорилъ мнѣ: для чего ты лежишь, а не молишься» и проч. Вообще, больные въ *изступленіи ума, видѣли* разныхъ «необыкновенныхъ и незнакомыхъ» людей и слышали отъ нихъ разныя «завѣчанія», клонившіяся большею частію къ ихъ выздоровленію. При чрезмѣрномъ распространеніи болѣзни пьянства, — весьма часто сходили съ ума вслѣдствіе припадковъ *alcoholismus chronicus* или *delirium tremens*. Наприм., изъ 17 больныхъ, упоминаемыхъ въ повѣсти о чудесахъ Евфросина псковскаго, 4 человека были больны сумасшествіемъ, и двое изъ нихъ сошли съ ума отъ пьянства. Наприм., объ одномъ сумасшедшемъ сказано: «Случися ему пьянственнымъ недугомъ объяту бывшу безъ воздержанія, и вииде въ него нечистый духъ, ума ему изступившу, и не подобныя глаголющу не токмо человекамъ, но и Богу и святымъ: не онъ бо глаголюще, но живой въ немъ бѣсъ глаголаше». О другомъ сумасшедшемъ замѣчено: «нача пити, и ума изступилъ, и нача бѣсноватися и нелѣпѣ глаголы странны глаголаше». Вообще, подобными патологическими фактами преисполнены древне-русскія повѣсти о чудесахъ и видѣніяхъ ³⁾. Иногда въ селахъ и на посадахъ являлось вдругъ по нѣсколько человекъ, страдавшихъ нервнымъ разстройствомъ и галлюцинаціями. Предки наши не могли понимать различныхъ психиатрическихъ и патологическихъ явленій нервной системы, и объявляли ихъ порчей, называли неопредѣленно «различными всякими совѣстями» и т. п. Наприм., въ одной челобитной XVII в. (1665 или 1671 года) читаемъ: «бьютъ челомъ и являютъ сироты твои, государевы, Шун посаду земскій староста, и во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто: волею Божіею и за умноженіе грѣховъ ради нашихъ, въ Шуѣ на посадѣ объявляются грѣш-

¹⁾ Собрн. сол. библ. № 172.

²⁾ Ibid.

³⁾ Пам. стар. р. лит. IV, 106—117.

ные люди, порченые мужеска и женска полу, различными всякими совѣстми мучимы бываютъ, иные на свадьбахъ, а иные невѣдомою статью, и мучатся многое время, и отъ чего какія вражія совѣсти чинятся, и того намъ, сиротамъ, невѣдомо» ¹⁾.

При столь частыхъ въ древней Россіи нервныхъ болѣзняхъ и вообще патологическихъ проявленіяхъ народнаго умонастроенія, — могло ли быть вполне здорово интеллектуальное развитіе русскаго народа. Не даромъ умственная исторія его исполнена самыми патологическими проявленіями и галлюцинаціями органовъ чувствъ, воображенія и мысли, самыми мрачными умственными заблужденіями, которыя сильно задерживали и доселѣ задерживаютъ интеллектуальное развитіе русскаго народа, парализируя и разстраивая его умственные силы. Чтобы объяснить многія мрачныя явленія въ умственной жизни русскаго народа, какъ, наприм., необыкновенное развитіе галлюцинацій волшебства и кудесничества, а также нѣкоторыя сумасбродныя секты раскола, равно какъ экзальтированныя проявленія масонства и т. п., намъ кажется, надобно обратить вниманіе на фізіологію и патологію умственной исторіи русскаго народа. Можно положительно сказать, что многія, самыя мрачныя умственные направленія и заблужденія нашего народа, особенно простонародья, имѣютъ источники свои въ первомъ патологизмѣ, ведутъ начало свое отъ галлюцинаторовъ и сумасшедшихъ, являвшихся въ видѣ волхвовъ, чародѣевъ и кудесниковъ, въ видѣ расколуучителей и т. п. Темный народъ, не понимая истинныхъ причинъ этихъ болѣзненныхъ явленій человеческого организма, принималъ ихъ за необыкновенныхъ, боговдохновенныхъ людей, за пророковъ и учителей, даже за христовъ, саваофовъ и богородицъ, — и такимъ образомъ галлюцинаціи ихъ и сумасшедшія заблужденія и бредни распространялись и укоренялись въ непонимающемъ и суевѣрномъ народѣ, какъ новыя ученія, какъ истина, вдохновенная свыше. Вотъ, напримѣръ, въ XVII вѣкѣ, въ эпоху сильнаго нервно-экзальтированнаго возбужденія и напряженія раскольниковьяго умонастроенія въ народѣ, возникла, и въ первой половинѣ XVIII столѣтія особенно свирѣпствовала секта самосожигальщиковъ и морельщиковъ. Фанатическая горячность и экзальтація расколуученія и потомъ страхъ жестокихъ гоненій разстраивали нервы расколуучителей-энтузіастовъ, — и они, въ ум-

¹⁾ Акты Шуй. Чтен. Общ. Ист. 1860 кн. 3 отд. V, стр. 21, актъ 17.

ственнымъ разстройствѣ и сумасшествіи, дошли до сумазбродной идеи самосожженія и самоумерщвленія. Сѣверный, холодный климатъ, кажется, еще болѣе способствовалъ развитію такого нервнаго разстройства. Въ западной Сибири, въ тобольскомъ уѣздѣ, нѣкоторыя монахини, послѣдовательницы секты самосожигальщиковъ, бились о землю, тряслись и экзальтировались до галлюцинаціоннаго видѣнія отверстыхъ небесъ и т. п.: «въ тобольскомъ уѣздѣ, — читаемъ въ актахъ, — въ пустыни у старца Данила, проповѣдывавшаго самосожигательство, наученіемъ сатанинскимъ старицы и дѣвки бились о землю, и говорили онѣ въ то время какъ бились, что видѣли пресвятую Богородицу и небо отверсто, ангелы вѣнцы держать тѣмъ людямъ, которые въ той пустынѣ постригались». Слыша о такихъ галлюцинаціонныхъ видѣніяхъ въ пустынѣ старца Данилы, народъ тысячами сходилъ въ пустыню, и потомъ тысячами подвергался самосожженію ¹⁾. Вообще, секта самосожигальщиковъ и морельщиковъ, въ своемъ умственномъ изступленіи, множество народа сводила съ ума, не только сумазброднымъ ученіемъ, но и всякимъ обманомъ чувствъ, колдовствомъ, всякими волшебными порошками, ягодами и т. п., — и потомъ тысячами его сожигала. Одинъ, нѣкто Андрей, поморянинъ, — говоритъ Димитрій Ростовскій, — сожегъ людей болѣе 3000; другой, вологодскій старецъ, сожегъ болѣе 2000, третій сожегъ болѣе 1,900 человекъ; сожигатели устраивали по лѣсамъ особыя большія хоромы, сажали туда по 200 и по 300 человекъ, обкладывали домъ соломой, хворостомъ, берестой, смолой, сѣрой, селитрой, и сожигали. Кромѣ того, по словамъ Димитрія Ростовскаго, была особая секта самосожигальщиковъ, которые сами, собираясь въ большія хоромы, поджигали ихъ и старали. Очевидно, что подобныя заблужденія и самоубійства совершались въ припадкѣ сумасшествія. Точно также, и вслѣдствіе такого же умственного, нервно-мозговаго разстройства, такъ называемые «Морельщики» измыслили сумазбродное ученіе о самоубійствѣ и самоумерщвленіи плоти голодомъ, потопленіемъ, удавленіемъ и т. п., и не одну тысячу простыхъ людей, мужчинъ и женщинъ, поморили голодомъ въ затворахъ, въ подземельныхъ ямахъ и пещерахъ, утопили въ водахъ, задушили въ петляхъ и т. п. Изъ какого источника происходили всѣ эти дикія, мрачныя заблужденія? Очевидно, это были слѣдствія органическаго разстройства мозга или нервной системы, сумасше-

¹⁾ Дополн. къ А. И. VIII, л. 50.

ствія. Димитрій Ростовскій, говоря о современныхъ ему сожигальщикахъ, самосожженцахъ и морельщикахъ, о нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо замѣчаетъ: *«абіе сотворися внѣ ума, и измѣнился лицомъ и очима, и вси тому внезапному измѣненію удивихася и ужасни быша»*. «Самосожигальщики и морельщики, — говоритъ онъ, — вкусивши ягодъ волшебныхъ, наприм., порошка изъ высушеннаго и истолченнаго сердца младенческаго и т. п., *абіе желаютъ себѣ смерти*, аки бы за Христа, или сожещися, или утопитися въ водѣ или удавиться, *аки изступяци отъ ума»* ¹⁾. Точно также чисто патологическое умонастроеніе, сумасшествіе, создало нелѣпую секту скопцовъ. Основатель ея, Селивановъ, безспорно психіатрическая личность. Онъ страдалъ умственнымъ расстройствомъ или сумасшествіемъ. Не даромъ, по возвращеніи изъ ссылки изъ Иркутска въ Петербургъ въ 1797 году, онъ, до 8 марта 1808 года, содержался въ сумасшедшемъ домѣ ²⁾. И достаточно прочитавъ его безсвязно-сумазбродное «Посланіе къ скопцамъ», чтобы убѣдиться въ расстройствѣ его ума ³⁾. Да и всѣ экстагическія, экзальтированныя видѣнья, пляски, сумазбродныя, изступленно-восторженныя пророчества и забалтыванья съ пѣнящейся во рту слюной, умоизступленныя и бѣшенныя самобичеванья, конвульсивныя трясенья и разныя сверхчувственныя видѣнья и слышанья скопческихъ пророковъ и пророчицъ суть ничто иное, какъ проявленіе патологическаго умонастроенія, галлюцинацій внѣшнихъ чувствъ, и въ особенности — зрѣнія и слуха, и вообще расстройства нервной системы ⁴⁾. Наконецъ, вспомнимъ печальный патологическій фактъ или переломъ въ исторіи русской мысли, совершившійся въ концѣ XVIII столѣтія. Вслѣдствіе вѣковаго господства чувствъ надъ разумомъ и вѣковаго отсутствія предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго, историческаго развитія теоретической мыслительности, — юная русская мысль, по своей неразвитости и малосилію, не могла, такъ сказать, переварить и здравымъ разсудкомъ ассимили-

¹⁾ Розыскъ изд. 1753 г. ч. III гл. X, XIV и вообще см. главы VII—XIX.

²⁾ См. статью г. Крыжина о скопцахъ Симбир. губер. въ Запискахъ Географич. Общ. по отдѣлу этнографіи 1867 т. I, стр. 492.

³⁾ Посланіе Селиванова въ Чтен. Общ. Истор.

⁴⁾ Подробности см. въ ст. г. Крыжина и въ Запискахъ о скопцахъ свящ. Георгіевскаго въ Зап. Геогр. Общ. по отд. этнограф. 1867 т. I, стр. 485—539. Также—въ Правосл. Собес. 1858 г. «объ обществѣ людей Божіихъ и скопцовъ».

ровать, усвоить себѣ великихъ критическихъ идей философіи и естествознанія XVIII вѣка. И вотъ, старая монаманія чувственнаго созерцанія природы и патологическое, сенсуально-галлюцинаціонное умонастроеніе во многихъ членахъ Новиковскаго масонскаго общества повторились со всѣми своими принадлежками и пароксизмами, только въ видоизмѣненной формѣ, развившейся подъ вліяніемъ мистико-идеалистическаго умственного патологизма тогдашнихъ духовидцевъ, спиритистовъ, иллюминатовъ, мартинистовъ и т. п. Вѣсковое, допетровское господство непосредственно натуральнаго сенсуализма, господства чувствъ надъ разумомъ и теоретическимъ мышленіемъ сказалось и въ этомъ патологическомъ умонастроеніи мистиковъ-масоновъ. Наприм., Невзоровъ, не смотря на то, что изучалъ медицинскія науки за границей, потомъ проповѣдывалъ какую-то мистическую, нравственную медицину, защищая достаточность поверхностной естествопознавательной наблюдательности внѣшнихъ чувствъ, особенно зрѣнія, и отрицалъ высшую, основательную экспериментальную разработку положительныхъ, естественныхъ наукъ, подробныя и тщательныя изслѣдованія, опыты и наблюденія въ области естествознанія, особенно отрицалъ высшія, наиболѣе сложныя изслѣдованія и опыты физико-химическіе, вѣря въ какую-то Парацельсову или мистико-спиритуалистическую алхимию и химическую псалтирь. «Въ публичныхъ школахъ и университетахъ,—писалъ Невзоровъ,—натуру болѣе гораздо стараются знать, нежели то нужно для общежительнаго состоянія. Прежде всего знать и непрестанно памятовать должно, что въ злохудожную душу не входитъ премудрость, что въ такомъ случаѣ неоспоримое правило и законъ, Богомъ установленный, есть тотъ, чтобы познать себя, исправить себя въ духѣ и очистить отъ страстей; иначе плавая въ морѣ таинствъ, мы будемъ слѣпы! Чтобы созерцать славу Божию и видѣть таинства его творенія,—для сего не нужны великихъ издержекъ стоящія лабораторіи и пышныя химическіе снаряды. Иди *безъ всего смотрѣть*, какъ сѣмя, брошенное въ землю, гниетъ, возрождается, растетъ и дѣлается новымъ сѣменемъ; поди всякій бѣдный съ пастушьимъ посохомъ къ муравью, пчелѣ, бобру и другимъ животнымъ, и *смотри*, какъ всеобщій промыслительный отецъ всякой твари далъ свой смыслъ и способность свойственнымъ себѣ образомъ пещись о своемъ благосостояніи и пропитаніи: поди ко всякому насѣкомому и *смотри*, какъ оно родится въ яйцѣ, дѣлается червякомъ и проч. Исправь себя, откинь всѣ злыя склонности и грубую чувственность, изъ

злохудожной души сдѣлай добрую: тогда вся природа явится тебѣ въ новомъ видѣ, и милліоны откроются таинствъ ея» ¹⁾). Издавая журналъ «Другъ юношества» (1810 г.), Невзоровъ въ «Предисловіи къ разговору Натуры, Меркурія и алхимиста» изложилъ свой мистическій взглядъ на всеобщую медицину и химію. Медицина и химія, по его понятію, это ничто иное, какъ аллегорія морали. Что касается до авторовъ, писавшихъ о химіи, — говоритъ онъ, — то лучшіе между ними, для извѣстныхъ имъ причинъ, въ сочиненіяхъ своихъ скрыли аллегорію нравственности человѣческой и подъ видомъ химическихъ операцій разумѣли ходъ и обороты исправленія и усовершенствованія человѣческаго духа» ²⁾). Такой странный мистическій взглядъ на естественныя науки и особенно на химію, еще рельефнѣе высказанный другими мистиками-масонами, былъ вреденъ особенно тѣмъ, что преподавался съ университетскихъ кафедръ даже еще въ 30-тыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, какъ напр., кievскимъ профессоромъ химіи Зѣновичемъ, что увидимъ далѣе. При господствѣ чувствъ надъ разумомъ и по слабосилію мышленія, многіе русскіе умы, не смоги совладать съ великими, міровыми идеями и теоріями Ньютона, Лапласа, Лавуазье, Канта и т. д., вдругъ отшатнулись отъ естественно-научнаго раціонализма и философскихъ идей XVIII вѣка, пошатнулись въ самомъ умонастроеніи и образѣ мыслей, — и погрузились въ самый мрачный, въ самый странный, психіатрический спиритуализмъ и мистицизмъ. «Вначалѣ, — говоритъ Лопухинъ, — я больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ и охотно читалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіей, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную книгу *Systeme de la Nature*, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ устава натуры (*Code de la Nature*). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его было нельзя. Я расположился разсѣвать его въ рукописяхъ. Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ въ очищеніе себя разсужденія о зло-

¹⁾ Галахова, Исторія рус. литературы ч. I.

²⁾ Ibid.

употребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч. Сіе происходило года за два до вступленія моего въ общество (мартинистовъ, масоновъ). Первые же книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ книгъ, была извѣстная «о заблужденіяхъ и истинѣ» (С. Мартена) и Арндта «о истинномъ христіанствѣ» ¹⁾. Такой же переломъ мысли совершился и во многихъ другихъ. Мистическое и болѣзненное умонастроеніе ихъ дошло, наконецъ, какъ извѣстно, до странныхъ заблужденій. Они стали изучать не *chimie philosophique* Лавуазье, а «химическую псалтырь» Парацельса, Бэма или Сведенборга вмѣсто Галилея, Ньютона и Лапласа. Вмѣсто изученія положительной, естественно-научной медицины и химіи, они, какъ наприм. Невзоровъ, учившійся медицинѣ за-границей, предлагали какую-то свою всеобщую нравственную медицину и химію и герметическія науки». Въ умственномъ патологизмѣ или разстройствѣ, они, вдругъ, по галлюцинаціонному вдохновенію и экзальтаціи, измышляли свои мистическія науки. «Вдругъ за обѣдомъ, — писалъ Лопухинъ, — пришла мнѣ мысль о «духовномъ рыцарѣ». Отобѣдавши, тотчасъ пошолъ я прогуляться, въ прогулкѣ составилъ весь планъ, и я скорыми шагами воротился домой, принялся писать, почти не вставая съ мѣста, писалъ часовъ 6, и кончилъ сіе сочиненіе. Въ этой піесѣ краткими чертами представлены главные пункты герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутреннего обновленія человѣка и начала самопознанія и глубокой морали» ²⁾. Этотъ патологическій фактъ или переломъ въ исторіи юной русской мысли печаленъ особенно тѣмъ, что онъ совершился въ умонастроеніи почти самыхъ лучшихъ друзей и пропагандистовъ народнаго просвѣщенія, каковы были, наприм. Новиковъ и все его «Дружеское общество». Онъ совратилъ, такимъ образомъ, съ пути прямого и здороваго интеллектуальнаго развитія и движенія въ Россіи самыхъ лучшихъ, передовыхъ его двигателей и руководителей, или многихъ изъ нихъ. А это печальное обстоятельство отозвалось, въ свою очередь, и на общемъ интеллектуальномъ развитіи и направленіи русскаго общества. Многие, какъ увидимъ далѣе, стали думать и утверждать, что разумъ, естествознаніе и философія опасны и даже вредны для русскихъ умовъ. Отсюда развилась эта іезуитски-мистическая реакція, фанатическими ревнителями которой явились потомъ Руничи, Магницкіе и т. п. Что же было источникомъ и

1) Записки Лопухина въ Чтен. Общ. Ист. 1860 кн. 2, стр. 14—15.

2) Зап. Лопух. 30.

причиною этого умственного уклонения и заблуждения передовыхъ возбудителей интеллектуальной дѣятельности въ Россіи? По нашему мнѣнію, патологическое настроеніе мозга или разстройство умственныхъ способностей было тутъ едва ли не самой главной причиной. Недаромъ многіе изъ новиковскаго общества дѣйствительно были люди съ разстроеннымъ, поврежденнымъ умомъ. Тотъ же Лопухинъ оставилъ намъ такое свидѣтельство: «въ вечеру 3 декабря 1796 года государь, призвавъ меня къ себѣ, приказалъ мнѣ объявить въ сенатѣ генераль-прокурору волю его объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по тайной экспедиціи, кромѣ *повредившихся въ умъ*. О повредившихся въ умъ приказалъ государь усугубить попеченіе къ возможному излеченію, для освобожденія также по выздоровленіи, а между тѣмъ, сколько можно, ихъ поконить» ¹⁾. Наконецъ, замѣтимъ, что вообще психіатричность, особенно передовыхъ мыслящихъ людей, въ разныхъ видахъ и размѣрахъ, столь неизбѣжная въ нашемъ обществѣ, при нашихъ социальнo-политическихъ и экономическихъ условіяхъ,—психіатричность эта, вообще, не можетъ, кажется намъ, не отражаться въ цѣломъ, на нашей умственной жизни, на движеніи и проявленіи нашего интеллектуальнаго развитія. Явись, напримѣръ, въ тяжелыя времена, нѣсколько кающихся Радищевыхъ, съ ядомъ въ рукахъ или въ коверкающемъ мозгъ страхѣ полиціи отказывающихся отъ своихъ идей, которыя они дотолѣ развивали и возвѣщали, явись нѣсколько патологическихъ Гоголей съ перепиской съ друзьями и т. п.,—вотъ вамъ и въ умственномъ движеніи общества, въ развитіи идей нѣсколько попятныхъ шаговъ или, по крайней мѣрѣ, остановокъ: ибо, во-первыхъ, съ паденіемъ или умственнымъ разстройствомъ подобныхъ талантовъ, возвѣщенные ими вначалѣ истинныя, прогрессивныя идеи не развиваются ими дальше, слѣдовательно задерживаются, лишаясь наиболѣе могучихъ интеллектуальныхъ силъ для своего развитія, а во-вторыхъ—противоположныя, реактивныя, или болѣзненныя и покаянныя идеи подобныхъ патологическихъ талантовъ, при общей слабости русскихъ мозговъ, при незрѣлости и несамостоятельности юной русской мысли, на большинство русскаго общества могутъ дѣйствовать и дѣйствуютъ убѣдительно, воспитательно. Въ суммѣ же или въ цѣломъ такія, повидимому, ничтожныя, индивидуальныя остановки или уклоненія въ направленіи и движеніи мысли что нибудь да составляютъ. Одна

¹⁾ Зап. Лопухина, стр. 61.

пружина повредится въ машинѣ или въ колесѣ цѣлаго движенія, — можетъ быть парализовано, вслѣдствіе того, или замедлено или же ложно направлено и цѣлое движеніе. Въ русскомъ обществѣ, въ которомъ еще далеко не развита самостоятельная критическая мыслительность, подобное подчиненіе умовъ интеллектуально-патологическимъ уклоненіямъ передовыхъ мыслителей, очень возможно и дѣйствительно бывало. Такъ, послѣ интеллектуально-патологической реакціи новиковскаго общества, — многіе изъ прежнихъ поклонниковъ разума и философіи, многіе изъ такъ называвшихся «вольтерьянцевъ» стали по образу мыслей Жозефамъ де-Местрами, Руничами и Магницкими, какъ увидимъ дальше, дико завопили противъ «лжеменнаго разума» и накликали гоненія на юную русскую мысль. Точно также, какая нибудь одна «Переписка съ друзьями» Гоголя, — плодъ патологическаго умонастроенія этого знаменитаго писателя подъ конецъ его жизни, — одна эта «переписка» много умовъ поколебала утвердила и воспитала въ мистицизмѣ. Многіе юноши съ увлеченіемъ назидались этой книгой. Многіе съ какимъ-то экзальтированнымъ восторгомъ указывали на нее, какъ на торжественную и побѣдоносную защиту идеализма и мистицизма, высказанную такимъ полномѣстнымъ авторитетомъ русской мысли, какъ авторъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».

Такимъ образомъ, при вѣковомъ господствѣ чувствъ надъ разумомъ и при распространеніи мистическаго міросозерцанія, вслѣдствіе смѣшенія сенсуализма съ мистицизмомъ, — развивалось сенсуально-галлюцинаціонное умонастроеніе и сильно препятствовало здоровому, реалистическому, умственному развитію народа. Но если патологическій, галлюцинаціонный сенсуализмъ и мѣшалъ развитію здороваго, реальнаго умонастроенія, — то, съ другой стороны, все-таки въ сферѣ физическаго, реальнаго рабочаго опыта и наблюденія народнаго, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, развивался и здоровый, реалистическій сенсуализмъ. И этотъ сенсуализмъ, эта здоровая умственно-рабочая дѣятельность внѣшнихъ чувствъ, на нашъ взглядъ, составляетъ характеристическій фактъ и знаменательный признакъ въ судьбахъ умственной исторіи русскаго рабочаго народа. Въ вѣковомъ историческомъ преобладаніи и господствѣ реально-познавательной дѣятельности чувствъ народа рукой самой природы и исторіи начертана и, такъ сказать, въ органахъ внѣшнихъ чувствъ рабочаго народа напечатлѣна великая идея и положенъ естественно-историческій завѣтъ и историко-физиологическій залогъ реальнаго, естественно-научнаго просвѣщенія будущихъ

поколѣній. Мало того: въ самомъ направленіи и характерѣ реально-познавательной воспріимчивости внѣшнихъ чувствъ нашего рабочаго народа указанъ, можно сказать, и самый путь, по которому масса должна быть вводимая въ область естествознанія, и по которому должна подходить къ народу съ ученіемъ естественныхъ наукъ будущая пропаганда народнаго естественно-научнаго просвѣщенія.

Вслѣдствіе вѣкового преимущественнаго развитія непосредственно-чувственной воспріимчивости, наблюдательности и примѣтливости, — въ народѣ русскомъ развилась особенная умственная потребность чувственной осязательности, наглядности и осязательности всякихъ превышающихъ его интеллигенцію идей или изобрѣтеній. По причинѣ особеннаго, преобладающаго развитія реально-познавательной воспріимчивости чувствъ и памяти, — онъ развилъ въ себѣ особенную умственную способность легко высматривать и быстро перенимать всякое новое промышленное изобрѣтеніе или мастерство, какое только могъ видѣть и разсматривать своими глазами. Но по неразвитости собственной силы мышленія, изобрѣтательной интеллигенціи, самъ онъ, собственнымъ умомъ, своей головой не могъ ничего новаго измыслить или изобрѣсти. Юрій Крыжаничъ, сравнивая въ этомъ отношеніи русскихъ съ западными европейцами, замѣчалъ: «разумы наши суть тупы и косны — не остроумны, и мы не сильны быстротою и ловкостью ума. Всѣ именитые народы превосходятъ насъ разумомъ. Ничего не можемъ мы сами искусно и мудро удумать, измыслить. И такъ ко всякому мудрому дѣлу мы должны брать у другихъ народовъ обличье и узоръ, наглядный видъ и образецъ... Ибо нашего народа люди суть коснаго разума, и сами неудобно что нибудь выдумаютъ, если имъ не покажутъ» ¹⁾. Вообще, по преобладанію въ интеллектѣ русскаго рабочаго народа непосредственно-чувственной, наглядной воспріимчивости, — ему нужны были наглядные европейскіе образцы. Когда онъ ихъ собственными глазами видѣлъ и разсматривалъ, — тогда уже легко и быстро и самъ научался по нимъ дѣлать ту или другую вещь. «Всѣ вообще русскіе ремесленники», — говоритъ Олеарій, — «скоро перенимаютъ все то, что увидятъ у нѣмецкихъ ремесленниковъ: такъ, въ нѣсколько лѣтъ они перенимали отъ нихъ много такого, чего раньше совсѣмъ не знали и о чемъ вовсе не слыхали. Не могу надивиться я въ особенности золотыхъ дѣлъ ма-

¹⁾ О москов. государ. XVII в., Разд. 3, стр. 42 и разд. 11, стр. 33.

стерамъ, которые въ состояніи дѣлать теперь серебряную и золотую посуду съ такимъ же совершенствомъ и искусствомъ и даже изяществомъ, какъ и нѣмцы. По этой самой причинѣ, *если кто-либо изъ нѣмцевъ желаетъ удержать въ секретъ свое знаніе въ какой либо отрасли промышленности, то не допускаетъ къ себѣ ни одного русскаго, опасаясь, чтобы онъ не перенялъ у него его искусства.* Такимъ образомъ поступалъ сначала знаменитый литейщикъ Іоаннъ Фалькъ (Hans Falk), такъ требовалъ онъ, *чтобъ русскіе ремесленники уходили отъ него прочь*, когда онъ приступалъ къ отлитію и отдѣлкѣ пушекъ и другихъ особенно замѣчательныхъ вещей. Теперь русскіе сами въ состояніи отливать пушки и колокола; такъ, въ прошедшемъ году ученики помянутаго Фалька вылили въ Кремль большой колоколъ, который вѣсилъ, какъ сказывали мнѣ нѣмцы, живущіе въ Москвѣ, и сами русскіе—7,700 пудовъ, т. е. 308,000 фунтовъ или 208 центнеровъ» ¹⁾. Самъ рабочій народъ нашъ объ себѣ составилъ пословицу: *русскій что увидитъ, то и сдѣлаетъ*» ²⁾. Вслѣдствіе этого понятно, почему въ древней Россіи, пока глазамъ русскихъ ремесленниковъ не представлялись наглядные образцы европейскихъ искусствъ или изобрѣтеній,—среди ихъ вовсе не являлись даже и тѣ такъ называемые самородки или самоучки-изобрѣтатели, какіе стали появляться съ XVIII столѣтія. Западные путешественники, до Петра Великаго, считали единственнымъ, для нихъ удивительнымъ русскимъ изобрѣтеніемъ, лыжи, да и то это было вовсе не русское изобрѣтеніе, а извѣковѣчное орудіе всѣхъ азіатскихъ, сибирскихъ звѣролововъ. Съ XVIII же вѣка, со времени призванія интеллектуально-развитыхъ европейцевъ-мастеровъ и ученыхъ, со времени основанія въ столицахъ и по провинціямъ разныхъ фабрикъ и заводовъ, со времени распространенія европейскихъ ремеслъ и искусствъ, европейскаго машиннаго производства и проч.,—рабочій народъ болѣе или менѣе повсюду могъ видѣть и видѣлъ наглядные образцы, оперативные приемы и практическія приложенія европейскихъ реальныхъ искусствъ, знаній и производствъ. И вотъ, изстари-развитая въ немъ, вслѣдствіе вѣкового, почти исключительнаго, непосредственно-реальнаго воспитанія и развитія реально-познавательной наблюдательности и пріемлемости виѣшнихъ чувствъ и памяти, особенная умственная воспріимчивость къ нагляднымъ и осязательнымъ ви-

¹⁾ Олеарій. Архивъ г. Калачева 1859 г., кн. III, стр. 53.

²⁾ Сборн. пословицъ р. народа—Далъ: *Русь*.

дамъ, образцамъ или реальнымъ приложеніямъ раціональныхъ знаній и производствъ, особенная зрительная, слуховая и осязательная воспримчивость и смѣлливость, — вотъ эта исторически-развившаяся, преобладающая интеллектуальная способность русскаго народа съ XVIII столѣтія стала все болѣе и болѣе проявляться и нравиться рабочему народу. По мѣрѣ того, какъ все больше и больше распространялись по Россіи наглядные образцы европейской индустриальной изобрѣтательности, устраивались фабрики и заводы, распространялось машинное производство, и въ тоже время мало по малу и изъ учебныхъ заведеній разносились по Россіи хотя крупницами европейскія реальныя знанія, по мѣрѣ того, какъ Европа показала русскому народу уже много наглядныхъ видовъ и образцовъ своей могучей интеллектуальной изобрѣтательности, и рабочій народъ могъ уже видѣть, и дома и отчасти за-границей, европейскія машины, химическіе снаряды, лабораторіи и т. п., — по мѣрѣ того все чаще и чаще стали являться и русскіе самоучки-механики, техники, химики и т. п. Послѣ того, какъ и дѣти рабочаго народа, по великой идеѣ Петра Великаго, хотъ изрѣдка да стали имѣть возможность учиться естественнымъ наукамъ за границей, — видѣть тамъ физическіе и химическіе опыты и вообще видѣть образцы, приемы, методы и наглядные примѣры естественно-научныхъ работъ, — послѣ того возможно стало появленіе естествоиспытателей, натуралистовъ и изъ среды рабочаго народа. Вспомнимъ знаменитаго сына холмогорскаго крестьянина-рыбака ¹⁾: за границей онъ выслушалъ курсъ наукъ, увидѣлъ, разсмотрѣлъ и изучилъ наглядно, практически методы или способы химическихъ работъ и физическихъ опытовъ. И вотъ явился въ Россіи первымъ замѣчательнымъ химикомъ и физикомъ. Возбужденная образцами европейской науки и мысли, — мысль Ломоносова потомъ проявилась уже со всею самостоятель-

¹⁾ См. подробности о родѣ Ломоносова, между прочимъ, въ Путеш. Лепехина, IV, стр. 298—303. Здѣсь помѣщены и ревизскія сказки о родѣ Ломоносова. Наприм., въ одной изъ нихъ, именно «во второй ревизіи 744 года» въ сказкѣ показаны деревни Мишанинской, по генеральному свидѣтельству 722 года, 11 дворовъ, въ тѣхъ дворахъ муж. пола душъ:

Лѣта.	Выбылой графы.
Лука Леонтьевъ сынъ Ломоносовъ	73 . Умре 727 г. марта 30 дня.
Сынъ его Иванъ	20 . Умре 720 г. декабря 7 дня.
Внукъ его же Никита Федоровъ	18 . Умре 726 г. декабря 8 дня.
Василій Федоровъ сынъ Ломоносовъ	38 . Потонулъ въ морѣ 741 г.
Сынъ его <i>Михайло</i>	7 . <i>Въжалъ</i> 732 года.

ною творческою мощью. Потомъ онъ уже и самъ выработалъ нѣсколько новыхъ физико-химическихъ теорій или идей. Такъ, напримѣръ, онъ первый объяснилъ, раньше даже Франклина, явленія воздушнаго электричества и грома ¹⁾. За долго до развитія идеи единства физическихъ силъ, высказанной потомъ ясно Дэви и Берцеллиусомъ, Мелони, Карно, наиболѣе развитой затѣмъ Гроуве, Фарадеемъ, Майеромъ, Кольдинггомъ, Джоулемъ, Томсономъ, Клазиусомъ, Либихомъ и, наконецъ, Тиндаллемъ и Гельмгольцомъ,—идея эта совершенно самостоятельно вырабатывалась уже и Ломоносовымъ въ его системѣ «физической химіи». Напримѣръ, въ словѣ «о происхожденіи свѣта» онъ положительно отрицалъ всѣ прежнія теоріи «теплотворныхъ и всякихъ чудотворныхъ матерій» (какъ онъ выражался), какія придуманы были для объясненія разнообразныхъ явленій свѣта, теплоты, движенія, электричества и проч., и положительно признавалъ, по собственнымъ словамъ его, разныя формы движенія нечувствительныхъ (молекулярныхъ) частицъ, самыя тѣла составляющихъ, какъ причины теплоты, свѣта и проч. ²⁾. И послѣ Ломоносова, немало было въ средѣ простыхъ рабочихъ людей порывовъ и наклонностей къ естественно-научному реализму, къ реальнымъ изобрѣтеніямъ, вслѣдствіе невольнаго воздѣйствія разныхъ наглядныхъ видовъ и образцовъ европейскихъ научныхъ приложеній и изобрѣтеній на эту исторически-развившуюся особенную зрительно-слуховую интеллектуальную чуткость и воспримчивость русскихъ народныхъ умовъ. Вспом-

¹⁾ Слово о явленіяхъ воздушнаго электричества. Полн. Собр. Сочин. Ломоносова. Спб. 1803 г., ч. III.

²⁾ Собран. сочинен. Ломоносова изд. 1803 г., ч. III, стр. 160—163 и друг. «Доказано мною въ разсужденіи о причинѣ теплоты и стужи», — говоритъ напр. Ломоносовъ, — «что теплота происходитъ отъ коловратнаго движенія нечувствительныхъ частицъ (молекулъ), самыя тѣла составляющихъ. Теплотворная матерія принята произвольно... Всѣ затрудненія или, лучше сказать, невозможности уничтожатся, когда положимъ, что теплота состоитъ въ коловратномъ движеніи нечувствительныхъ частицъ, тѣла составляющихъ. Не нужно будетъ странное и непонятное переходеніе какой-либо теплотворной матеріи изъ тѣла въ тѣло, которое не только не можетъ быть утверждено доказательствами, но и ясно истолковано. Коловратное движеніе частицъ на изъясненіе и доказательство всѣхъ свойствъ теплоты достаточно. Для большаго въ немъ увѣренія отсылаю охотниковъ къ разсужденію моему о причинахъ теплоты и стужи и къ отвѣтамъ на критическія противъ оной разсужденія». Точно также Ломоносовъ объяснялъ силу или явленіе свѣта особенной формой «зыблягося» частичнаго или молекулярнаго движенія.

нимъ, напимѣрь, самоучку-натуралиста, зоолога, химика и технолога—архангелогородскаго купца Фомина, доставившаго въ своихъ сочиненіяхъ о морскихъ рыбахъ и звѣряхъ и о терпентинномъ промыслѣ весьма цѣнный въ свое время научный матеріалъ, сообщенный въ «Путешествіи» академика Лепехина ¹⁾. Вспомнимъ, да-дѣе, механическую изобрѣтательность Кулибина — сына небогатаго нижегородскаго посадскаго или мѣщанина, торговавшаго мукой ²⁾; физическія и химическія открытія русскаго химика Власова—сына крѣпостного крестьянина ярославской губерніи, который, явившись въ Петербургъ для работъ по найму, сталъ заниматься здѣсь физикой и химіей, потомъ поступилъ къ одному фабриканту, гдѣ сдѣлалъ многія открытія и наконецъ занимался въ лабораторіи медико-хирургической академіи ³⁾; механическія изобрѣтенія ярославскаго господскаго человѣка—механика Калашникова ⁴⁾; техническія усовершенствованія въ кожевенномъ производствѣ петербургскаго мѣщанина Кукина, который для изученія кожевенныхъ операцій осматривалъ заводы въ Петербургѣ, Казани и даже Иркутскѣ, и, оставшись недоволенъ отдѣлкою кожъ русскими мастерами, послѣ долгихъ и разныхъ опытовъ самъ усовершенствовалъ русское кожевенное производство, описавъ секретъ своего усовершенствованія въ пяти книгахъ ⁵⁾; механическія изобрѣтенія—машины молотильная, вѣяльная и др. костромича — господскаго человѣка Соболева, учившагося ранѣе столярному мастерству и рисованью

¹⁾ Путеш. Лепех. IV, 303—370 и 432—457. Самъ Фоминъ рассказываетъ, какъ въ 1780 г. поморскіе промышленники, и въ томъ числѣ «мужики» и самъ Фоминъ, научились производству терпентиннаго промысла *по наглядному указанію и примѣру* одной англійской компаніи. Ibid., стр. 438.

²⁾ См. жизнь механика Кулибина и его изобрѣтенія въ «Отеч. Записк.» 1819 г. ч. 2, стр. 225. Также извѣстіе о Кулибинѣ въ Чт. Общ. Ист.

³⁾ Отеч. Зап. 1818 г. ч. 1, стр. 59. Здѣсь сообщенъ біографическій очеркъ и подробный рассказъ о физическихъ и химическихъ открытіяхъ Власова. Во 2-й части Отеч. Запис. (1819 г.) напечатаны: 1) лекція Власова объ электричествѣ или новый практическій способъ дѣлать простые и вѣрные громовые отводы на домахъ (стр. 146); 2) въ статьѣ «Прогулка на Васильевск. островъ»—извѣстіе объ изобрѣтенной Власовымъ краскѣ и новомъ способѣ, имъ придуманномъ, красить крыши, 3) извѣстіе объ опытахъ нестараемости Власова (стр. 317).

⁴⁾ Отеч. Зап. 1818 г. ч. I, стр. 123.

⁵⁾ Отеч. Зап. 1, стр. 220.

чертежей ¹⁾; замѣчательныя мраморныя и каменныя работы простонароднаго русскаго каменщика-ваятеля—сына вологодскаго крестьянина, Суханова, который, перепробовавши много занятій, побывавши на Вѣломъ морѣ и Шпитцбергенѣ за звѣринными промыслами, гдѣ одинъ-на-одинъ боролся съ медвѣдемъ, послуживши въ работникахъ у судовъ при дедюхинской пристани, потрудившись на якорномъ заводѣ, наконецъ, участвуя въ построеніи михайловскаго дворца, изощрился въ мраморныхъ и каменныхъ работахъ и сдѣлался извѣстнымъ въ С.-Петербургѣ каменщикомъ-ваятелемъ ²⁾. Напомнимъ также: физико-механическія изобрѣтенія—физическіе инструменты, хронометръ и строительное искусство провинціальнаго оптика, механика и архитектора—костромскаго купца Красильникова ³⁾; изобрѣтенія гранильщика Шубина, механика и живописца на мѣди Казаманова и Немилова—изобрѣтателя шлюза для уничтоженія вреда отъ мелей и пороговъ на судоходныхъ рѣкахъ и составителя проекта постоянного на Невѣ моста ⁴⁾; изобрѣтенія московскаго купца Гребенщикова, занимавшагося устройствомъ водопроводовъ, органовъ, пивоварень и изобрѣвшаго цилиндръ для печатанья ситцевъ и выбойки ⁵⁾. Занятія самоучкой физикою, химіею, механикою и астрономіею курскаго мясника—астронома Семенова ⁶⁾; изобрѣтенія пермскаго механика изъ крестьянъ Чистякова, самоучкой выучившагося грамотѣ, рисованью, токарному и часовому искусствамъ, приготовленію калейдоскоповъ, и изобрѣвшаго механизмъ для перемѣны декорацій и проч. ⁷⁾. И въ настоящее время, чуть только способный мальчикъ изъ рабочаго народа присмотрится гдѣ нибудь къ устройству, наприм., машинъ,—сейчасъ въ немъ проявляется склонность самому заниматься устройствомъ подобныхъ машинъ по видѣннымъ нагляднымъ образцамъ. Такъ, напримѣръ, по извѣстію «Волынскихъ Вѣдомостей», въ ровенскомъ уѣздѣ (волынской губерніи), въ с. Стыдини, принад-

¹⁾ Отеч. Зап. ч. I, 1818 г., а также 1822 г. ч. X, № 26, стр. 379, и 1827 года, ч. XXX, № 68, стр. 500, гдѣ помѣщено извѣстіе о новыхъ изобрѣтеніяхъ механика Соболева.

²⁾ Приключенія Суханова въ Отеч. Зап. 1818 г. ч. I, стр. 188, 1819 г. ч. II, стр. 333.

³⁾ Отеч. Зап. 1820 г. 11, № 1, стр. 45 ч. III, № 6, стр. 301.

⁴⁾ Отеч. Зап. 1820 г. ч. III, № 8, стр. 82.

⁵⁾ Отеч. Зап. 1821 г. ч. VII, № 16, стр. 153, № 17, стр. 243.

⁶⁾ Отеч. Зап. 1822 г. ч. IX, № 21, стр. 98; 1824 г. ч. XVIII, № 46.

⁷⁾ Ibid. ч. XXIV (1825 г.), № 67, стр. 229.

лежащемъ помѣщицѣ графинѣ Езерской, живетъ замѣчательный крестьянинъ-механикъ Варфол. Павл. Демьянчукъ изъ дворовыхъ. Находясь сиротой-горемыкой при панскомъ дворѣ, онъ съ малыхъ лѣтъ имѣлъ случай присмотрѣться къ устройству разныхъ машинъ—молотильной, вѣяльной, къ устройству винокуренныхъ аппаратовъ, и такимъ образомъ научился дѣлать и поправлять ихъ. Въ настоящее время онъ живетъ безбѣдно и пользуется уваженіемъ не только крестьянъ с. Стыдинъ и сосѣднихъ селеній, но и живущихъ въ окрестности помѣщиковъ. Испортилась ли молотильная или вѣяльная машина, вѣтряная мельница, карманные или стѣнные часы — всѣ посылаютъ къ нему даже и за 100 верстъ. Лѣтъ 7 или 8 тому назадъ, этотъ самоучка-механикъ самъ, безъ помощи науки, устроилъ стѣнные деревянные часы безъ употребленія металлическихъ частей,—и часы эти не уступали въ вѣрности хода часамъ работы ученаго мастера. Теперь Демьянчукъ выливаетъ колокольчики безъ всякой машины, вѣсящіе отъ 1 до 6 фунтовъ, которые несравненно лучше колокольчиковъ, выливаемыхъ на ближайшемъ заводѣ, находящемся въ с. Любатѣ, въ 30 верстахъ отъ с. Стыдинъ. Демьянчукъ въ настоящее время отличный бондарь, столяръ, механикъ, литейщикъ, кузнецъ, телѣжникъ, токарь и даже музыкантъ-самоучка: онъ играетъ на скрипкѣ, флейтѣ, кларнетѣ и виолончели» ¹⁾. Всѣ эти и подобные примѣры болѣе или менѣе ясно обнаруживаютъ въ нашемъ рабочемъ народѣ исторически-развившуюся особенную умственную склонность къ эмпирическимъ, реальнымъ знаніямъ и занятіямъ—къ механикѣ, химіи, физикѣ, технологіи, архитектурѣ и проч. Грубы, односторонни и часто ложны и непроизводительны проявленія этой народной способности, часто она злоупотребляется; но надо помнить, что для надлежащаго реального или естественно-научнаго развитія и проявленія ея у рабочаго народа до сихъ поръ не было и нѣтъ средствъ.

Такимъ образомъ, вѣковое, историческое развитіе въ Россіи преобладанія рабочаго народа надъ классомъ интеллектуальнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣковое историческое преобладаніе реально-познавательной дѣятельности органовъ, внѣшнихъ чувствъ и памяти зрительной, слуховой и осязательной—этихъ, такъ сказать, рабочихъ органовъ высшаго, теоретическаго интеллекта и мышленія, само по себѣ, независимо отъ другихъ историческихъ вліяній, еще не представляетъ явленія безотраднаго, печальнаго, невыгоднаго

1) С.-Петербург. Вѣдом. 1867 г. 1 авг. № 210.

для интеллектуальнаго прогресса Россіи. Скорѣе — напротивъ. Въ одной изъ предъидущихъ своихъ статей мы сказали: «при вѣковомъ господствѣ внѣшнихъ чувствъ надъ познающимъ, чистымъ разумомъ (reine Vernunft), вмѣсто идей и теорій чистаго разума, вмѣсто научно-философскаго мышленія, развивался по преимуществу грубый физическій, непосредственно-чувственный реализмъ, или непосредственно-натуральный, элементарно-конкретный эмпиризмъ. Такое естественное реалистическое умонстроеніе русскаго рабочаго народа, намъ кажется, какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ и даже невольно ведетъ народъ къ естественному-научному, реалистическому развитію, потому что какъ то основывалось главнымъ образомъ и даже исключительно на непосредственно-натуральной, только крайне-поверхностной наблюдательности внѣшнихъ чувствъ, такъ и это, естественное-научное реалистическое развитіе основывается, главнымъ образомъ, на экспериментальной наблюдательности внѣшнихъ чувствъ, только раціонализируемой или управляемой разумомъ, научно-развитымъ теоретическимъ мышленіемъ ¹⁾. Одинъ изъ нашихъ медиковъ, именно г. В. Стаціонъ въ одномъ заграничномъ отчетѣ своемъ справедливо замѣтилъ: «прежняя наука была схоластической и діалектической, новѣйшая, напротивъ, исключительно демонстративна и наблюдательна. Прежде учащихся заставляли *jurare in verba magistri*, теперь ихъ учатъ наблюдать и удостовѣряться самихъ, *собственнымъ глазомъ, собственнымъ ухомъ, собственнымъ осязаніемъ* въ томъ, что говоритъ профессоръ. Теперь дѣломъ преподавателей наукъ стало—опытами, демонстраціями, химическимъ анализомъ или наблюденіемъ упражнять, по крайней мѣрѣ, *четыре изъ пяти чувствъ своихъ*, и, дѣйствительно, какъ

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь, между прочимъ, что даже по способности развитія органовъ чувствъ, наприм. органа зрѣнія, простые рабочіе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сходятся съ глубокомысленнѣйшими естествоиспытателями. Напримѣръ, знаменитый географъ К. Риттеръ, описывая наши алтайско-барнаульскія металлургическія работы, между прочимъ, говоритъ: «въ 1826 году, Ледебуръ писалъ, что одинъ изъ рабочихъ долженъ постоянно наблюдать за плавкою серебра, смотря сквозь небольшое отверстіе, чтобы не пропустить того мгновенія, когда серебро, еще не начиная улетучиваться, уже совершенно расплавится. Въ теченіи 40 лѣтъ, эту трудную должность занималъ одинъ и тотъ же работникъ; но кромѣ ослѣпительнаго серебрянаго блеска старикъ не видѣлъ уже ничего... Удивительна и необъяснима способность развитія глаза, благороднѣйшаго изъ органовъ чувствъ, болѣе другихъ отдѣленныхъ отъ человѣческаго организма, такъ что онъ живетъ почти особенною, пль пріобрѣтенною, внутреннею жизнью и сохраняетъ

говорится, «demonstrare ad oculos» — сдѣлать вполне *наглядными* истины и положительность своихъ изрѣченій. Виѣшнія чувства, руководимыя разумомъ или научно-раціональнымъ мышленіемъ, управляютъ важнѣйшую дѣятельность въ естествоиспытаніи. Гумбольдтъ въ своемъ «Космосѣ», въ главѣ «о естественномъ и телескопическомъ зрѣніи», такъ говоритъ, наприм., о заслугахъ органа зрѣнія для астрономіи: «только со времени двухъ съ половиной столѣтій глазъ, органъ міросозерцанія, въ искусственномъ телескопическомъ возвышеніи своей силы, получилъ величайшее вспомога-тельное средство къ познанію содержанія міровыхъ пространствъ, къ изслѣдованію вида, физическихъ свойствъ и массъ планетъ вмѣстѣ съ ихъ спутниками. Первая труба была построена въ 1608 году, семь лѣтъ спустя послѣ смерти великаго наблюдателя Тихо-Браге. Уже съ помощію трубы были открыты юпитеровы спутники, солнечныя пятна, сѣрнообразный видъ Венеры, тройственность Сатурна, телескопическія звѣздныя группы и туманное пятно Андромеды, когда въ 1634 г. французскому астроному Мореню (Morin), оказавшему важныя заслуги своими наблюденіями долготъ, въ первый разъ явилась мысль утвердить зрительную трубу на алидадѣ угломѣрнаго инструмента и отыскать Арктура во время дня. Усовершенствованіе дѣленія дуги вполне, или по крайней мѣрѣ болѣею частію, не достигало бы главной своей цѣли, т. е. болѣею точности наблюденія, еслибы оптическіе приборы не были приведены въ соединеніе съ астрономическими инструментами и острота зрѣнія не соответствовала точности измѣренія. Микроскопическій приборъ изъ тонкихъ нитей, натянутыхъ въ фокусѣ трубы, который придалъ употребленію телескоповъ свойственное

ее даже при самыхъ противоположныхъ крайностяхъ, смотря ли, подобно тому, какъ здѣсь, на эти серебряные блики, или созерцая солнце. Я обращаю съ вопросомъ объ этомъ загадочномъ явленіи къ Самуилу Земерингу, величайшему и ученѣйшему астроному прошлаго вѣка, которому посвящено было первое изданіе этой географіи Азій въ 1818 году. Въ продолженіи многихъ лѣтъ дѣлалъ онъ ежедневно самыя тщательныя и безпрерывныя наблюденія надъ солнечными пятнами, для изслѣдованія формы и вращенія центра нашей планетной системы. Осенью 1829 года (ему было тогда 74 года) я выразилъ ему удивленіе, какъ можетъ глазъ его (Земерингъ писалъ объ отправленіяхъ и свойствахъ глаза) смотрѣть ежедневно и безвакантно въ фраунгоферовскій телескопъ на яркій, свѣтлый солнечный міръ. Онъ, съ незабвеннымъ для меня спокойствіемъ и хладнокровіемъ изслѣдователя истины, отвѣчалъ мнѣ: «глаза мои упиваются солнечнымъ свѣтомъ». (Mein Auge trinkt das Sonnenlicht) (Землевѣд. Азія. т. III, стр. 256—257).

только имъ неоцѣненное достоинство, былъ изобрѣтенъ еще 6 лѣтъ спустя, только въ 1640 году, молодымъ, талантливымъ Гасконьемъ. *Телескопическое зрѣніе*, изслѣдованія и измѣренія, какъ я сейчасъ упомянулъ, обнимаютъ только 240 лѣтъ нашего астрономическаго знанія; напротивъ того, не говоря уже о халдеяхъ, египтянахъ и китайцахъ, а начиная только отъ Тимохареса и Аристилла, до открытій Галилея мы насчитываемъ болѣе 19-ти столѣтій, въ продолженіе которыхъ положеніе и теченіе звѣздъ было наблюдаемо *невооруженнымъ глазомъ*. Принимая въ соображеніе многія препятствія, которыя въ этотъ длинный періодъ времени встрѣчали усилія образованія и распространеніе круга идей между народами, обитавшими около бассейна Средиземнаго моря, должно удивляться тому, что еще раньше *изобрѣтенія телескопическаго зрѣнія*, Гиппархъ и Птоломей узнали отступленіе равноденственныхъ точекъ, запутанное движеніе планетъ, два главнѣйшія неравенства луны, опредѣлили положеніе многихъ звѣздъ; Коперникъ открылъ истинную систему міра, Тихо-Браге усовершенствовалъ практическую астрономію и ея методы. Длинные трубы, которыя, какъ весьма вѣроятно, служили уже древнимъ и, безъ сомнѣнія, арабскимъ астрономамъ, могли конечно увеличить нѣсколько точность наблюдений... Задолго до великой эпохи изобрѣтенія *телескопическаго зрѣнія* и приложенія его къ наблюденію неба, слѣдовательно прежде достопамятныхъ 1608 и 1610 годовъ, было уже положено основаніе чрезвычайно важной части астрономіи нашей планетной системы. Георгъ Пурбахъ, Регіомонтанъ (Іоаннъ Мюллеръ) и Бернгардъ Вальтеръ въ Нюренбергѣ многотрудными и рачительными работами умножили сокровище знаній, наслѣдованное отъ грековъ и арабовъ. За ихъ стремленіемъ послѣдовало смѣлое и величественное развитіе идей, система Коперника; за нею—богатство точныхъ наблюдений Тихо, проникательное остроуміе и упорное влеченіе къ вычисленіямъ Кеплера. Два великіе мужа, Кеплеръ и Галилей, стоятъ на важномъ поворотномъ пунктѣ, какой представляетъ исторія практической астрономіи; оба опредѣляютъ эпоху, когда наблюденіе *безоружнымъ глазомъ*, однакоже съ помощію весьма усовершенствованныхъ измѣряющихъ инструментовъ, отдѣляется отъ телескопическаго зрѣнія... Три кеплеровы закона, навѣки прославившіе его имя, открытые чисто-эмпирическимъ путемъ, но для цѣлой системы науки имѣвшіе болѣе обильныя послѣдствія, нежели отдѣльное открытіе новыхъ небесныхъ тѣлъ,—вполнѣ принадлежать *времени естественнаго зрѣнія*, времени Тихо-Браге, даже

собственно наблюденіямъ Тихо... Переходъ отъ естественнаго зрѣнія къ телескопическому, который отличаетъ первый десятокъ XVII столѣтія и который для астрономіи (познанія небеснаго пространства) сдѣлался еще важнѣе, нежели 1492 годъ для познанія земныхъ пространствъ; — не только безпредѣльно распространилъ взглядъ на созданное, но также, вмѣстѣ съ обогащеніемъ человѣческаго круга идей, чрезъ возбужденіе новыхъ и сложныхъ задачъ, возвысилъ математическое знаніе до недостижимаго прежде никогда блеска. Такъ дѣйствуетъ *усиленіе чувственнаго органа* на міръ мысли, на укрѣпленіе умственной силы, на облагороженіе человѣчества» ¹⁾. И не только чувство зрѣнія, но и чувство слуха служитъ источникомъ точныхъ знаній. Такъ, безсмертный Лаеннесъ впервые примѣнилъ наприм: *слухъ* къ изслѣдованію измѣненій грудныхъ органовъ, и довелъ распознаваніе болѣзней легкихъ, сердца и большихъ сосудистыхъ стволовъ, посредствомъ слуха, до такой точности, какой до него даже и не подозрѣвали въ медицинѣ ²⁾. Вслѣдствіе такого высокаго научно-эмпирическаго или экспериментальнаго значенія органовъ внѣшнихъ чувствъ, намъ кажется, преобладающій сенсуально-реалистическій умственный складъ русскаго народа, обусловленный его вѣковымъ физико-географическимъ воспитаніемъ, вѣковымъ преобладаніемъ рабочей непосредственно-сенсуальной, практической дѣятельности народа надъ дѣятельностью интеллектуально-теоретическою, мыслительною, — могъ бы, намъ кажется, прямо вести его къ рациональному, естественно-научному, реалистическому развитію. Это тѣмъ болѣе вѣроятно и возможно, что простой, рабочій народъ, вращаясь въ непосредственной сферѣ физической реальности, въ области самой природы, вслѣдствіе вѣкового естественнаго сенсуально-реалистическаго умонстроенія и воспитанія, какъ мы видѣли, издавна самъ сталъ обнаруживать особенную склонность и способность къ реальнымъ знаніямъ и изобрѣтеніямъ, какъ-то къ механикѣ, химіи, физикѣ и т. п. И мы вѣримъ, что въ Россіи тогда только начнется самое живое, умственно-рабочее, всестороннее и плодотворное интеллектуальное развитіе, когда

¹⁾ Космосъ Гумбольдта т. III, отд. I, стр. 51—53, 63—64.

²⁾ Не говоримъ уже о томъ, что органы чувствъ и сами по себѣ ведутъ къ важнѣйшимъ физическимъ наукамъ. «Законы звука и зрѣнія», — замѣчаетъ одинъ ученый, — «акустика и оптика съ такимъ же правомъ могутъ быть отнесены къ области фізіологіи, какъ и къ области физики». Руковод. фізіологич. химіи. Дерптъ. 1862 г., стр. 11.

естественно-научное просвѣщеніе озарить всю темную массу рабочаго народа и естественныя науки, въ возможной степени, сравниють всенародный умственный уровень, когда всѣ умственные силы народа будутъ работать, съ свѣточемъ индуктивно-научнаго, рационально-теоретическаго естествознанія, и въ непосредственной области природы и въ области рабочаго, практическаго естествоиспытанія, и такимъ образомъ всѣ физическія работы народа будутъ въ одно и тоже время и разумно-сознательнымъ продуктомъ или результатомъ и практическимъ приложеніемъ естественно-научныхъ, физическихъ работъ или изслѣдованій и, въ тоже время, практическимъ разумно-сознательнымъ, рациональнымъ рабочимъ опытомъ, направленнымъ къ дальнѣйшей разработкѣ естественно-научныхъ знаній. Исторія русская недаромъ обусловила, во-первыхъ, преимущественное развитіе и численное преобладаніе рабочаго народа, во-вторыхъ — вѣковое преимущественное развитіе естественнаго, сенсуально-реалистическаго унастроенія народнаго. Въ этомъ исторически-развившемся преобладаніи рабочаго народа и въ этомъ вѣковомъ преобладаніи и укрѣпленіи сенсуально-реалистическаго народнаго умственного склада, въ вѣковомъ господствѣ и укорененіи реально-познавательной дѣятельности эмпирическихъ или экспериментальныхъ умственныхъ способностей — внѣшнихъ чувствъ, — во всѣхъ этихъ историко-физиологическихъ условіяхъ, можно сказать, рукой самой природы начертанъ историческій завѣтъ и физиологическій законъ реальнаго, естественно-научнаго развитія русскаго народа. Въ органахъ внѣшнихъ чувствъ рабочаго народа самой природой начертанъ всеобщій физиологическій законъ всенароднаго реальнаго, естественно-научнаго интеллектуальнаго развитія, и напечатлѣнъ и указанъ сенсуально-индуктивный, реальный методъ всеобщаго, всенароднаго мышленія, познаванія и міросозерцанія. Это, вообще, такой всеобщій физиологическій законъ органовъ чувствъ человѣческихъ, за нарушеніе котораго исторія наказываетъ соціальныя организмы народовъ такими вопіющими соціальными аномаліями и болѣзнями, какъ, наприм., анти-гигіеничность и патологичность образа воспитанія и жизни народа, страшная, вопіющая язва глубокаго и самаго темнаго суевѣрія массъ рабочихъ, господство надъ общественнымъ и народнымъ разумомъ мистицизма и идеализма, духа буржуазіи и т. п., непроходимая пропасть контраста и неестественнаго, анти-антропологическаго дуализма между милліонами темныхъ массъ рабочихъ и какими нибудь сотнями или немногими тысячами образованныхъ мыслящихъ людей

среди одной и той же націи, между мозгомъ и міросозерцаніемъ массъ народныхъ и мозгомъ и міросозерцаніемъ Ньютоновъ, Гумбольдтовъ, Дарвиновъ и т. п., между физическими работами и физическими науками, между практикой и теоріей, между трудомъ и знаніемъ, между умственнымъ ротшильдствомъ и умственнымъ пролетариатомъ, между умственной пищей и умственнымъ голодомъ, между умственной жизнью и умственной смертью и проч. Еще въ прошломъ столѣтіи, англійскій философъ Д. Стюартъ говорилъ: «практическое значеніе физическихъ законовъ начертано рукой самой природы въ органахъ внѣшнихъ чувствъ... Въ операціяхъ мануфактуръ и искусствъ лежитъ изумительное количество научныхъ началъ, какихъ даже и не подозрѣваютъ, и Бойль провозгласилъ громко, что онъ гораздо больше узналъ* въ лавкахъ торгашей, чѣмъ изъ всѣхъ читанныхъ имъ сочиненій. Не видимъ ли мы ежедневно самыя высокія истины механики въ приложеніяхъ у самаго невѣжественнаго класса народа? Грубые ремесленники не отличаются ли по временамъ быстротою и ловкостью даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ и самый глубокомысленный механикъ напрасно пытался бы найтись съ своею наукою?»¹⁾ Тоже самое недавно сказалъ въ одной лекціи Тиндалъ. «Что касается до нашего рабочаго народа»,—говоритъ онъ,—«рабочаго въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то изученіе физики было бы ему полезно не только какъ средство интеллектуальнаго развитія, но также и какъ нравственное вліяніе, способное предохранить этихъ людей отъ привычекъ, унижающихъ человѣческое достоинство... Придавая предметамъ, окружающимъ постоянно рабочаго человѣка, такую занимательность, которая будетъ вызывать его на размышленіе, вы откроете ему новыя наслажденія, и каждое изъ этихъ наслажденій сдѣлается для него точкою опоры въ борьбѣ съ искушеніемъ (наприм., склонностью къ пьянству и т. п.). Кроме того, наши мануфактуры и заводы представляютъ обширное поле для наблюденій, и если бы тѣ, которые въ нихъ работаютъ, сдѣлались способными, при содѣйствіи предварительнаго образованія, оценивать то, что они видятъ, то наука обогатилась бы неисчислимыми пріобрѣтеніями. Кто можетъ сказать, какіе Самсоны умственнаго міра работаютъ въ настоящую минуту съ закрытыми глазами въ нашихъ манчестерскихъ и бирмингемскихъ кузницахъ и заводахъ? Дайте этимъ Самсонамъ зрѣніе, надѣлите ихъ кое-какими знаніями—

¹⁾ Соч. Д. Стюарта—объ индуктивной философіи человѣческаго духа.

ми по части физики, и вы умножите шансы открытій, и тѣмъ самымъ расширите поприще будущаго національнаго процвѣтанія. Въ нашихъ многоразличныхъ техническихъ операціяхъ, мы часто играемъ такими силами, которыя, въ случаѣ нашего незнанія, становятся причинами нашей гибели. Въ локомотивѣ дѣйствуютъ такіе двигатели, о которыхъ, по всей вѣроятности, никогда не мечталъ строитель, и которыя однако достаточно сильны, чтобы превратить машину въ истребительное орудіе. Далѣе, когда мы подумаемъ объ умственномъ развитіи того народа, который трудится въ нашихъ угольныхъ копяхъ, тогда мы перестанемъ изумляться тѣмъ ужаснымъ взрывамъ, которые случаются тамъ отъ времени до времени. Если бы эти люди обладали достаточными физическими свѣдѣніями, то, безъ сомнѣнія, изъ среды самихъ работниковъ вышла бы такая система предосторожностей, вслѣдствіе которой эти потрясающія событія перестали бы повторяться. Если бы они обладали знаніемъ, то ихъ личные интересы доставили бы имъ необходимый стимулъ для его практическаго приложенія и, такимъ образомъ, двѣ цѣли оказались бы достигнутыми въ одно и тоже время—возвышеніе людей и уменьшеніе бѣдствій¹⁾. Если же практическое знаніе физическихъ законовъ начертано рукой самой природы въ органахъ внѣшнихъ чувствъ народа, — то естественно, по всеобщему физиологическому закону органовъ внѣшнихъ чувствъ, и теоретическое, раціональное, естественно-научное знаніе физическихъ законовъ должно быть, соотвѣтственно тому, начертано и въ интеллектѣ, въ сознаніи или разумѣ всего народа. Рано или поздно должны раскрыться и въ сознаніи рабочаго народа тѣ общія теоремы, которыя заключаются въ частныхъ приложеніяхъ физическихъ работъ народа и въ ощущеніяхъ его физическихъ чувствъ. Что самой природой предначертано въ органахъ внѣшнихъ чувствъ, то должно пройти и въ интеллектъ: ибо *nil est in intellectu, quod non sit prius in sensu*. И по всеобщей естественно-исторической логикѣ интеллектуальнаго развитія человѣческаго рода въ сферѣ природы, по общему закону развитія физическаго міросозерцанія, — вслѣдъ за вѣковымъ простымъ созерцаніемъ природы рабочему народу рано или поздно необходимо должно выступить и на путь раціональнаго, умозрительнаго познанія природы. И какъ по закону органовъ чувствъ есте-

¹⁾ Лекціи Тиндалля объ изученіи физики. Книга Юманса: «Новѣйшая культура, ея настоящія стремленія и потребности».

ственно весь народъ принималъ живѣйшее непосредственное участіе въ простомъ созерцаніи природы, во времена господства физической работы надъ дѣятельностью интеллектуальной, — такъ точно, по тому же всеобщему закону органовъ внѣшнихъ чувствъ, естественно весь же рабочій народъ имѣетъ естественное право и естественно долженъ принимать живѣйшее участіе въ разумно-сознательномъ, рационально-теоретическомъ, естественно-научномъ созерцаніи и познаніи природы: такъ слѣдуетъ быть по естественной логикѣ умственной исторіи народа, или по общему естественно-историческому закону. Ибо «вслѣдъ за *простымъ созерцаніемъ народа*», — говоритъ Гумбольдтъ въ исторіи развитія космическихъ идей, — «вслѣдъ за наблюденіемъ явленій, случайно представляющихся взорамъ въ земныхъ и небесныхъ пространствахъ, начинается *изслѣдованіе, познаніе силъ и законовъ природы* посредствомъ производства опытовъ» ¹⁾. И на эту вторую, высшую ступень рациональнаго, сенсуально-реалистическаго развитія рано или поздно долженъ выступить и нашъ рабочій народъ, и рабочія, непосредственно-натуральныя физическія изысканія и опыты его должны сдѣлаться въ тоже время и разумно-сознательными, научно-физическими изслѣдованіями и опытами. За вѣковой практикой рабочаго естествознанія, начертаннаго самой природой въ органахъ внѣшнихъ чувствъ, логически необходимо должно слѣдовать и раскрытіе общей теоремы рациональнаго, теоретическаго, физико-математическаго естествознанія въ интеллектѣ, въ сознаніи рабочаго народа. И, наконецъ, если въ органахъ внѣшнихъ чувствъ рукой самой природы начертано практическое знаніе физическихъ законовъ, и если физическія работы народа, по самой реальной природѣ своей, суть естественно-научны, суть практическіе, естественные опыты или практическія, реальныя проявленія и указанія физическихъ силъ и законовъ, — то естественно, что и самая пропаганда естественно-научнаго просвѣщенія рабочихъ массъ должна проводить въ нихъ свѣтъ естественнаго ученія, такъ сказать, черезъ органы же внѣшнихъ чувствъ и посредствомъ естественныхъ, практическихъ лабораторій или сферъ физическихъ работъ народа; то есть: она должна раскрывать, уяснять народу силы и законы природы наглядно, въ естествено-научномъ, практическомъ производствѣ всѣхъ физическихъ работъ народа, наприм.; въ естественно-научныхъ операціяхъ, изслѣдованіяхъ и практическихъ опытахъ

¹⁾ Космосъ ч. II, стр. 222.

агрономіи или земледѣлія и скотоводства, въ естественно-научныхъ практическихъ началахъ и опытахъ или приложеніяхъ и операціяхъ мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ, и т. д. Вообще, методъ или способъ естественно-научной народо-образовательной пропаганды долженъ быть индуктивно-реальный, практическій. Каждый естественно-научно-развитый дѣятель практической экономіи въ сферѣ природы долженъ нести съ собою и вносить въ среду окружающей его рабочей массы, въ физическую сферу вращенія рабочихъ силъ, свѣтъ естественно-научныхъ теорій, знаній, идей и открытій, разумъ математики и естественныхъ наукъ. Каждый фабрикантъ, каждый заводчикъ, мануфактуристъ, сельскій хозяинъ, рудопріискатель, металлургъ, скотоводъ, садоводъ и проч.,—словомъ всѣ экономическіе, хозяйственные дѣятели должны итти въ массу рабочего народа съ основательнымъ знаніемъ естественныхъ наукъ, и каждый, въ сферѣ своей экономической дѣятельности, въ лабораторіи своихъ хозяйственныхъ работъ, долженъ быть естественно-научнымъ учителемъ и просвѣтителемъ окружающихъ его рабочихъ людей. При каждой фабрикѣ, при каждомъ заводѣ, при каждомъ сельскомъ хозяйствѣ и т. д. должны быть рабочія естественно-научныя училища, фермы и проч. И въ то же время, каждая фабрика, каждое сельское хозяйство, каждый садъ, или огородъ, поле, каждый скотный дворъ и проч.; должны быть практическими рабочими училищами естествоиспытанія, рабочими лабораторіями и обсерваторіями физическихъ, естественно-научныхъ опытовъ и наблюденій. Масса русскаго рабочаго народа, по самому историко-фізіологическому складу своихъ умственно-рабочихъ сенсуальныхъ способностей, по своей естественной, исторически разившейся, особенной умственной наклонности и воспримчивости къ нагляднымъ образцамъ, къ реальной очевидности и осязательности естественно-научныхъ истинъ и ихъ доказательствъ, къ реальной, практической приложимости естествознанія,—по всему этому масса рабочаго народа ждетъ наглядныхъ образцовъ, наглядныхъ практическихъ опытовъ и уроковъ естествознанія, ждетъ вещественнаго, реально-эмпирическаго ученія и убѣжденія. Рабочій народъ ждетъ и рабочаго естествознанія. Ему необходимо, чтобы естественныя науки для него были вмѣстѣ и науками, и работами, и теоріей, и практикой, или опытомъ естественно-научно-жизненнымъ,—и въ то же время—и свѣтомъ, и жизнью, и просвѣщеніемъ ума, и благомъ жизни, или источникомъ умственного просвѣщенія и матеріальнаго благосостоянія.

А. Щаповъ.